

Всемирная Иллюстрація

№ 576.] Годъ XII.

19 Января 1880 года.

[Томъ XXIII. № 4.

Внутренность татарской избы. „Гадающая цыганка“; картина умершаго профессора Гуна.

(Рисоваль на деревѣ Г. Маминевъ).

Наибольше замѣчательнымъ, послѣ этихъ трудовъ, произведеніемъ Диксона было «Товерская башня», выдержавшее нѣсколько изданій въ Англіи и возбуждившее такое движеніе въ англійской публикѣ, что правительство должно было открыть любопытнымъ доступъ въ лондонскую башню, осмотръ которой до того былъ сопряженъ съ большими хлопотами и трудностями. Въ концѣ 60-хъ годовъ Диксонъ объѣхалъ сѣверъ Европы, былъ въ Россіи и написалъ книгу «Свободная Россія», изъ которой можно видѣть, какимъ умѣньемъ наблюдать жизнь чужихъ народовъ обладалъ Диксонъ.

МОРСКАЯ ЗМѢЯ,

видѣнная въ Санди-Хукѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, 30-го ноября 1878 года.

Самуилъ Киттель, матросъ санди-хукской спасательной станціи, 30-го ноября вернулся въ домъ, занимаемый его товарищами, блѣдный, какъ полотно, вызвалъ всѣхъ на берегъ, показалъ всѣмъ то, что его напугало, и затѣмъ донесъ слѣдующее: «Я смотрѣлъ на море и вдругъ увидѣлъ громадную голову и части туловища какого-то неизвѣстнаго мнѣ страшилища. Оно словно будто ползло, какъ змѣя, выставляя изъ воды свою голову. То не былъ китъ и подъ нимъ было не болѣе 12-ти футовъ воды, а китъ при такой глубинѣ былъ бы весь наружу. На спинѣ у него не было перьевъ; тѣло его казалось круглымъ и было гораздо толще обыкновенной сороковой бочки. Цвѣтъ кожи чудовища былъ темно-коричневый. Я увѣренъ, что то не былъ китъ, но не знаю, что это было за чудовище. Я еще никогда подобнаго не видалъ». Джорджъ Ахсенъ прибавилъ съ своей стороны слѣдующее: «Я схватилъ бинокль и побѣждалъ къ водѣ; тутъ я навелъ бинокль на голову чудовища. Передъ головой былъ четырехугольный, пожалуй высотой фута въ два—не меньше. Глазъ имѣлъ 7—8 вершковъ въ диаметръ и отливалъ чернымъ блескомъ, причемъ былъ сильно выпуклый. Кругомъ глаза шла какая-то бѣлая полоса. Отъ головы до хвоста во всемъ животномъ было, по крайней мѣрѣ, футовъ 300 длины, не считая изгибовъ, которыхъ я легко могъ и не примѣтить». Гарри Фостеръ съ своей стороны сообщилъ: «Я вскопчилъ и выглянулъ наружу; тутъ я увидѣлъ самую дьявольскую рыбу, какую мнѣ когда-нибудь случалось видѣть. Она изволила прогуливаться съ такою-же, пожалуй, скоростью, какъ ходитъ человѣкъ. Я поскорѣ взялъ бинокль и сталъ ее высматривать. Чудовище находилось, по крайней мѣрѣ, въ 300 ярдахъ отъ берега; голова его, пожалуй, была съ виду похожа на свиную голову; передъ головой имѣлъ четырехугольную форму и, пожалуй, имѣлъ фута 3 высоты; глаза ея были направлены къ берегу и съ трудомъ помѣстились бы въ моей шляпѣ... черные-пречерные, съ блескомъ; бойко поглядывала она. Двигалась она по водѣ какъ угорь, такъ что голова и нѣкоторыя части туловища постоянно выставлялись изъ-подъ воды наружу. Повидимому, это была змѣя... только не китъ. Во-первыхъ, воды она не выбрасывала, да и плавниковъ у нея не было... развѣ вотъ только на хвостѣ».

Эти свидѣтельства очевидцевъ, переданныя здѣсь слово въ слово, подтверждаютъ тотъ фактъ, что природа время отъ времени порождаетъ такіа чудовища, до которыхъ не дофантазируется ни одинъ романтикъ, и спрутъ Виктора Гюго такъ-же реаленъ, какъ реаленъ его собратъ, очень долго показывавшійся въ нью-йоркскомъ акваріумѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что чудовище, недавно видѣнное въ Санди-Хукѣ, было однимъ изъ неизвѣстныхъ еще видовъ головоногихъ, говорятъ профессоръ Бердъ; что эти животныя достигаютъ иногда громадныхъ размѣровъ—въ томъ нѣтъ уже болѣе никакого сомнѣнія, но, чтобы было головоногое въ 300 фута длиною—это нѣсколько сомнительно. То головоногое, которое видѣли у береговъ Ванъ-Дименовой земли, походило на громадную бочку, а длинныя ноги его подобно змѣямъ извивались по поверхности воды; жи-

вотное это, говоритъ Кентъ, было по всѣмъ вѣроятіямъ огромнымъ восьминогомъ. Въ декабрѣ 1861 года экипажъ французскаго корвета «Алекторъ» затѣлъ борьбу съ подобнымъ-же чудовищемъ; тѣло его имѣло, по крайней мѣрѣ, 20 футовъ длины и вѣсомъ приблизительно 100 пудовъ. Чудовище спаслось бѣгствомъ, оставивъ въ рукахъ враговъ часть своего слизистаго тѣла, и матросы не преслѣдовали его въ маленькихъ лодкахъ только потому, что капитанъ подъ страхомъ казни запретилъ имъ рисковать такимъ образомъ. Въ 1863 году, 26-го октября, два рыбака изъ Консеншенъ-бая примѣтили, повидимому, какой-то громадный тукъ съ товаромъ съ неизвѣстнаго—потонувшего, по ихъ мнѣнію,—судна. Только ударивъ тукъ своимъ лодочнымъ багромъ, увидели они, что тукъ этотъ не что иное какъ огромный спрутъ; онъ перебросилъ двѣ свои ноги черезъ бортъ лодки, но одинъ изъ рыбаковъ не потерялся и тотчасъ-же отрубилъ ихъ топоромъ, послѣ чего животное скрылось. Викторъ Гарвей, осмотрѣвъ отрубленные ноги въ С. Джонсѣ, нашелъ, что въ одной изъ нихъ было 19 футовъ.

Есть достаточно вполне достовѣрныхъ фактовъ для доказательства громаднаго роста, достигаемаго этимъ семействомъ морскихъ чудовищъ, но достаточно и тѣхъ, которые мы только что привели, чтобы убѣдиться, что эти «пари океана», какъ называютъ ихъ Кентъ, дѣйствительно существуютъ, и что характерныя признаки ихъ слѣдующіе:

1) Тѣло ихъ кругло и громадно и описывается обыкновенно походящимъ на бочку или на тукъ товаровъ.

2) Глаза блестящи и велики.

3) Ноги очень длинны и обладаютъ и видомъ и движеніями змѣепоподобными.

Сравнивая эти отличительныя признаки съ описаніемъ санди-хукскаго левиаана, мы легко увидимъ, что они совершенно совпадаютъ другъ съ другомъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, наиболѣе длинная нога тащится за животнымъ и принимается то за плескъ, то за змѣинный хвостъ; когда животное плыветъ и всѣ ноги складываются по одному и тому-же направленію, ради наименьшаго сопротивленія, то легко принять ихъ за одно цѣлое. Представьте-же себѣ одно изъ этихъ ужасныхъ страшилищъ съ его сумчатымъ тѣломъ, до половины спрятаннымъ подъ водою, съ глазами, выставленными надъ поверхностью воды, плывущимъ при помощи своихъ змѣепоподобныхъ ногъ, которыя вытянуты позади него во всю ихъ страшную длину и собрани имъ въ одно цѣлое, и вы будете имѣть совершенно вѣрное представленіе о чудесной, гигантской морской змѣѣ, о которой что ни годъ, то появляются новыя и новыя басни.

В. К.—скій.

КАПИТАНЪ ПАЛАНДЕРЪ,

командиръ парохода «Вега».

Пароходомъ «Вега», на которомъ совершилъ свое путешествіе Норденскіольдъ, командуетъ такой-же, какъ и онъ, отважный и опытный мореходецъ, капитанъ Арнольдъ-Адольфъ-Людвигъ Паландеръ. Паландеръ родился въ Карлскронѣ въ 1842 году и уже 14 лѣтъ былъ морскимъ юнгой и съ 1857 до 1863 года принималъ участіе въ морскихъ путешествіяхъ. Въ 1864 году Паландеръ былъ произведенъ въ офицерскій чинъ и въ качествѣ командира корвета «Gelle» ѣздилъ въ Африку, а затѣмъ и Америку. Послѣ того онъ командовалъ пароходомъ «Софія», входившимъ въ составъ экспедиціи Норденскіольда 1868 г., а въ 1870 году, съ фрегатомъ «Vanadis», ходилъ въ Средиземное море и Суэскій каналъ, для присутствованія при его открытіи, за что былъ произведенъ въ чинъ лейтенанта. Въ экспедиціи Норденскіольда 1872—73 годовъ Паландеръ также принималъ участіе, а по возвращеніи вышелъ въ отставку и занимался частными работами. По предложенію Норденскіольда онъ снова принялъ на себя командование пароходомъ и провелъ благополучно «Вегу» съ Норденскіольдомъ черезъ всѣ опасности сѣвернаго плаванія.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарья.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ Н. Н. КАРАЗИНА.

I.

Въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца 1879 года всѣ члены экспедиціи собрались на общій сборный пунктъ, въ Самаркандѣ.

До этого времени, начиная съ первыхъ чиселъ мая, шли работы по изслѣдованію направленія средне-азиатской желѣзной дороги, которую, дасть Богъ, въ скоромъ будущемъ мы свяжемъ прочно наши богатія, обширныя, имѣющія такое крупное значеніе, и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ, пріобрѣтенія въ центральной Азіи—съ гранью Европы, съ Оренбургомъ.

Въ Самаркандѣ мы были вблизи нашихъ крайнихъ границъ со страной отчасти мало извѣстною, отчасти неизвѣстною вовсе. Черезъ всю эту страну, разрывая ее на двѣ части, съ юго-востока на сѣверо-западъ, течетъ одна изъ колоссальнѣйшихъ рѣкъ Азіи—Аму-Дарья. Рѣка легендъ и преданій, рѣка, имѣющая первоклассное значеніе для жизни цѣлаго обширнаго края, рѣка, тѣмъ не менѣе, едва намѣченная въ изысканіяхъ ученыхъ путешественниковъ...

Видѣя низовьями этой рѣки еще съ 1873 года, мы имѣли самое смутное представленіе о ея отдаленныхъ истокахъ, о всей этой высокой, нагорной странѣ, входящей въ составъ дружественнаго намъ Бухарскаго ханства.

Ознакомленіе, по возможности подробное и основательное, съ этою страной и всѣмъ протяженіемъ теченія Аму-Дарьи составляло вторую часть нашихъ соединенныхъ работъ, составляло цѣль той поѣздки, къ которой мы начали энергично и весело готовиться, собравшись въ Самаркандѣ.

Отсюда уже предстояло выступить и совершать путешествіе далеко не такъ опредѣленно и комфортабельно, какъ до сихъ поръ. Здѣсь была крайняя точка нашихъ правильно организованныхъ почтовыхъ путей; средствами передвиженія для насъ могли служить теперь только: сѣдло, лодка, да собственныя ноги.

Десяти дней, проведенныхъ въ Самаркандѣ, едва хватало на всѣ наши приготовленія. Въ этотъ промежутокъ времени надо было закупить верховыхъ лошадей, нанять джигитовъ, организовать транспортъ продовольственныхъ запасовъ и, кромѣ всѣхъ этихъ хозяйственныхъ приготовленій, войти въ предварительныя сношенія съ бухарскимъ эмиротъ и его властями.

Чуть не ежедневно скакали гонцы изъ Самарканда въ Карши и обратно (эмиръ Мозафаръ находился въ это время въ Карпактѣ, а не въ своей главной резиденціи—Бухарѣ). Азіатскіе власти придають слишкомъ уже большое значеніе всѣмъ мелочамъ этикета, и какой-нибудь пустой вопросъ о церемональнѣйшій, о достоинствѣ подарка занимаетъ болѣе времени и обсуждается тщательнѣе, чѣмъ вопросъ политическій, отъ рѣшенія котораго зависитъ участь цѣлаго края.

Всѣ эти хлопоты и сборы, какъ я уже говорилъ, заняли не мало времени, и только шестого августа по-полудни экспедиціонный отрядъ могъ тронуться въ путь.

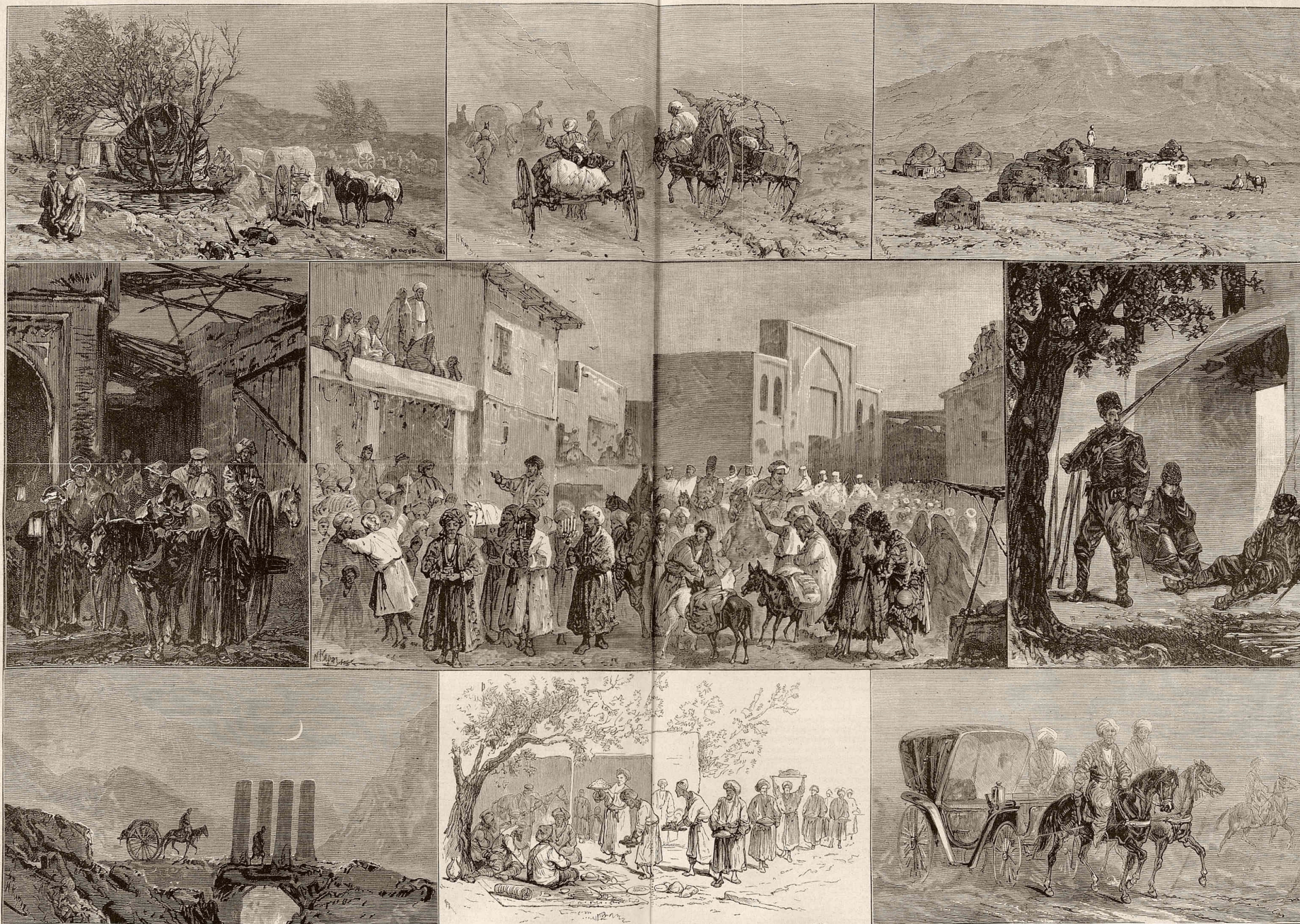
Отъ Самарканда мы раздѣлились на двѣ части: одна должна была идти на Кара-Тюбинское горное ущелье и затѣмъ Шорскій перевалъ, на Паръ, Китаръ-Дербентъ, другая—на Карши, Гузаръ и тоже Дербентъ, гдѣ предполагалось соединеніе обоихъ отрядовъ.

Въ составъ перваго отряда вошли самъ начальникъ и руководитель нашей экспедиціи и съ нимъ подковникъ Луневичъ (артиллеристъ), докторъ Валпидъ, инженеръ путей сообщеній Соколовскій, зоологъ-консерваторъ Пельцаль и завѣдующій хозяйственною частью майоръ Кремеръ. Второй отрядъ состоялъ изъ графа Ростовцева (подковника генеральнаго шлаба), профессора геологій и минералогій Мухометова, профессора ботаники Сорокина, меня, какъ художника-этнографа, и исторіографа путешествія и тоже инженера путей сообщенія—Лапунова.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отрядѣ было по нѣскольку человѣкъ казаковъ уральцевъ, не ради страха враговъ, ибо такую горсть никого не испугаешь, а ради почетнаго конвоя, весьма полезнаго и необходимаго—если принаравливаться къ духу этикета-любивыхъ владѣтелей центральной Азіи. Кромѣ казаковъ, для личныхъ услугъ и ухода за лошадьми при каждомъ изъ насъ находился конный джигитъ туземецъ и переводчики для сношеній, какъ словесныхъ, такъ и письменныхъ.

Багажъ перваго отряда съ мѣста изъ Самарканда уже выступилъ на конскихъ выюкахъ, такъ какъ этому отряду со втораго перехода надо было вступить въ горы; багажъ нашего-же отряда, каршинскаго, пошелъ на арбахъ.

Мы сѣли на коней въ два часа пополудни, послѣзавъ

1. «Джамъ».
2. Приѣздъ въ Каршинскія бани.
3. Мостъ — черезъ арыкъ Даргома — близъ Самарканда.

1. Обзоръ засѣдѣній.
2. Церемоніаль пренесенія подарковъ, предназначенныхъ для Бухарскаго эмира.
3. Достарханъ.

1. Черводарскій кичмакъ.
2. Бухарскій караулъ у воротъ посольскаго дома.
3. Экипажъ эмира, высланный на встрѣчу посольству.

Самарканская ученая экспедиція для изслѣдованія средне-азиатской желѣзной дороги и теченія Аму-Дарьи. Отъ Самарканда до Карши.
(Рисоваль на деревѣ участвовавшій въ экспедиціи, нашъ корреспондентъ, Н. П. Каразинъ).

душевных проводов, пожеланий и роскошного завтрака. Оба отряда раздвинулись с места, так как нам предстояло выйти из древней столицы Тимура в разные заставы, распространились с товарищами и тронулись в путь.

Менее чем в четверть часа мы миновали правильные, прямые улицы русского Самарканда, — улицы прекрасно шоссированные, обсаженные аллеями тополей, аккуратно поливаемые из боковых канав (арыков); но за этими цивилизованными улицами потянулись безбрежная паташница узких, кривых, пыльных переулков азиатских предместий. Справа и слева поднимались скальные, накаленные от солнца, пышащие жаром стбны сакел и дворов; поминутно попадались глубокие арыки; пересякая дорогу, вырываясь откуда-то из под основания стбн и исчезая тоже куда-то под стбны; через эти арыки вели зыбкие мостики, через которые менее рискованно прыгать, чем доверяться их подозрительно-звонкой дырявой настилке.

Густая пыль, поднятая ногами наших лошадей, неподвижно стояла в воздухе, в этой узкой щели между двух стбн... Отряды растянулись длинной вереницею. Кони усиленно отфыркивались. Все мы ждали с нетерпением того счастливого момента, когда кончатся, наконец, эти предместия и на горизонт покажется ровная линия степного пространства, а за нею вьюно-волнистая гряда предгорий.

За полверсты до этого блаженного выхода на простор мы остановились дать вздохнуть коням и подняться отряду, на перекрестке, где сходились четыре улицы и находился маленький тбнстый базарчик; недалеко от этого базара виднелись стбна и куполь мечети Хаджи-Ахрар, красиво выглядывавшие из-за густых масс зелени. Старая, разветвленная гали высились над лавочками базара; боковой арык, отведенный от большого арыка черновара, приятно журчал, пробираясь у самых порогов лавки мясника, невзрачного «чай-хане» с громадным русским самоваром и азиатскими грациозными кунганчиками из чеканной мбды... Груды дынь и арбузов, корзина с виноградом распространяли бы весьма приятный аромат, если бы в этом отношении не конкурировали с подозрительным запахом двух бараньих туш у порога лавки мясника.

Как-бы то ни было, но мы не без удовольствия простояли здесь минут двадцать и вышли по чашке зеленого чая. Когда отряд стнулся, мы тронулись дальше и скоро распространились с гостеприимным Самаркандом, выбавшись за предбны его обильно орошенного, густо поросшего роскошно растительностью оазиса.

Какая дикая, печальная пустыня развернулась перед нашими глазами! Какой поразительный контраст, рбзкий переход от жизни к смерти! Сюда уже не доходит животворная вода; она остановилась вон там, — нбсколько шагов всего назад... Слышно ее журчанье; в вечернем воздухе чувствуешь еще ее влажные испарения, а впереди все мертво, голо, выжжено беспощадным солнцем... Там! вдали, вьюно, где темнеет холмистая гряда, там у ее подножия опять чуть-чуть маячить, словно марево, синеватая полоса садов, — там тоже вода; но здесь, прямо перед нами, вереть на сорок, все слышно, мертвая пустыня.

Колоссальный арык «Даромъ», снабжающий всю вес Самарканд, главнбшим образом его русскую часть, шумит и ббняется гдф-то внизу... Мы подходим к крутому спуску в глубокий, обрывистый овраг. С полновым спуском этого оврага, смбляю аркою повиснув над арыком, текущем по каменному дну, перекинут старинный туземный мост, чрезвычайно оригинальный по своему виду. Этот мост без перил; только по четырем углам его, Бог вбсть для какой цблы, возвышаются четыре-же высокие глинобитные колонны... (рис. 7).

Пока я остановился набросать в свой путевой альбом это странное, типичное сооружение, Лягунов, по своей специальности, полбз под мост, ради изаблдования его постройки в деталях... Джигиты и казаки сбшпились помогать арбам на спуск, граф вооружился бусолью... Каждый замышлял, что ему слбдует по его специальности, и мы продолжали путь.

Дбло было к вечеру, когда мы миновали видбющиеся там и сям, по гребням скалов оврага, остатки стбн и башен старого Самарканда, гораздо обширнбшого и болбз населенного, чем современнбй. На пути нам встречались маленькие караваны вьючных верблюдов, шедшие из Карши с хблбом... Такие же караваны бивакировали по сторонам дороги; вьюки лежали тбгательно сложенные у самого пути; животные паслись по близости, скусывая сухие корешки жалкой степной флоры. Какая разница между здбшними «кораблями пустыни» и киргизскими ббдшими верблюдами малы ростом, тощи, слабосильны и представляют собою вид совершенно невзрослых животных. Они поднимают вьюки не болбз девяти, много десяти пудов, вдвое, значить, меньше, чем несут бухарскбй «нар-кост» или мохнатый, двугорбый «тюя» киргизских степей.

Горы, вбрбше предгорья, вббво вырбываются все яснбе и яснбе; онб словно вырастают с каждым шагом наших коней а кони эти шагают бойко, быстро проходя степное пространство. Только среднеазиатскбй лошади обладают таким чудным, пыльным аллюром — это нбчто среднее между шагом и иноходью, так называемое «джурга» или по нашему: хода. Всадник при этом сидит покойно, не испытывая ни малбйшей тряски; хорошая лошадь может дблать ходом до 10 и даже болбз верст в час, проходя пять и шесть часов под ряд, без остановки.

Дорогу пересбкают изрбдка суходолы, направляющиеся от предгорий в степь. Суходолы эти встречаются с поразительно правильными промежутками, около одного таша (8 верст) один от другого. В начале такого суходола, у самых подножбй гор, есть еще вода; сюда же она уже не доходит, разбрана на поля и сады предгорных кишлаков (селений). Только весной, во время талбй снбгов, эти суходолы бывают наполнены водою; тогда они бубуют, выходят даже из берегов, дблая дорогу непроходимой, но не надолго... Проходить нбсколько дней, и по дну этих свбрбных, многоводных потоков чуть-чуть збмбтся, угасающая под вбйнем веселбных лучей южного солнца, струйка, а еще сутки — и степной вбтерь гонит суходолом солоноватую пыль, ярко сверкает на солнце высокие валуны и гальки.

(Продолжение будет).

3-го января состоялось торжественное открытие памятника Кальдерону, в Мадридб.

Польскбй историческбй художник, Ян Матейко, пишет, в настоящее время, колоссальную картину, нббщую особенное историческое значение для Вбны. Картина представляет польского короля Яна Собеского перед стбнами Вбны, во время осады города турками, в тот момент, когда он среди самого отчаянного боя пролагает себб путь к палаткб Мустафы. Она будет выставлена в 1888 году, по поводу 200-лбтнего юбилея осады Вбны.

В историческом отдблении гроссеновской галереи, выставлена замбчательная по мысли и исполнению картина писанная художником Геренсом, для парижской национальнбй галереи под названбем «Смерть мальчика на баррикадб», сюжет заимствован из романа Гюго «История одного преступленбя». Фигуры изображены в полный рост.

В национальное отдбление гроссеновской галереи помещена новая, найденная 10-го января 1880 г., в замкб дель Кампо, близ Флоренции, замбчательная картина знаменитого Перуджино, писанная им в 1507 г., под названбем «Коронавание Богоматери».

Недавно вышло еще одно художественное издание — «У рбк и морей», фотографическбй альбом А. К. Беттрова. Издание эстампного магазина Беттрова. Издание это весьма изящно и довольно близко передает тб картины или оригиналы, которые принадлежат кисти молодого талантливого художника Беттрова и с которыми мы знакомы по разным выставкам. В состав альбома вошли слбдующие виды: два морских вида (из Голландии), во время прилива и отлива; венецианскбй вид; вид Невы у крбстицы, вид Невы у Бертова завода и зимнбй вид Невы у биржи.

Нбмецкая петербургская сцена представила 12-го января не лишнюю интереса новинку — пятиактную драму Путлица «Рольф Берндт», пользовавшуюся на сбхбх германских сценах значительным успбхом. Публика наша отнеслась к ней, впрочем, менбе сочувственно, чем можно было ожидать, судя по заграничному ея успбху. Главнбй недостаток драмы, сильно вредящий производимому ею впечатлбнию, обща я растянутасть и, в особенности, слишком пространная экспозиция. Рольф Берндт, купец, похбхавший послб смерти своего отца, который оставил много долгов, в Австрали, гдб ему удалось в теченб десяти лбт сбблать миллионрм. За два года до начала дбйствбй пьесы он высалз своей матери деньги, слбдующбй кредиторам его отца;

но мать имбла слабость отдать эти деньги другому лицу своему, негодяю первой руки, отчаявшемуся, однако, поразительным физическим сходством с Рольфом. На этом-то сходствб построено, в сущности, все дбйствие драмы. (Неудавшийся сын г-жи Берндт на сценб, впрочем, вовсе не появляется, по той простой причинб, что его уже нбтъ в живых). Молодой дипломат, граф Эбергард фон Борк, имбвший случай уббдиться в неологадежности младшего Берндта, принимает Рольфа за него и прббжает к молодой вдовб Гертруд фон Штирнер, невбстб Рольфа, чтобы предостеречь ее от брака, могущаго имбть губительна для нея послбствия. Граф нбкогда сам ухаживал за этой особбй, и потому она уклоняется от всякаго разговора с ним насбдинб. Вб виду этого он не придумывает ничего лучшего, как пробраться к ней в комнату поздно вечером, послб ухода гостей. Гертруда высматривает его сначала с негодованбем, а потом со страхом, но, услышав шаги Рольфа, прячет своего нежданнаго посетителя в соседнюю комнату, откуда он слышит весь разговор между ею и Рольфом, окончательно уббждающий его в том, что он был введен в заблужденб вышеупомянутым сходством. Тогда граф, по чувству благодарности, тотчас превращается из недоброжелателя Рольфа в преданнаго ему друга, и способствует назначенбю его на должность консула. На ббду Рольф узнает о свиданбй, происходившем при довольно таинственной обстановкб между Гертрудой и графом, и, считая себя обманутым, рбшается навсегда покинуть Германию. Вб пьесб актб, однако, дбло разлбжается, кб общему удовольствбю, вслбдствие чего Рольф женится на Гертрудб, а граф — на ее сестрб. Характеры в этой пьесб очерчены довольно ббдно. Главнбя дбйствующбя лица выражаются риторически и, преимущественно, выбзжают на необыкновенном благородствб чувств. Нбсколько естественнбе обрисованы сестра Гертруды — Марианна, и мать Рольфа — смбнная по вбтнности старуха, привыкшая жить в маленьком, провинциальном городкб и не связывавшаяся с понятиями болбз высокого круга. Разыгранна была пьеса весьма старательно г-жами Баст, Спелтини и Поллерт и гг. Реземаном и Кесслером. Спектакль закончился новым фарсом Ленца, под названбем «Schreckwirkungen» (Дбйствб испуга). Содержанб его довольно забавно, но в развитбй своем пьеса страдает чрезмбрной утрировкой. Ветеринар Пфунднелг придумал особенную методику лечить нбных, основанную на внезапном дбйствб сильного испуга. Чтобы испытать ее на ком-нибудь, он выискивает кб себб из другого города нбмого сына одного из своих прбтелей. Но еще до прббзда этого юноши случай сводит ветеринара с молодым человеком, выдающим себя за нбмого и выббленным в его еухарку. Над ним-то и производится разнбе опыты, оканчивающиеся тбм, что юнимый нбмой не выдерживает своей роли и принмается говорить. Г. Анно уморительно смбшет в роли чудака Пфунднелга, и вся пьеса держится, можно сказать, на немб одном.

Вб собранбй художников, в Сбб, спектакли, в послбднее время, значительно оживились участбем В. В. Самойлова, сыгравшаго пока главнбя роли в пьесах «Трудовой хблб», г. Островскаго и «Гувернеръ», г. Дяченко. Сверх того, нбсколько раз появлялся на таможней сценб известнбй провинциальнбй актер г. Писарев и ангажирована довольно даровитая актриса г-жа Брянская, подбизвавшаяся нбсколько лбт назад, не без успбха, в Павловскб. В купеческом клубб также появилась новая актриса — г-жа Оубева, из Иркутска; она выступила с болбшим успбхом в известнбй пьесб «Вб погоню за прекрасной Еленбй».

8-го января, в придворнбй пбвческой капеллб, в Сбб, состоялся обычнбй праздникб малолбтних пбвчих — бблка. Бблка эта имбет очень серьезное значение: публикб предоставляется возможность ознакомиться с методами преподаванбй и успбхами воспитанников капеллы, так как «сблкб» и раздачб конфеткб и приниковъ всегда предшествует очень интереснбй вокальнбй и инструментальнбй концертб. На этот раз из инструментальных классов болбше успбшнбх оказались ученики профессора игры на виолончели, г. Маркса-Маркуса и ученики класса скрипки г. Кременецкаго. Отлично ведется также хорь малолбтних пбвчих, под руководством г. Смирнова. Ветеръ окончился пбтнвым хором сочиненбй директора капеллы, П. И. Бахметева, который очень понравился и, пожелав публики, был повторен.

9-го января, на Маринской сценб, состоялось 1-ое представленб оперы «Майская ночь», П. А. Римскаго-Корсакова, на сюжет Гоголя. Опера эта имбла значителнбй успбх и заключает в себб много интереснбх деталей, хотя в цблом довольно однообразна и не может считаться капитальным вкладом в наш оперный репертуар. Вб роли головы, очень хорошб был г. Странинскбй; роль виолончери весьма талантливо передал г. Энде; очень типично передал роль писаря г. Соболевъ. Болбших похвал заслуживает также г. Лодбй (Левко), вполнб музыкально и артистически передавший свою партб, причем она ему и совершенно по голосу. Остальные участвовавшие (г-жи Вишурнина, Славина

Всесвітня Ілюстрація

№ 577.] Годъ XII.

26 Января 1880 года.

[Тоть XXIII. № 5.

Война Англії съ Афганістаномъ.—10-й уланскій бенгальскій полкъ въ Джагдалакскомъ проходѣ.

комната в мавританском стилѣ; размѣры ея указываютъ на богатство владѣльца, но обстановка далеко не роскошная, почти бѣдная, и только вслѣдствіе своей пестроты и оригинальности производящая эффектъ. Женщины, фигурирующія на картинѣ, не чудныя созданія, не пышные розы Грузіи и Дагестана, не гуріи мамангова рая, а простые смертныя съ заурядными лицами. Не красотой формъ любятъ онѣ въ зеркальной поверхности ароматическихъ водъ бассейновъ и фонтановъ, не искрившіеся огнями, драгоценные уборы примѣряютъ онѣ, не чудныя нитки жемчуга вплетаютъ въ роскошные волосы, прихотливыми волнами падающіе до сандаліи, нѣтъ! поджавъ аляповато, по-турецки, ноги, чинить старыя шальвары или играть въ шашки. Лишь одна, только что взявшая ванну, окутанная бѣлоснѣжной простыней расположилась позвѣсѣ на диванѣ и апатично слѣдитъ за игрой сожительницы; но не нѣгой, не граціей дышетъ ея поза, а видѣющіяся голенькія ножки не породятъ зависти даже у англичанокъ. Не менѣе правдиво изображена колдунья зорко, проникательно вглядывающаяся въ лица жителей гарема, призвавшихъ ее погадать и развлечься вмѣстѣ съ тѣмъ ея болтовнею и сплетнями.

О. П.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарья.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

II.

(Продолженіе).

Мы пришли въ кишлакъ Саздаганъ, — въ двадцати чепырекахъ верстахъ отъ Самаркандъ, въ два сѣ половиною часа времени, сдѣлавъ въ часъ до десяти верстъ. Здѣсь мы рассчитывали провести ночь. Колесныя арбы наши не могли поспѣвать за всадниками и далеко остались сзади; онѣ пришли на мѣсто ночлега уже когда солнце спустилось и только гребни каменныхъ горъ золотились, освѣщенные его послѣдними лучами.

Кишлакъ Саздаганъ — это маленькое селеніе, расположенное у самыхъ подножій горъ, скалистые, усѣянные обломками скалы которыхъ словно нависли надъ этою далекою группою мазанокъ и сабелъ, сложенныхъ изъ неотесаннаго, природнаго камня и скрѣпленныхъ глиною... Каждый вершокъ земли здѣсь надо, прежде чѣмъ его обрабатывать, тщательно очистить отъ вадуновъ и розсыпей, сползающихъ съ горъ; все, что снимается съ поверхности земли обрабатываемого участка, складывается тутъ-же въ формѣ загоронокъ, образуя низенькія стѣнки, раздѣляющія одинъ участокъ отъ другаго; эти маленькіе ярко зеленые четверугольники, посѣянные люцерны и джу-гары, кажутся оправленными въ красивыя каменные рамки; за полверсты отъ селенія, въ боковой долинь тѣются главныя родники, образующіе резервуаръ воды для жителей. Оттуда-же идетъ и натуральное, усѣянное гальками, русло горнаго ручья, ниже разбавнаго руками человѣка въ правильнѣйшій арыкъ, многочисленныя вѣтви котораго тщательно дѣлятъ оросительныя блага между всѣми обитателями Саздагана.

Намъ приготовили здѣсь двѣ большія кошменные кибитки, разставленныя на отдалѣнномъ дворикѣ, у самой дороги, въ тѣни группъ старыхъ, развѣсистыхъ карагаевъ; какъ въ самыхъ кибиткахъ, такъ и около, были развѣшаны, — скромные, впрочемъ, по своимъ достоинствамъ, — ковры и ватныя, стеганныя одѣяла, свернутыя въ трубку и служація изголовьями. Саздаганскій старшина и провожатый нашъ аскакалъ изъ Самаркандъ, обогнавшій насъ еще съ полдороги, встрѣтилъ насъ, надѣвъ ради торжества и соблюденія достоинства, свои парадные, пестрые халаты. Они подали намъ зеленый чай, чашку кислаго овечьего молока (айрака), блюда плова и вареной баранины. Мы еще не забыли ошущенія роскошнаго завтрака на проводахъ въ Самаркандѣ, и потому не очень горючили ознакомливаться съ саздаганскою кухнею. Межъ тѣмъ, скрывая и покаявшись, побрякивая побрякушками конской сбруи, подходили къ мѣсту ночлега наши отставшія арбы, и черезъ часть, мы устроились уже на ночь въполнѣ комфортабельно, почти не жертвуя своими европейскими привычками... (Впрочемъ, это только сначала, что называется, споряча: впоследствии намъ пришлось не только разстаться съ этими европейскими привычками, но даже усвоить себѣ привычки степныхъ номадовъ).

Наступила тихая, чудная ночь, когда мы покончивъ работу и, занеся въ журналъ впечатлѣнія дня,

поужинали и легли спать. Легчайшее дуновение вѣтра со стороны накаленной равнины дышало какимъ-то печнымъ жаромъ; но вотъ изъ ущелья потянуло свѣжестью, чуть-чуть колыхнуло зеленая кроны карагаевъ, — и вы чувствуете, какъ холодная дрожь охватываетъ ваше потное тѣло, вы торопитесь плотнѣе завертываться въ свою бурку, для того чтобы черезъ минуту опять высовывать свой носъ изъ закрытыхъ, подъ томительнымъ вѣяніемъ лучистой теплоты, усиленно выдѣляемой камнями, накалившимися впродолженіи шестнадцатичасоваго деннаго жара.

Плохо спится въ такомъ положеніи... Мнѣ ничего — я уже бывалъ, давно привыкъ ко всѣмъ путевымъ взгодамъ и невзгодамъ, обернувшись за десять лѣтъ въ непривычное азиатское климатъ, — но мои товарищи не могутъ о себѣ сказать того-же... Тяжело ворочается графъ на своей складной кровати; вскопчилъ и нервно бродитъ, спотыкаясь на сѣдла и чемоданы, нашъ ботаникъ... Чуть-чуть свѣтитъ огонекъ фонарика геолога, освѣщая поля его круглой шляпы, кончикъ носа, усы и американскую, рыжеватую бородку. Тамъ слышны сухіе короткіе удары легкаго молотка по камню... мелкие осколкики брызжутъ во всѣ стороны. Щелкъ да щелкъ! Это геологъ осматриваетъ и укладываетъ свои тяжеловѣсные коллекціи... Отбѣетъ кусочекъ, посмотритъ на отломъ въ лупу, поскребетъ ногтемъ, извинитъ, если нужно, языкомъ, похлопаетъ, еще разъ посмотритъ и отыщиваетъ его далеко въ сторону, и онъ бѣгунувъ гдѣ-то за стѣною, въ арыкъ, — или же тщательно завернетъ въ бумагу, наклеитъ номерокъ, спрячетъ въ ящикъ и занесетъ въ путевой инвентарь свое приобретеніе.

Наконецъ, все уюмилось. Усталость взяла свое. Смокнули вздохъ и сѣтованія слабонервнаго ботаника, переставъ ворочаться графъ, уснописалъ молотокъ Мухометова; но за то эти звуки смѣнились другими, болѣе приличными данному часу ночи и покою... Тихо, методично хрумкали кони, пережевывая свой ячмень, мѣрно отсчитывали за стѣною шаги часового казака. Изъ глубины горныхъ ущелій доносятся какіе-то неопредѣленные, неразгаданные звуки... Въ воздухѣ пахло овцами и горѣлою колымю.

Съ солнечнымъ восходомъ мы выступили изъ Саздагана, продолжая путь въ томъ-же направленіи. Характеръ мѣстности и самой дороги былъ тоже стѣнъ съ пройденною уже нами частью пути — также предгорье вѣтвѣ, также періодически пересѣкающія дорогу каменные судоходы; только теперь слегка холмообразная степь становилась все гуще и гуще усѣянною пестрыми галечникомъ, затруднявшимъ мѣстами путь для нашихъ арбъ...

У самыхъ предгорій, отходящихъ отъ дороги версты на три вѣтвѣ, видѣлись изрѣдка небольшія группы садовъ и всегда въ верховьяхъ судохода: тамъ кишлаки такіе-же, какъ и оставленный нами Саздаганъ; здѣсь-же, въ степи, кое-гдѣ попадаются кишлаки иного вида — жалкіе, нищенскіе на видъ; гдѣ крохотныя сакли перемѣшаны съ кибитками и юзаймейками, прикрытыми сверху чернымъ, закопченнымъ отъ дыма войлокомъ, зароженымъ съ боковъ соломенными плетенками, — это кишлаки черводаровъ (рис. 1) наймаемыхъ, обладателей овечьихъ атаръ, пасущихся тамъ и сямъ по всему пространству этой выжженной солнцемъ пустыни.

Второй ночью нашъ предтоялъ уже въ Джамѣ, на границѣ Самаркандскаго округа съ владѣніями бухарскаго эмира. Несмотря на почти сороковерстный переходъ, мы прибыли въ Джамъ еще до полудня, опять сильно опередивъ нашъ транспортъ (рис. 3).

Привѣтливо и видимо искренно-радующио встрѣтили насъ представители Джамы и прѣхавшіе уже сюда представители дружественной Бухары; но за то сурово и непривѣтливо встрѣтила насъ джамская природа.

Еще не доходя версты десяти, едва только мы вышли за травяръ боковой вѣтви предгорныхъ холмовъ, мы попали въ сферу чуть не постоянныхъ вѣтровъ, несшихъ массу пыли; характеръ помы здѣсь рѣзко мѣняется; кремнистый галечникъ уступаетъ мѣсто характерному средне-азиатскому «дѣсу», бесспорно плодотворнѣйшему изъ всѣхъ почвъ, міра, но зарождающему тучи бѣдой солонцеватой пыли при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, — а здѣсь дулъ уже не вѣтеръ — а вихрь, скорѣе похожій на ураганъ, налетающій свирѣпыми, бѣшенными порывами; тучи пыли, наполнившіе воздухъ, скрывали всю окрестность; въ духотахъ пахала только крупныя предметы видѣлись неясными очертаніями; пыль слѣпила глаза, лѣзла въ носъ и горло, вѣтеръ парализовалъ слухъ — обрывалъ чуть не у самаго рта звуки вашего собственнаго голоса.

Мы рассчитывали, придя въ Джамъ найти хотя какой-нибудь уголокъ затишья, хотя-бы относительнаго покоя, — но увы! — Джамъ расположенъ именно противъ самаго, устроеннаго природою, жерла вѣтровъ, на самомъ пути изъ горъ, гдѣ густенный холодомъ воздухъ стремительно несетъ въ раскаленные степи, крутя пыльные смерчи при встрѣчныхъ теченіяхъ.

Кибитку для насъ поставили на берегу маленькаго «хауза» — резервуара для воды, освѣннаго чахлами, обитыми вѣтромъ талами; если-бы не эти деревья,

къ которымъ крѣпко привязана была кибитка, ей невозможно было-бы устоять на своемъ возвышеніи; за кибиткою спрятались крохотная зеленая палаточка, — а немного поодаль выселись издѣнные временемъ, источенныя дождями и бурями глинобитныя стѣны разваливъ бывшаго бухарскаго укрѣпленія, гдѣ кое-какъ примазались дрянныя саклины современныхъ обитателей.

Въ Джамѣ, еще за сутки до нашего прѣзда въѣхали бухарскіе представители и курбаши изъ Катакурмана, отъ котораго до Джамы считается до семидесяти верстъ. Нашему прѣзду предшествовало маленькое дипломатическое недоразумѣніе, совершенно въ средне-азиатскомъ духѣ. Бухарцы затѣяли споръ съ катакурманскими курбашию о томъ, кто имѣетъ честь угощать насъ въ Джамѣ. Представитель Катакурмана основывалъ свои права на томъ, что Джамъ на землѣ Катакурманскаго уѣзда, а представитель Бухары — на томъ, что мы ихъ будущіе гости, что граница Бухарскаго ханства всего въ полверсты отъ Джамы, и за этою чертою нѣтъ близко ни одного жилого пункта. Споръ этотъ разрѣшился тѣмъ, что право чествованія «высокихъ гостей» раздѣлено было пополамъ. И вотъ едва мы кое-какъ устроились въ кибиткѣ, едва отканивались и отканивались отъ бѣдой пыли, помыслили и сняли съ себя тяжелые путевые доспѣхи, какъ тотчасъ-же началось это соединенное, безконечно длинное, томительное чествованіе.

Посланный отъ Бухары, представитель шарскаго бека, сухой высокій, пожилой человѣкъ въ бѣлой чалмѣ и красномъ халатѣ, привѣтствовалъ насъ пожеланіями добраго часа для вступленія въ предѣлы ханства и поклонами отъ своего вѣстателя. Помощникъ катакурманскаго уѣзднаго начальника, бравый сѣдобородый старикъ, въ громадной чалмѣ и синемъ шелковомъ халатѣ, съ арко-чѣвными разводами, приложилъ руку къ чалмѣ, яко-бы къ козырьку, по русскому обычаю. Затѣмъ подали обѣдъ изъ очень вкуснаго супа, неизбѣжнаго плова и жареной баранины; а послѣ обѣда началось церемоніальное поднесеніе «дастархана». Ко входу нашей кибитки подошла дѣлая вереница носильщиковъ подносовъ, съ деталями дастархана. Комично было видѣть всю эту цѣпь халатниковъ въ моментъ, когда налеталъ сильный шквалъ пыльнаго урагана. Чалмы распутились, полы халатовъ разлетались въ стороны и парусили... И за порядкомъ одеждъ смотри, и подноси свой береги! — бѣда да и только; а главное нарушаются чинность и порядокъ... Синій и красный халатъ усеялись съ нами, у порога кибитки и жестомъ приглашали насъ принимать одинъ подносъ за другимъ... Скоро вся середина кибитки, все пустое мѣсто, не занятое только нашими персонами, все было въ два слоя заставлено подносами съ кинишмѣми, лепешками, дынями, виноградомъ, разными печевіями и конфетами сдѣланными изъ муки, сахара, патоки и бараньяго сала... Часа два длилось это приношеніе, и мы не безъ наслажденія вздохнули когда оба представителя, расклавившіе пожеланія намъ покойнаго отдыха, а наши джигиты и казаки разобрали по тарбамъ все принесенныя сласти.

Мы думали, что къ ночи вѣтеръ стихнетъ — вышло наоборотъ... Порывы урагана не унимались; пыльные шквалы все сильнѣе и сильнѣе налетали на наше убежище. Едва только кто-нибудь изъ выходящихъ или входящихъ на мгновеніе, поднималъ полу ковра, защищавшаго дверь, тотчасъ-же дѣсовая пыль обдавала насъ съ головы до ногъ, толстымъ слоемъ осѣдая на всѣхъ предметахъ; тенденціи кибитки гудѣли и вздрагивали отъ ударовъ вѣтра; веревки подзорительно трещали, уныло шумѣли надъ головами — отрепанные вершины таловъ... Намъ предстояла не совсемъ покойная ночь, да вдобавокъ еще мы знали, что Джамъ, при всѣхъ своихъ прелестяхъ, имѣетъ еще одну — это обиліе фалангъ и скорпионовъ, имѣющихъ милую привычку сползаться на огонекъ... А безъ огня обойтись нельзя. Мы легли спать, на всякій случай не раздѣваясь и не снимая высокихъ кожаныхъ сапоговъ.

Всю ночь буживалъ ураганъ... Сонъ тревожный, прерывистый; да къ тому-же всюду мерещатся ползающіе фаланги, скорпионы и всякая ядовитая нечисть. Упадешь-ли высохшій листокъ тальника черезъ верхъ кибитки, свалится оттуда-же мохнатая невеселая гусеница — тотчасъ-же безпокойно, порывистое движеніе кого-нибудь изъ спящихъ... торопливо зажигается спичка, освѣщая озабоченную, пожалуй даже испуганную физиономію... Глядишь — и другой начинается копошиться, приподнимается и подзорительнымъ окомъ вглядывается въ свою подушку, въ переплетъ кибиточной стѣны, прислушивается къ малѣйшему шороху... Къ разсвѣту только одолѣлъ сонъ, да и то не надолго... Уже арбаветы встаютъ, джигиты шаятъ коней! — говоръ — движеніе... Пора и отступать...

А сизая, густая пыль все стелется сплошнымъ покровомъ надъ печальною котловиною Джамы — этого проклятаго въ прежніе времена ссыльнаго пункта Бухарскаго ханства...

Пройхавъ три версты, мы очутились на рубежѣ Бухарскаго ханства. Здѣсь, на кучѣ камней, уныло торчитъ невеселый столбъ, окрашенный нашими род-

ними, издавна намолившими глаза, колерами. Сопровождавший нас, помощник каттагурганского узда, афганец Санд-Хант, получивший передъ выѣздомъ изъ Джама отъ насъ въ подарокъ шелковый халатъ, распростился съ нами, и мы продолжали путь уже по бухарской территоріи и подъ покровительствомъ высланныхъ отъ эмира чиновниковъ и ихъ джигитовъ.

(Продолженіе будетъ).

16-го (28-го) января въ Алжирѣ открылась первая художественная выставка. Всѣхъ произведеній доставлено 500 экземпляровъ, которые по окончаніи будутъ перенесены въ алжирскій музей.

Гросвенорская галерея выставила призыва произведенія художниковъ, получившихъ золотыя медали, а именно: картину въ древне-римскомъ стилѣ—«Побѣда Весны», художника Крена и бюсты, работы Гаага, «Генерала Бютнера», вожди ганноверскихъ войскъ, сражавшагося при Ватерло.

Самымъ крупнымъ театральнымъ событіемъ прошедшей недѣли былъ бенефисъ высокоталантливой артистки, г-жи Савиной, которая, увлекшись, вѣроятно, примѣромъ московской актрисы г-жи Федотовой, вздумала поставить комедію Шекспира, «Много шума изъ ничего», въ переводѣ покойнаго Кропеубера. Пьеса эта не шла у насъ уже очень давно; на русской сценѣ мы даже ея никогда не видали, а на нѣмецкой, много лѣтъ назадъ, роль Беатриче превосходно исполнялась г-жею Ванини. Известно, что интересъ ея преимущественно заключается въ тонкомъ и остроумномъ діалогѣ, представляющемъ нѣчто въ родѣ дуэли на словахъ между своенравной дѣвухой и молодымъ дворяниномъ Бенедиктомъ, которые оба любятъ другъ друга, но долго не рѣшаются сознаться въ этомъ чувствѣ. Съ первыхъ-же словъ комедіи стало ясно, что задача эта исполнителямъ пьесы не по силамъ. Мы не дождались поэтому конца злополучнаго спектакля 18-го января, но всѣ газеты единогласно засвидѣтельствовали, что, за исключеніемъ одного момента, основаннаго на мимической игрѣ, роль Беатриче совсѣмъ не удалась г-жѣ Савиной. Въ первыхъ актахъ она совсѣмъ не пошла въ тонъ, и скороговорка ея почти вовсе не была слышна, чему, отчасти, способствовала и трудность вообще разыграть такую комедію въ Маринскомъ театрѣ, объемъ котораго заставляетъ надрываться голоса даже опытныхъ артистовъ. Г. Нильскій вычитывалъ роль Бенедикта съ большою отчетливостью, но по игрѣ былъ довольно безразличенъ. Изъ остальныхъ исполнителей можно отмѣтить съ похвалою только гг. Варламова и Арди въ роляхъ полицейскихъ, Клявиз и Киселя. Овацці, сдѣланныя г-жѣ Савиной въ этотъ вечеръ, отличались необыкновенною горячностью. При первомъ появленіи симпатичной бенефициантки, изъ верхнихъ ярусовъ ложъ посыпались на сцену лавровые вѣйки, причемъ артистка была подана изъ оркестра серебрянымъ лавровымъ вѣнкомъ на бархатной подушкѣ. Потомъ, въ теченіи вечера, г-жѣ Савиной поднесены были еще весьма цѣнные подарки. Бенефициантка была видимо тронута такимъ необыкновенно сочувственнымъ пріемомъ и, въ виду все усиливавшихся аллюсиментовъ, не могла, наконецъ, удержаться отъ слезъ. Легко быть можетъ, что волненіе, причиненное этой встрѣчей, оказало неблагоприятное вліяніе на игру артистки въ роли Беатриче.

Въ субботу, 19-го января, въ Александринскомъ театрѣ представлена, съ довольно слабымъ успѣхомъ, историческая драма Пугица, «Das Testament des grossen Kurfürsten» (Завѣщаніе великаго курфюрста), которая дается въ Германіи уже нѣсколько лѣтъ, потому что льститъ національному самолюбію нѣмцевъ вообще и пруссаковъ въ особенности. Дѣйствіе пьесы происходитъ въ XVII-мъ столѣтіи, когда въ Берлинѣ царствовали еще браденбургскіе курфюрсты. Курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ, прозванный Великимъ, оставилъ завѣщаніе, написать которое побуждала его супруга, не доверявшая способностямъ своего пасынка, наследника курфюрстскаго престола, и озабоченная огражденіемъ интересовъ своихъ дѣтей. Между тѣмъ завѣщаніе это—въ случаѣ, если бы оно было приведено въ исполненіе—послужило-бы въ ущербъ величію и могуществу государства, подвергнуто раздробленію. Курфюрстъ Фридрихъ III-й считаетъ, однако, долгомъ своимъ, скрѣпя сердце, покориться волѣ

своего покойнаго отца; но мать его, убѣдившись въ энергіи его характера, справедливости и твердой рѣшимости царствовать въ духѣ великаго родителя, разрываетъ внутреннее ея-же завѣщаніе, во имя патриотизма. Тема эта разработана Пугицемъ далеко не талантливо, и потому пьеса смотрится весьма тяжело. Наиболее эффектна въ ней, сравнительно говоря, та сцена, въ которой курфюрстъ Фридрихъ III, чтобы отстранить отъ своей матери всякое подозрѣніе въ преступныхъ намѣреніяхъ относительно его, выпиваетъ при всемъ дворѣ стаканъ воды, въ который она, по его желанію, наливала нѣсколько такъ называемыхъ «зеленыхъ капель», принимаемыхъ всѣми придворными за ядъ. Пьеса разыграна была весьма старательно. Главныя роли въ ней играли: г-жа Полдертъ (мать курфюрста), г. Реземанъ (курфюрстъ) и г. Кехи (старый придурковатый фельдмаршалъ Дерфлингъ).

Въ Маломъ театрѣ возобновлена, въ послѣднее время, драма Г. Чаева «Свердловъ», съ г-жею Жуковой въ главной роли, и состоялся не безъ успѣха дебютъ г. Пашечева—въ роли Андрея, въ комедіи «Женитьба Бѣлугина».

Въ субботу, 19-го января, на сценѣ «Благороднаго Собранія» дана была комедія г. Аганова—«Семья Жиронныхъ», въ которой особенно выдѣлялся, по типичности игры, въ ряду исполнителей г. Петровъ, въ роли семинариста Гиппопотамова, а въ понедѣльникъ, 14-го января, въ «Собрании Художниковъ» г-жа Стретенкова и г. Писаревъ съ огромнымъ успѣхомъ исполнили главныя роли въ первомъ актѣ «Псковитинки» и въ драмѣ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ».

15-го января, въ 3-мъ концертѣ «Безпл. музык. школы» въ Спб., въ 1-й разъ была исполнена симфоническая поэма «Юанна д'Арктъ», Морина Момковскаго. Симфоническая поэма эта оказалась длиннѣйшей фантазіей, не отличающейся, впрочемъ, сильными и блестящими мыслями и тянувшейся добрые полчаса. Хладнокровіе автора, требующаго обязательно вниманія публики, дѣйствительно крайне утомительно. Рядомъ съ мелодіями г. Момковскаго, замѣчены были заимствованія изъ «Лоэнгрина», «Мейстерзингера» и даже итальянскихъ сочиненій. Инструментовка и техническая отдѣлка «Юанны д'Арктъ» также не отличаются достоинствами и своеобразиемъ. Несравненно интереснѣе было прослушать каватину «Юанна Грознаго», изъ «Псковитинки» Н. А. Римскаго-Корсакова, также исполнявшуюся въ 1-й разъ и къ тому-же хорошо свѣтуетъ г. Принишниковымъ. Не говоря уже про «гигантскій» шатъ, сдѣланный впередъ г. Римскимъ-Корсаковымъ, въ смыслѣ сліянія благозвучія съ требованіями реализма (Грозный царь расцвѣтаетъ каватину!),—каватина эта дѣйствительно не лишена поэзіи и интересна. Она была даже повторена.—Г. Кви, черезъ посредство аккомпанировавшаго г. Помазанскаго и пѣвца г-жи Фальманъ, представилъ намъ рядъ «музыкальныхъ картинокъ» и возобновилъ въ нашей памяти баркаролу изъ «Анжелы» (впрочемъ, очень фальшиво свѣтуетъ г-жею Фальманъ). Музыкальныя картинки г-на Кви отличаются текстами для дѣтей и музыкой для взрослыхъ, не лишенной извѣстнаго интереса. Исполнялись «дѣи взрослыхъ» и изданія редакціи «Семья и Школа», пѣсни эти могли служить назиданіемъ, какъ не слѣдуетъ писать для дѣтей, если только г. Кви имѣлъ въ виду дѣтей, выступивъ въ «бес платной школѣ» съ этими «картинками». Разумѣется, нечего говорить, что никакой картинности въ «картинкахъ»—нѣтъ; хотя и есть нѣкоторые описательныя стремленія (въ родѣ подражанія колокольному звону, въ аккомпаниментѣ фортепьяно, въ «картинкѣ» «Христосъ Воскресъ»). Еще были исполнены три отрывка изъ «Освобожденнаго Прометея»—Листа: хоръ океанидъ, хоръ жнецовъ и хоръ тритоновъ. Исполненіе, какъ большею частью въ «бес платной школѣ», было неважное. Особенно бассамъ не слѣдовало такъ громко провозглашать славу Прометея, къ явному ущербу собственной славы исполнителей.

Придворныя извѣстія.

Е. В. Государыня Императрица изволила благополучно прибыть въ С.-Петербургъ 23-го января, въ 4 часа полудни, совершивъ путешествіе отъ Канны безъ особаго утомленія.

Правительственные распоряженія.

На основаніи ст. 55, прилож. къ ст. 4 (примѣч.) уст. ценз., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: прекратить печатаніе частныхъ объявленій въ газетѣ «Голосъ» на одинъ мѣсяцъ.

Выставки и юбилеи.

Въ засѣданіи городскихъ гласныхъ въ Ригѣ постановлено: въ ознаменованіе 25-ти-лѣтней годовщины восшествія на престолъ Его Величества Государя Императора назначить выдачу пособій изъ городскихъ суммъ: нѣмцамъ воинскимъ чинамъ изъ рижскихъ уроженцевъ, участвовавшихъ въ послѣдней турецкой войнѣ,—въ размѣрѣ 72-хъ рублей въ годъ на человѣка, пожизненно; вдовамъ убитыхъ или безъ вѣсти пропавшихъ—по 36 рублей; дѣтямъ ихъ, до 16-ти-лѣтняго возраста,—по 24 рубля; сиротамъ-же, до достиженія того-же возраста,—по 72 рубля въ годъ. Сверхъ того, постановлено препроводить къ Его Величеству Государю Императору артистически выполненный адресъ, съ изъясненіемъ вѣроподобныхъ чувствъ.

Въ виду предстоящаго 19-го февраля 1880 года празднованія двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора, петербургская городская дума избрала особую комиссію, которой и поручила составить предположенія о празднованіи 25-ти-лѣтія царствованія Государя Императора. Обсудивъ заявленныя въ комиссіи предположенія о чествованіи городомъ дня 19-го февраля 1880 года, комиссія остановилась на томъ, чтобы предложить:

а) Поднести Государю Императору отъ города С.-Петербурга всенародный адресъ и при этомъ, въ серебряномъ, художественно исполненномъ, ларцѣ, 25 листовъ акварельныхъ рисунковъ, изображающихъ достопамятныя для города событія, совершившіяся въ С.-Петербургѣ въ 25-ти-лѣтній періодъ царствованія Государя Императора, и замѣчательныя монументальныя сооруженія въ С.-Петербургѣ, возведенныя или оконченныя въ этотъ-же періодъ. Съ рисунковъ этихъ, а также и ларца снять фотографическія копіи, для храненія ихъ въ думѣ, вмѣстѣ съ точною копіею всенароднаго адреса.

б) Издать для бесплатной раздачі народу книгу: чтеніе о царствованіи Государя Императора, съ портретомъ Его Величества и 5-ю картинками.

и в) Устроить публичныя увеселенія для народа.

Медицина и гигиѣна.

Недавно извѣстный французскій ученый Поль Берь открылъ новое анестезирующее средство. Онъ беретъ смѣсь изъ закиси азота и кислорода, именно $\frac{1}{4}$ перваго и $\frac{3}{4}$ послѣдняго газа; и чтобы заставить закись азота этой смѣси поступать въ кровь, какъ будто-бы она была въ чистомъ видѣ, онъ немного усиливаетъ давленіе, подъ которымъ находится эта смѣсь. Обладая приборами, позволяющими произвольно поднимать атмосферное давленіе въ цѣлыхъ камерахъ, Поль Берь заставлялъ животныхъ дышать упомянутою смѣсью подъ давленіемъ выше атмосфернаго на 20—25 центиметровъ. Этого достаточно, чтобы вызвать у животнаго полную анестезію безо всякихъ признаковъ асфикціи.

Увеличеніе давленія, подъ которымъ стоитъ закись азота на 20—25 центиметровъ, производитъ то, что этотъ газъ поступаетъ въ кровь въ такомъ-же количествѣ, какъ будто онъ былъ въ смѣси въ пропорціи $\frac{3}{4}$.

Парижскіе хирурги давно набросились на изобрѣтеніе Поля Бера. Табее, Пеннъ и другіе производили операціи въ камерахъ, гдѣ давленіе было поднято на упомянутую величину; и, заславляя больныхъ дышать смѣсью закиси азота съ кислородомъ, они получали полную анестезію въ теченіи полчаса и $\frac{3}{4}$ часа, дозволившую имъ производить большихъ операцій.

Анестезія была полная и свободная ото всѣхъ тѣхъ непріятныхъ симптомовъ, которые обыкновенно сопровождаютъ наркотизацію хлороформомъ или эфиромъ.

Сельское хозяйство.

Вопросъ о разведеніи американской кукурузы «конскій зубъ» въ Россіи нѣсколько уже лѣтъ занимаетъ нашихъ сельскихъ хозяевъ. Квашеная (въ особыхъ ямахъ) кукуруза представляетъ отличный кормъ скоту, и потому разведеніе ея, особенно въ среднихъ губерніяхъ, вполнѣ желательно. Въ настоящее время, различными сельскими хозяевами предпринимаются опыты акклиматизированія этого растенія. Одинъ изъ этихъ опытовъ, произведенный въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, г. Бодиско, вполнѣ удался и подаетъ надежду, что разведеніе кормовой кукурузы въ Россіи—вещь возможная.

Географія, этнографія и путешествія.

Въ Галифаксѣ дѣлаются приготовленія къ новой американской научной экспедиціи къ сѣверному полюсу. Экспедиція будетъ находиться подъ руководствомъ д-ра Эмиліа Бесселя, который принималъ участіе въ экспедиціи капитана Голя, на кораблѣ «Polaris».

Некрологи.

21-го января скончался почетный членъ, бывшій профессоръ и ректоръ с.-петербургскаго университета, членъ совѣта мин. народнаго просв., тайный совѣтникъ Александръ Абрамовичъ Воскресенскій.

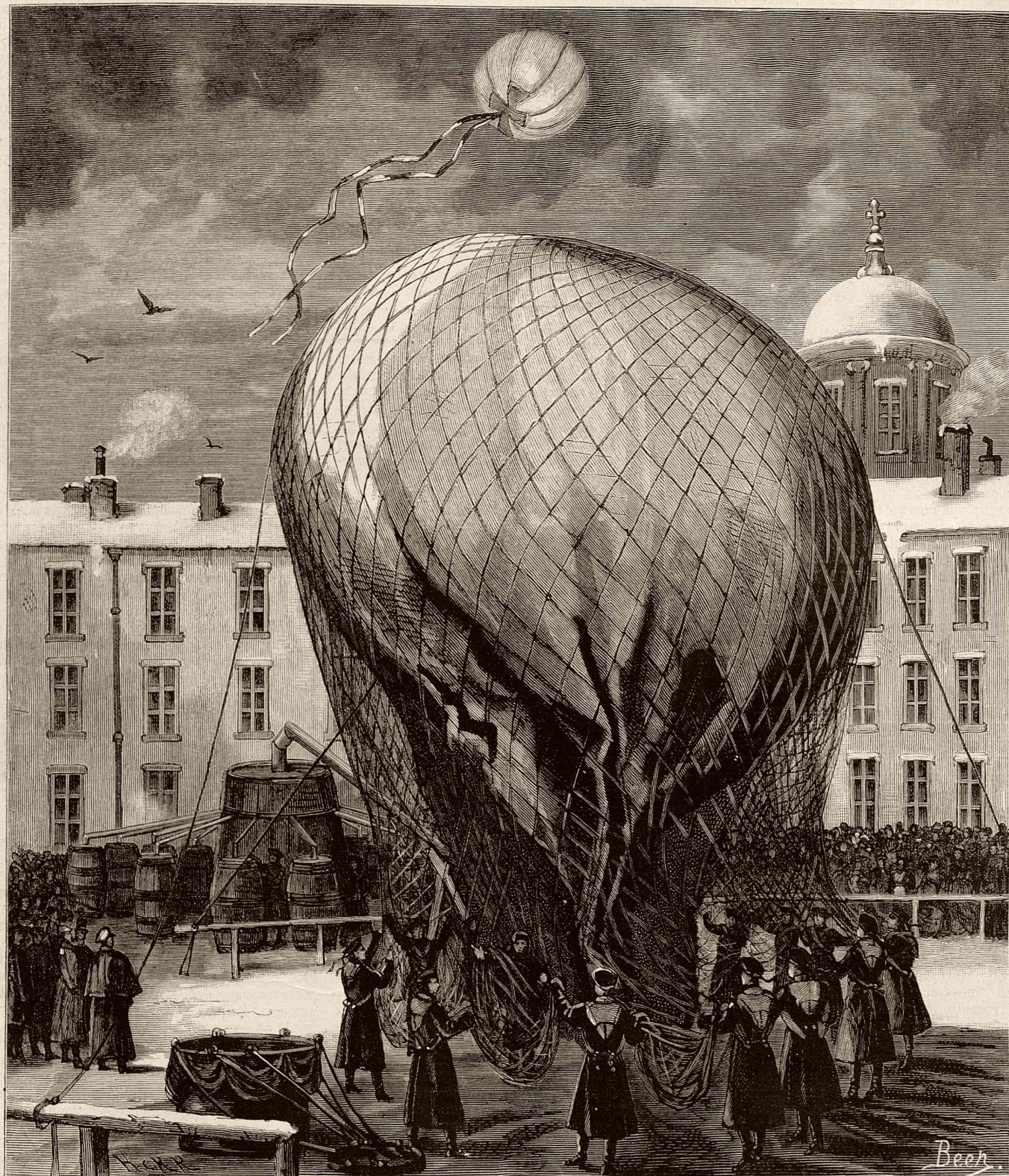
— Въ ночь съ 22-го на 23-е января, скончалась въ Петербургѣ, бывшая артистка театра «Опера Буффъ», талантливая г-жа Бланшъ-Норде.

Всемирная Извѣстность

№ 578.] Годъ XII.

2 Февраля 1880 года.

[Томъ XXIII. № 6.

С.-Петербургъ. — Поднятіе воздушнаго шара, при 10° мороза, 13-го января, на плацу константиновскаго училища.
(Рисоваль И. Бееръ).

ставки». Картина эта на многих произвела глубокое впечатление. Кроме потрясающей драмы в лицѣ осужденнаго, его матери и отца, художник передает съ изумительной тонкостью разнообразныя экспрессіи остальных дѣйствующихъ лицъ. Осужденный, для котораго жизнь какъ-бы уже кончена, для котораго нѣтъ уже болѣе ни близкихъ, ни родныхъ, болѣзненно туго и какъ-то страдальчески смотритъ на свою мать; онъ удрученъ ея горемъ, ея воплемъ, у него отняты силы для утѣшенія, для того, чтобы сказать хоть одно слово рыдающей и приходящей въ отчаяніи матери; а она ломаетъ руки и съ рыданиями, произнося его имя, называя послѣдній разъ его ласковымъ словомъ, хочетъ кинуться къ нему, хочетъ проститься съ нимъ; но часовой, въ силу закона, отстраняетъ ее отъ преступника и тутъ-же какъ-бы говоритъ старику отцу: «убери ты свою бабу». Отецъ дергаетъ мать за шубку, а самъ уже и смотрѣть не можетъ на осужденнаго сына; онъ опустилъ голову и утираетъ только градомъ льющіяся слезы. Эта нѣмая минутная сцена тронула за сердце всѣхъ окружающихъ: жандармъ, идущій съзади преступника, опустилъ голову; другой жандармъ смотритъ съ соболѣзнованьемъ на мать, часовой, стоящій по другую сторону двери за преступникомъ, отвелъ глаза куда-то въ пространство и только какая-то дѣвушка изъ публики съ любопытствомъ и съ ужасомъ глядитъ на мать съ отцомъ, да чиновникъ-старикъ и чиновница смотрятъ на осужденнаго съ тѣмъ грустнымъ, но покойнымъ выраженіемъ, которое какъ-бы говорить, «будемъ молиться за него»... Мучительная минута, дивившаяся на судъ при ожиданіи совѣщавшихся присяжныхъ, теперь снова наступила для преступника и наступила уже съ убійственнымъ сознаниемъ, что все кончено; передъ нимъ послѣдній разъ явилась, какъ-бы во-очію, его прошлая свободная жизнь между людьми въ лицѣ дорогихъ и близкихъ для него матери и отца; одно только погибшее прошлое задевало ему сердце, сдавило ему голову, и съ этимъ послѣднимъ самымъ ужаснымъ сознаниемъ онъ какъ-бы окаменѣлъ и перенеситъ тягостное возмездіе за совершенное преступленіе. Минута этого сознания—это и есть то ужасное наказаніе, которое испытываетъ преступникъ, осужденный на каторжную жизнь, заключающуюся не въ тягостной подневольной работѣ, а въ лишеніи свободы и въ отчужденіи отъ всего, съ чѣмъ сроднилась душа человѣка... Убійственна эта минута; и съ нея-то начинается для преступника та именно каторжная жизнь, которая и днемъ и ночью преслѣдуетъ преступника сознаниемъ лишенія свободы... Это ужасное горе сознательно чувствуется всѣми, смотрящими въ такую минуту на преступника: всѣ глядятъ на него точно на погребаемаго живою человѣка, провожаютъ его, какъ живаго покойника и только судьи и присяжные, привыкшіе къ такимъ сценамъ, равнодушно, какъ изобразилъ ихъ художникъ, говорятъ о преступникѣ, какъ о дѣлѣ, которое, въ силу правильного исполненія закона, должно имѣть такой исходъ. Присяжнаго и судью написалъ В. Маковский на заднемъ планѣ, въ сторонѣ, и этимъ онъ какъ-бы только оттѣнилъ самую драму, которая послужила предметомъ для картины. Въ картинѣ художникъ далъ прочувствовать зрителю, такимъ образомъ, всю психическую сторону момента возмездія за преступленіе...

ленія не видно вовсе; кое-гдѣ только, въ глубинѣ боковыхъ ложницъ, прячутся одинокія кибитки самаго жалкаго вида.

Пройдя два таща (таща, какъ я уже говорилъ, равняется восьми верстамъ), мы сдѣлали небольшой привалъ на урочищѣ Шуръ-Кудукъ (солонцы колоды).—Вода, впрочемъ, въ этихъ колодахъ оказалась превосходною. Типъ колодцевъ первобытный, библейскій: око колодца окружено невысокою, глинобитною стѣною; съ одной стороны два параллельныхъ столба изъ глины-же, и между ними деревянный круглый брусъ, вмазанный горизонтально, черезъ который перекинута веревка съ кожанымъ бадейкомъ. Веревка или лошадь—а нѣтъ такъ и сами люди—тянутъ конецъ этой веревки, отходя отъ колодца на всю ея длину и извлекаютъ, такимъ образомъ, на полную высоту бадейку на свѣтъ Божій.

Въ Шуръ-Кудукѣ выставлены были кибитки и заготовленъ завтракъ, или вѣрнѣе—ранній обѣдъ. Олать представили мѣстной администраціи, опять «достарханъ»—и размыли официальныхъ любезностей. Невольно мы обратили вниманіе на одно только обстоятельство—кулинарнаго, впрочемъ, свойства. Всѣ блюда приготовлены были здѣсь особенно тщательно и съ замѣчательнымъ искусствомъ. Это, оказалось, потому, что эмиръ выслалъ намъ сюда на встрѣчу своего собственнаго повара, «бакауль-баши», что значить «глава съѣстныхъ припасовъ». Этотъ «бакауль-баши», красивый брюнетъ, въ золотисто-красномъ халатѣ, провожалъ насъ и остальную часть пути до Карпи.

Мѣстность отъ Шуръ-Кудука до Беклемиша—нашего ночлега—ровная, спокойная холмистая, чрезвычайно напоминаетъ своимъ видомъ наши херсонскія равнины; только вѣло чуть-чуть маячить въ отуманенномъ пылью горизонтѣ далекая горная гряда. Вправо-же безъ конца тянется степь, и на ней опять грубая богарная пашня, опять немногочисленные аторы овецъ, опять одиноко разбросанные, жалкія кибитки, съ своими обывателями, почти нищенскими, полу-осѣдлыми, полу-номадами. Только за полчаса хода до Беклемиша показывается нѣчто въ родѣ растительности. Это заросли-колючки (alghagi-camelotum и rhino-cerhalus); растенія эти служатъ здѣсь единственнымъ топливомъ и даже кормомъ для мѣстнаго скота и проходящихъ верблюжьихъ каравановъ. Колючку собираютъ весьма тщательно и за-благовременно: надо, чтобы она успѣла достаточно высохнуть къ зимѣ, чтобы удовлетворить своему первому назначенію.

Въ Беклемишѣ только единственное глинобитное постоянное зданіе—это мечеть; все-же остальное—тѣ-же кибитки и кибитки, разбросанныя на обширномъ пространствѣ. Вдали, на холмѣ, видны еще дѣтри саки, того-же типа, какъ въ червогорскихъ кнш-лакахъ, что мы видѣли, не доходя Джамо,—и загоны для скота. Все урочище носитъ скорѣе характеръ кочевья, чѣмъ осѣлаго селенія; степь кругомъ перстрѣтъ кучами собранной колючки. Богарная пашня бѣстаетъ отъ слякотныхъ личинокъ, напесенныхъ сюда вѣтромъ вмѣстѣ съ пескомъ, образовавшимся мѣстами даже крохотные зачатки бархановъ.

Здѣсь случилось маленькое недоразумѣніе: провожающій насъ бакауль-баши отсталъ на пути и немного запоздалъ, какъ оказалось впоследствии, чтобы распорядиться перевозкою ковровъ и прочихъ предметовъ комфорта съ мѣста привала на мѣсто ночлега. Не предупреденные, или, вѣрнѣе, плохо предупреденные жители Беклемиша встрѣтили насъ не совѣтъ дружелюбно, но черезъ четверть часа все устроилось. Явился, захватившійся отъ быстрой скачки, грозный для беклемишцевъ и услужливый для насъ бакауль-баши и дѣло пошло какъ по маслу. Насъ устроили, къ великому нашему изумленію, прямо-таки въ мечети; явились и ковры, и кормъ для коней, и бараны нашъ будущій ужинъ, обогранные своею кровью ближайшій токъ для вымолотки пшеницы; сюда-же, поближе къ мечети, перенесены были дѣ ближайшія кибитки, перенесены дѣлякомъ, безъ разборки, на рукахъ; самъ бакауль-баши, не снимая своего параднаго халата, участвовалъ въ этомъ оригинальномъ перетаскиваніи.

Вечеръ наступилъ превосходный, тихій, приятно-прохладный. Всѣ, кто, подъ вліяніемъ деннаго жара, забрались въ мечеть и даже расположились тамъ съ постелями, всѣ теперь выжили на свѣтъ Божій и возвышенную площадку, и на этой площадке черезъ нѣсколько минутъ вытянулся рядъ нашихъ незатѣйливыхъ дорожныхъ лопоушій для успокоенія. Здѣсь насъ опять пугали скорпіонами, которыхъ, впрочемъ, мы во-очію еще не видали... Перебныя температуры здѣсь чрезвычайно рѣзки и калпризны: безо всякихъ видимыхъ причинъ, сегодня напримѣръ, ночь болѣе чѣмъ прохладная,—понадобились бурки и даже ватныя одѣяла.

Завтра къ вечеру мы должны прибыть въ Карпи, осталось всего только сорокъ шесть верстъ,—мы понадемся гуда засвѣтло, тѣмъ болѣе, что выступаемъ завтра съ расвѣтомъ. Намъ сообщили, что мѣстномъ поуденнаго привала значить «Аллаха-бахъ», славное названіе: «Божій садъ»; намъ, судя по этому названію, должно быть, предстояла очень интересная

и пріятная стоянка, но—увы!—послѣ длиннаго, скучнаго перехода по опаленной равнинѣ, въ страшную жару, мы прибыли на мѣсто, если и отличающееся отъ мѣста нашего ночлега, то скорѣе въ худшую сторону. «Аллаха-бахъ»—вышла самая злая пророня.

За нѣсколько верстъ передъ Аллаха-бахомъ насъ встрѣтили два всадника: одинъ—мальчикъ лѣтъ восемнадцати, въ красивомъ розовомъ халатѣ и тонкой чалмѣ изъ индійской кисеи; его превосходная горная лошадка была украшена дорожно уздечкою съ серебряными бляхами, усаженными бирюзой и парчевымъ чепракомъ. Другой всадникъ былъ, видимо, слугою перваго,—это каршинскій бекъ выслалъ намъ на встрѣчу своего старшаго сына; а не прошло и получаса, послѣ того какъ мы устроились на мѣстѣ привала, явился Мирахуръ (штабмейстеръ эмира), а за нимъ маленькая коляска, европейской работы и типа, запряженная «двумя всадниками»—это самое удобное выраженіе подобной запряжки, потому что обѣ дышло-вые лошади были осѣдланы и на нихъ торжественно возсѣдали красивые халаты, отороченные золотымъ галуномъ—придворные костюмы эмирскихъ конюховъ. Это эмиръ Мозафаръ выслалъ намъ, почта ради, свой собственный экипажъ, подаренный ему годъ тому назадъ генераломъ Кауфманомъ. У эмира уже есть цѣлая коллекція русскихъ каретъ, колясокъ и фаятоновъ, но онъ, впрочемъ, не пользуется этими удобствами и предпочитаетъ ѣздить по старому—только верхомъ.

Какъ ни покойно казалось-бы путешествовать въ коляскахъ—вмѣсто сѣдла, но по этой невозможной дорогѣ ѣзда въ экипажѣ не представляла ничего привлекательнаго, а дѣлать нечего: такую любезность эмира нельзя было оставить безъ вниманія. Графу пришлось лѣзть въ коляску и въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ задыхаться тамъ отъ духоты и пыли.

Маленькій, отдаленно стоящій островокъ посреди степи хребетъ Гунчуръ-Тау, загораживалъ намъ видъ на долину рѣки Конка-Дарья и городъ Карпи; но когда мы миновали небольшое ущелье, раздѣлявшее хребетъ на двѣ части, и отлогій съ этой стороны перевалъ, то передъ нами развернулось разомъ вся зеленѣющая панорама долины, и въ облакахъ пыли, стоящихъ туманомъ надъ этою долиною, замѣлились глиняныя стѣны и куполы городскихъ мечетей.

Внизу, у перевала, насъ ожидала блестящая конная группа, человѣкъ въ полтора: это выѣхалъ намъ на встрѣчу керкинский старій бекъ и съ нимъ «шагауль»—адъютантъ, докладчикъ эмира. Графъ вышелъ изъ экипажа и сѣлъ на коня; обѣ группы всадниковъ—наша и бухарская—встрѣтились и размылились привѣтствіями, не сходя съ лошадей, и потомъ слились вмѣстѣ въ общемъ уже движеніи, по узкимъ дорогамъ окрестностей Карпи и улицамъ его предмѣстій.

Каршинскій бекъ былъ боленъ, и потому, по приказанію эмира, его роль исполнялъ бекъ соседняго города «Керки», Ширъ-Назаръ-Датха; это очень типичный старикъ лѣтъ восьмидесяти, если не больше, высокаго роста, худой какъ скелетъ, одѣтый въ блестящій халатъ изъ свѣтло-лиловой, затканной золотомъ матеріи; изъ-подъ дорожной индійской шали, обвившей голову старика, виднѣлись сѣдые нависшія брови; подъ ними—глубокія впадины старческихъ, уже потухающихъ глазъ, длинный острый носъ и жиденькая, трясущаяся, сѣдая борода. Онъ неоднократно сѣдѣлъ на превосходномъ сбормѣ армавѣ, сидѣлъ старчески сторбившись; шамкалъ въ полголоса свои стереотипныя привѣтственные фразы... за то шагауль-баши, молодой, блестящій франтъ, съ маленькимъ ножицомъ въ бирюзовомъ оправѣ, заткнутомъ въ складки чалмы, поддерживалъ вполнѣ свое придворное адъютантское званіе... Онъ распылялся въ любезностяхъ, заискивалъ то справа, то слева, перенасилился въ одинъ мигъ со всѣми членами нашего кортежа, не исключая и конвойныхъ казаковъ, и когда кортежъ нашъ достигнулъ городскихъ воротъ, распоряжаясь на улицахъ,—ну, совсѣмъ какъ наши полицеймейстеры, передъ пріѣздомъ губернатора! Съ пріятною улыбкою онъ намъ указывалъ дороги, съ такою-же еще болѣе пріятною удовлетворялъ нашему любопытству, съ улыбкою и кивалъ многозначительно въ сторону какому-нибудь полицейскому кавасу, вооруженному длинною палкою, улыбался даже и тому зѣвакѣ, на чьи плечи, по намеку шагауля, обрушивалась эта административная палка.

Насъ провели прямо на посольской дворъ, представивъ его всецѣло со всѣми своими строеніями въ наше полное распоряженіе.

Чтобы повасть въ ворота посольскаго двора, надо не безъ риска—даже для верховыхъ всадниковъ, проѣхать узкимъ берегомъ арыка, безводнаго, по случаю особенно жаркаго лѣта и маловодія весеннихъ разливовъ. Съ одной стороны наше правое стремя чертитъ глину довольно высокой, безконечно длинной стѣны; съ другой стороны лѣвая нога чуть не виситъ надъ самымъ проваломъ арыка; кони поминутно спотыкались на оголенныхъ корняхъ таловъ, растущихъ по арыку, пересѣкающихъ дорогу. Арбы вовсе не могли слѣдовать этою дорогою, и ихъ повели на другой дворъ, особымъ обходнымъ путемъ.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарья.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

II.

(Продолженіе).

Дорога идетъ все ложбинами, то поднимаясь, то опускаясь; путь обозначаетъ глубоко выбитыя ногами лошадей и верблюдовъ тропы; слѣды арбыныхъ колесъ почти незаметны. По сторонамъ видны пространная богарная паша, горадо болѣе тѣхъ, что встрѣчаются въ нашихъ предѣлахъ. Насе-

Посольский дворъ имѣетъ видъ очень красивый, напоминающий своею легкою архитектурою сооруженія мавровъ; квадратный четырехугольникъ двора составляютъ двухъ-этажные сааки; только съ одной стороны, гдѣ главное парадное помѣщеніе, комнаты занимаютъ высоту обоихъ этажей; верхніе этажи, смотря въ дворъ красивую вырѣзанную аркаду, поддерживаемую легкими колоннами; въ углахъ двора дѣйствіи, ведущія въ верхнія помѣщенія; кроме того, фасъ къ сторонѣ улицы арка имѣетъ большія квадратныя окна, съ деревянными, хитро вырѣзанными ставнями; посреди двора нѣчто въ родѣ оеогороженнаго палисадника, — правильнѣе — клумбы, засаженыя душистою мятою. Въ главномъ, большомъ помѣщеніи, выходящемъ во дворъ, роскошною полуоткрытою террасою, былъ накрытъ столъ и поставлены всевозможныя бухарскія лакомства и фрукты, и, конечно, пловъ, кувардакъ (жареная, мѣло изрѣзанная баранина съ кусочкомъ пшеничной лепешки) и шурпа изъ курицы.

Мирахуръ-Зайлинь-Динъ и сынъ карпинскаго бека, Абрамъ-бекъ, остались угощать насъ, а Шагауль-Ауль-Ахуль-бекъ поспалалъ къ эмиру увѣдомить его о нашемъ прїѣздѣ и доложить ему всѣ подробности встрѣчи. Нѣкоторые изъ членовъ экспедиціи сообщили Мирахуру свое желаніе воспользоваться банею, — возможностью побывать въ банѣ никогда не слѣдуетъ пренебрегать въ путешествіи, — но оказалось, что даже и это скромное желаніе надо сначала доложить его степенству, эмиру Мозафару, дабы онъ повелѣлъ затовить тоже и тамъ для насъ все, что требовалъ этикетъ. Всѣ эти чалмоносные чиновники, на наши замѣчанія, что подобныя мелочныя китайскія церемоніи стѣсняютъ и ихъ, и насъ, и что мы съ большимъ удобствомъ воспользовались-бы сокращеніемъ почестей и знаковъ вниманія; но намъ на это отвѣчали, что они не могутъ, якобы, ругаться за народъ, что какой-нибудь «неучъ» и «невѣжа» могъ-бы сдѣлать намъ непріятности, хотя-бы и вздорную, но въ всякомъ случаѣ стоящую ему головы, и при этомъ просили насъ отнюдь не выходить одними, и что только понадобится заявлять Мирахуру, а онъ, дескать, мигомъ исполнитъ всякое наше желаніе.

Что дѣлать? — «въ чужой монастырь, съ своими уставами не суйся», и мы, волею, не волею должны были покориться необходимости и играть роль, далеко не похожую, впрочемъ, на роль свободныхъ путешественниковъ, а скорѣе на роль особенно почтенныхъ плѣнниковъ.

Когда совершенно стемнѣло, явился Шагауль-бани объявить намъ, что баня эмиромъ разрѣшена, и также, что его степенство, эмиръ Мозафаръ, дастъ намъ завтра-же утромъ торжественную аудіенцію. Графъ остался съ обоими сановниками обсуждать всѣ детали завтрашняго представленія эмиру, а мы отправились въ баню.

Городъ спалъ, когда мы, сидя на двухколесныхъ арбахъ, тряслись по узкимъ улицамъ Карши. Впередѣ путь освѣщали всадники съ фонарями; по бокамъ арбъ шли полицейскіе; сзади, замыкая шествіе, двигалась смѣшанная группа конвоя. Восточныя бани описывались уже не разъ, и я ограничусь только замѣчаніемъ, что такихъ скверныхъ бань я не встрѣчалъ нигдѣ за все свое пребываніе въ центральной Азіи: въ этихъ баняхъ было приспособлено все, что только нужно человеку чтобы выпачкаться, но отнюдь не ради обратной цѣли, такъ что мало нашлось смѣльчаковъ, готовыхъ довериться подозрительно скользкимъ плитамъ каменнаго пола и мутно-грязнымъ, издающимъ сѣрный запахъ бассейнамъ. Сопровождавшій насъ чиновникъ оправдывался тѣмъ, что вотъ уже мѣсяцъ какъ городъ страдаетъ отсутствіемъ воды, и что во всѣхъ резервуарахъ вода уже начала предаваться гнилости. Что дѣлать? пришлось вернуться обратно. Впрочемъ, чиновникъ намеренъ намъ, — на случай, если эмиръ соизволитъ спросить насъ о данномъ предметѣ, — то чтобы лучше уломать, чѣмъ подводить ни въ чемъ неповинныхъ людей, ибо «вода вѣдь въ рукахъ Аллаха».

Передъ утромъ я былъ разбуденъ командными выкриками, раздававшимися чуть не подъ самымъ ухомъ. Я приподнялся на локотѣ и выглянуть въ окно.

Передъ воротами посольскаго двора выстроился взводъ бравыхъ на видъ, рослыхъ пѣхотинцевъ, въ черныхъ бараньихъ шапкахъ, въ кафтанѣхъ, полы которыхъ были залпаны въ широкія шаравары изъ желтой кожи. Этимъ взводомъ командовалъ офицеръ въ бараньей-же персидской шапкѣ, но въ голубомъ кафтанѣ, обшитомъ по бортамъ серебрянымъ галунами; на плечахъ у этого воина красовались наши родные, достаточно поношенные, докторскіе эполеты. Онъ командовалъ по-русски: «на плечо!», «на краулъ!» и т. д., — вѣроятно по той-же причинѣ, по какой прежде и до сихъ поръ, у насъ сохранились въ командѣ нѣмецкія слова. Военный прогрессъ въ Бухарѣ идетъ отъ насъ: просвѣтителами арміи бухарской издавна служили и служатъ бѣлые русскіе солдаты, большую часть изъ казанскихъ татаръ. Въ арміи эмира есть и теперь, какъ мнѣ говорили (и потомъ я убѣдился въ этомъ лично), нѣсколько бѣлыхъ поляковъ, изъ числа поселенныхъ въ Сибирь.

Взводъ бухарскихъ воиновъ раздѣлился на посты и окружилъ насъ — ну, положительно какъ арестантовъ; даже внутри двора мирно расхаживалъ молодой въ красномъ кафтанѣ, ловко повертываясь на каблучкахъ, при каждой переимѣнѣ направленія.

Съ ранняго утра нашъ дворъ наполнился чиновниками эмира, солдатами и носильщиками. Дѣло въ томъ, что предстояло нести церемониально подарки, назначенные эмиру отъ отсутствующаго начальника нашей экспедиціи.

Подарки эти состояли изъ телеграфныхъ аппаратовъ для двухъ станцій, съ проволоками и изоляторами, англійскаго охотничьяго ружья, золотой эмальированной стопки, работы Овчинникова, нѣсколькихъ оптическихъ игрушекъ и пары нарядныхъ бронзовыхъ канделябровъ. Главный подарокъ, конечно, были телеграфные аппараты. Цѣль этого подарка была весьма благая, предполагали, что эмиръ захочетъ соединить телеграфною проволокою свою столицу съ нашимъ Самаркандомъ, уже соединеннымъ съ общимъ телеграфною сѣтью европейской Россіи. Чтобы облегчить ему эту задачу, были приглашены съ нами и два телеграфиста, которые должны были остаться въ Карши для постановки аппаратовъ и даже, если эмиръ этого пожелаетъ, ѣхать въ Бухару — съ тою-же цѣлью.

Съ самымъ острымъ любопытствомъ, не безъ суетнаго страха, наблюдали чиновники эмира за снаряженіемъ гальваническихъ батарей. Установленные въ ящики, удобные для переноски, батареи эти составляли тяжесть порядочную, такъ что два здоровыхъ солдата едва могли тащить каждую... Шагоуль-бани и Мирахуръ сами осматривали всѣ подарки предвѣрительно, позавалившись отъ души стереоскопами и калейдоскопами и сформировали у насъ-же на дворѣ «подарочную» процессію.

Впередѣ тронулся конный курбаши (полицеймейстеръ), за нимъ нѣсколько человекъ цѣпей полиціи съ палками и «крикуны», расчищающие дорогу; затѣмъ чиновники въ своихъ парадныхъ, яркочвѣтныхъ халатахъ, но-парно; каждый несъ въ рукахъ какую-нибудь вещь... Даже крохотную эмальированную стопку несъ особый чиновникъ, держа на показъ всему свѣту на обоихъ ладоняхъ. Къ ружью были пороховница, патронташъ и коробочка нистоновъ; и эти малкіе предметы несли разные лица, образовавъ весьма длинную процессію, начавшую уже вытягиваться изъ воротъ нашего дома, на улицу. Послѣдними несли телеграфные аппараты и шли оба телеграфиста, а затѣмъ уже всѣ члены посольства, верхомъ на коняхъ, а съ нами Шагауль-Мирахуръ и молодой сынъ карпинскаго бека, тотъ самый, что выѣхалъ къ намъ, въ Алабагъ, на встрѣчу.

Пробравшись опять вдоль стѣнки, мы повернули направо, черезъ довольно непрочный, колеблющійся подъ ногами лошадей мостикъ и очутились на главной улицѣ, ведущей къ Малому базару. Большой карпинскій базаръ оставался въ сторонѣ, мы оглядывали его окольную дорожку. Досадно было, что сопровождавшие насъ избрали такой малоинтересный путь, но претендовать на это было не совсѣмъ удобно, тѣмъ болѣе въ такую торжественную минуту...

Процессія медленнымъ шагомъ подавалась впередъ, прокладывая себѣ путь въ тѣсныхъ толпахъ самаго нестраго, азіатскаго населенія... Всѣ плоскія крыши, вершины стѣнъ, даже вѣтви деревьевъ за этими стѣнами, — все пестрѣло разноцвѣтными халатами и чалмами. Темныя закрытыя фигуры женщинъ видѣлись на самыхъ отдаленныхъ планахъ, боязливо прысая за какими-нибудь закрытыми, а нѣтъ — такъ за фигурами мужчинъ... Разъ два или три процессію задерживали на пути то группа отдыхающихъ подъ выюками шапковъ, загороженныхъ узкую улицу, то пересѣкающей дорогу верблюжьей караванъ, то арба на встрѣчу, которую, за невозможностью повернуть, приходилось тащить назадъ за колеса, пока не выберется случайно мѣстечко пошире.

Курбаши и сынъ карпинскаго бека энергично кидались въ такой моментъ впередъ, устраняя препятствіе всѣмъ зависящимъ отъ нихъ мѣрами, и тотчасъ-же возвращались къ намъ съ самыми утонченными извиненіями, что уже, признаться, начинало надоедать порядочно.

Типъ азіатскихъ городовъ уже хорошо извѣстенъ. Всѣ дома и хозяйственныя постройки обращены окнами и выходами въ замкнутые дворы, и поэтому, пробѣгая узкими улицами города, вы ничего не видите, кромѣ сплошныхъ стѣнъ сѣро-глинистаго цѣта. Только изрѣдка мелькнута хитро-рѣзная деревянная дверь, размазанная колонны портка мечети или узорный карнизъ... Если-бы не группы зелени, тамъ и сямъ прорывающія эти сплошныя массы сѣрой глины, раскленной солнцемъ, пышащей душноватымъ жаромъ, то — въ общемъ — видъ былъ бы окончательно наводящій тоску и уныніе.

Въ Самаркандѣ, Коканѣ и Бухарѣ насъ поражаютъ, по крайней мѣрѣ, грандіозныя сооруженія Тимуридовъ; колоссальныя своими размѣрами, изящно украшенныя узорною кладкою лицеваго, покрытаго пыльною глазурю кирпична, здания эти представляютъ собою въ высшей степени интересный кон-

трастъ съ жалкою современностью, — но въ Карши нѣтъ такихъ зданій; только одна мечеть — медресе — сколько нибудь напоминаетъ ихъ типъ; даже дворецъ эмира или, правильнѣе, цѣлый лабиринтъ дворовъ и саекъ, обнесенныхъ одною общою высокою стѣною, не представляетъ собою ничего замѣчательнаго и развѣ только размѣрами своими нѣсколько отличается отъ жилищъ скромныхъ подданныхъ высокостепеннаго эмира.

(Окончаніе будетъ).

ТОМАЗО САЛЬВИНИ.

Восхищающій, въ настоящее время, одесскую публику, извѣстный итальянскій трагикъ Томазо Сальвини родился въ Миланѣ 1-го января 1829 года. Его отецъ былъ профессоромъ литературы въ Ливорно, а дѣдъ офицеромъ папской арміи, подвергшимся за либерализмъ изгнанію. Отецъ Сальвини влюбился въ молодую драматическую актрису, женился на ней и основалъ въ Ливорно ученый институтъ. Ради жены онъ оставилъ свою карьеру и поступилъ въ актеры. Жена его умерла, однако, черезъ два года послѣ рожденія Томазо, который былъ вѣтренъ поведеніемъ его родныхъ во Флоренціи. Поступивъ воспитанникомъ во флорентинскую коллегію, мальчикъ Сальвини вскорѣ сталъ оказывать большіе успѣхи и подавалъ надежды на блестящую будущность; но его ученіе было прервано, потому что отецъ не въ силахъ былъ выносить уединеніе и взялъ сына къ себѣ.

Онъ началъ учить Томазо драматическому искусству, къ которому мальчикъ въ дѣтствѣ уже обнаружилъ большія наклонности. Знаменитому Густаву Модену довѣрено было дальнѣйшее образованіе будущаго Гамлета и Отелло. Первые дебюты Сальвини привлекли вниманіе артистовъ и публики, и вскорѣ антрепренеръ драматической труппы поручилъ ему трудныя и важныя роли. Молодой начинающій актеръ вполнѣ овладѣвалъ даже такими трудными ролями, какъ Давидъ въ «Саулѣ», Карль въ «Филиппѣ», Альфиери, и Максъ въ «Валленштейнѣ», Шиллера. Затѣмъ, Сальвини служилъ въ труппахъ Доменикани и Дондини, развиваясь и совершенствуясь съ каждымъ днемъ. Среди такой кипучей дѣятельности его артистическая карьера затормозилась вслѣдствіе крупной неопидаанности. Трагикъ уступилъ мѣсто патриоту. Политическія событія 1849 года пробудили въ немъ унаслѣдованный имъ отъ дѣда духъ свободы и независимости. Томазо Сальвини принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ войнахъ за итальянскую независимость, сдѣлался другомъ Мадзини, Гарибальди и Саффи, и, вмѣстѣ съ ними, попалъ въ плѣнъ въ Генуѣ. Его мужество и самоотверженіе доставили ему золотую медаль и чинъ офицера. Въ дипломѣ, выданномъ ему отъ генерала Авенцанни, упоминается объ его безавѣтной и горячей любви къ родинѣ и воинскихъ его доблестяхъ. Поселившись затѣмъ во Флоренціи, Сальвини посвятилъ цѣлый годъ классическому изученію искусства. Онъ пригласилъ роли Отелло, Саула, Гамлета, Орозмана. Убѣжденный, что для искусства нѣтъ родины, онъ съ одинаковою любовью и заботливостью изучалъ образцы какъ иностранныхъ литературъ, такъ и итальянскаго репертуара. Послѣ серьезной подготовки, Сальвини снова выступилъ на театральныя подмостки и перебивалъ съ лучшими труппами въ разныхъ городахъ Италіи, Испаніи и Португаліи. Въ 1872 г. онъ посѣтилъ Соединенные Штаты и многія другія мѣста южной Америки. Въ Барселонѣ (Испанія) зналъ города устроила въ Атенеѣ праздникъ въ честь трагика и просила его написать этюдъ о драматическомъ искусствѣ. Сальвини въ три дня импровизировалъ превосходный трактатъ объ этомъ предметѣ. Къ нему обратились съ просьбою принести въ даръ рукопись этого трактата аѳинской бібліотекѣ (въ Барселонѣ). Авторъ охотно исполнилъ общее желаніе. Въ прошломъ году онъ съ огромнымъ успѣхомъ игралъ въ Парижѣ, а теперь подвизается, какъ мы уже говорили, въ Одессѣ, гдѣ наиболѣе удачно

Всѣмірная Иллюстрація

№ 579.] Годъ XII.

9 Февраля 1880 года.

[Томъ XXIII. № 7.

Ввиду празднованія двадцатипятилѣтняго юбилея царствованія Е. И. В. Государя Императора, слѣдующій № (580) «Всѣмірной Иллюстраціи» выйдетъ вмѣсто 16-го—19-го февраля.

„Осенній лѣсъ“, картина академика Ю. Клевера.

(Рисовать на деревѣ самъ художникъ).

Самарская ученая экспедиция для исследования направления средне-азиатской железной дороги и изучения бассейна реки Аму-Дарья.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

II.

(Продолжение).

Мы, мало по малу, выбрались из тесных закоулков, повернули еще раз круто направо и очутились на большой квадратной площади, в глубинах которой чернела арка темного входа во внутренние дворы лѣтней резиденции. На этой площади, вдоль стѣны, примыкая лѣвымъ флангомъ къ воротамъ, стоялъ батальонъ пѣхоты, въ такихъ-же костюмахъ, какъ и нашъ караулъ, только съ тою разницею, что полъ кафтановъ были выпущены на показъ. На нѣкоторыхъ полкахъ сверкали золотые каймы, какіе, обыкновенно ставятся на нашихъ сукованныхъ фабрикахъ. Смѣшно было видѣть, напримеръ, на полѣ кафтана чернаго негра, барабанщика, золотыя буквы: «Иванъ Красильниковъ въ Москвѣ», для него, конечно, непонятныя, играющія роль случайнаго украшенія.

На правомъ флангѣ батальона собраны были музыканты и знаменосцы. Знамена на высокихъ древкахъ, красныя и зеленныя, росписанныя изреченіями корана, колыхнулись при нашемъ появленіи, раздали русскія команды, брякнули разнокалиберныя пистолы и даже кремневые ружья и завыли длинныя медныя трубы, аккомпанируемыя дробнымъ грохотомъ барабановъ.

Съ правой стороны воротъ стояли четыре пушки, въ расправѣ, и около нихъ строили артиллеристы, въ блузахъ чалмахъ, съ саблями на голо. Дула орудій были закрыты красными фланелевыми чалмами, лафеты и колеса выкрашены въ ярко-зеленую краску.

Не добывая нѣсколькихъ шаговъ до воротъ, насъ пригласили слѣзть съ лошадей, оставить здѣсь конвой и джигитовъ и пѣшкомъ продолжать путь далѣе. Во дворѣ эмирского дворца только онъ одинъ имѣлъ право вѣзда на лошади.

Процессія съ подарками уже вошла въ ворота и исчезла гдѣ-то въ темныхъ закоулкахъ...

Пріяною свѣжестію и прохладою повѣяло на насъ, когда мы вошли по слѣдамъ носильщиковъ подарковъ. Здѣсь въ воротахъ опять стоялъ отрядъ пѣхоты, а правѣ, у втораго выхода, на небольшомъ возвышеніи—колосье палача, съ скупатою физиономіею узбека, засучивъ до локтей рукава своего халата, съ громаднымъ ножомъ въ рукахъ, стоялъ опершись на свою палку.

Внутренняя картина!

Изъ этихъ воротъ мы попали въ другія, миновали небольшой дворикъ, гдѣ вездѣ и впередъ снова прислуга дворца, таская какіе-то узлы и блюда съ угощеніемъ, прошли еще воротами и очутились, наконецъ, въ просторномъ четырехугольномъ дворѣ, совершенно пустомъ. Ни одной живой души не было видно на этихъ сѣрыхъ, расклеванныхъ отъ солнца, каменныхъ плитахъ. Прямо, противъ насъ, виднѣлся рядъ дверей, изъ которыхъ только одна была открыта настежь; надъ каждою дверью виднѣлось окно съ узорною рамою и мелкимъ переплетомъ. Всѣ сопровождавшіе насъ чиновники остались за порогомъ, не входя даже въ этотъ дворецъ; только Шагауль и Мирохуръ-Зейлинь-динъ остались еще пока при насъ и довели насъ до открытой двери; оба эти сановника проходили дворъ, согнувшись въ три погибели и прижавъ обѣ руки къ животу. У дверей они пропустили насъ впередъ, а сами остались, не переступая священнаго порога аудіенцъ-залы.

Мы очутились въ громадной, очень высокой залѣ, освѣщенной только тѣми окнами, что мы видѣли подъ дверями. Потолокъ этой залы состоялъ изъ ряда простѣхъ, даже неоукрашенныхъ балокъ, забранныхъ сверху мелкими брусочками, стѣны гладко оштукатурены алебастромъ, плитный полъ покрытъ превосходнымъ пѣльнымъ ковромъ, полосатымъ «паладомъ».

Какъ разъ посреди залы стояло кресло съ бочками и со спинкою, обитое красною матеріею; такія-же кресла стояли подъ угломъ къ этому—вдоль стѣны;—этихъ креселъ было ровно по счету насъ, никакой другой мебели не было въ залѣ.

На среднихъ креслахъ сидѣлъ человѣкъ, по виду еще далеко не старій, лѣтъ тридцати-пяти, самое большее, съ перваго взгляда, но, всматривавшійся пристальнѣе, мы замѣчали явные слѣды самой утонченной реставраціи... Глаза подведены темными линиями, брови выкрашены; даже самый тонъ лица и легкій румянецъ на щекахъ, были въ глаза своею искусственностью.

Это былъ самъ эмиръ Моззафаръ, вѣститель Бухарскаго ханства.

На немъ былъ темный шелковый халатъ, очень оригинальнаго рисунка и небольшая, туго свернутая, бѣлая чалма.

Чуть-чуть поднимаясь съ кресла, или правильнѣе, дѣлая видъ, что поднимается, эмиръ каждому изъ подходящихъ къ нему протянулъ по очереди руки и пригласилъ занять мѣсто. Переводчикъ нашъ остался стоять между нами и кресломъ эмира.

Когда мы разстѣлись, начались переговоры. Сначала, конечно, обмѣнъ привѣтствій, взаимные вопросы о здоровьи высокостепеннаго эмира и его величества русскаго государя—«акъ-падишаха», какъ его здѣсь называютъ, т. е. бѣлаго царя. Затѣмъ, вопросы о нашемъ личномъ здоровьи, о здоровьи генерала Кауфмана, генераловъ Иванова и Колпаковского, о томъ какъ мы добхали, довольны-ли мы распоряженіемъ эмира о встрѣчѣ, своимъ помѣщеніемъ въ Карши и проч.

Когда окончились эти вступительные мотивы, послѣ небольшой паузы, графъ началъ методично, отчеканивая каждую фразу, сообщать эмиру цѣль нашей поѣздки и настоящей аудіенціи.

Эти подробности не входятъ въ программу настоящихъ очерковъ; онѣ займутъ свое мѣсто въ полномъ изданіи трудовъ экспедиціи, а пока я ограничусь только результатами переговоровъ, результатами самыми желанными для насъ и для нашего дѣла.

Оказалось, что эмиръ на все согласенъ. Ни одного вопроса, ни одного предложенія нашего не осталось безъ утвердительнаго отвѣта: по эти утвердительные отвѣты,—по крайней мѣрѣ, это мое личное впечатлѣніе, не носили и тѣни искренности. Въ этихъ отвѣтахъ звучали скорѣе скука, какъ-бы желаніе отъ насъ скорѣе отдѣлаться, а то такъ и зная пропія: «что, молъ, вы ко мнѣ пристаёте и просите, когда имѣете полное право приказывать?» развѣ я, молъ, въ такомъ положеніи теперь, съ своимъ ослабленнымъ ханствомъ, вполнѣ зависимомъ отъ васъ, русскіихъ, чтобы могъ вамъ хотя въ чемъ-нибудь противорѣчить?»

Даже на такой вопросъ: «думаетъ-ли высокостепенный эмиръ, что соединеніе Бухары съ Россіею, путемъ рельсовъ и телеграфной проволокою послужитъ къ благу ханства и къ еще большому сближенію дружбы между двумя державами?»—эмиръ отвѣчалъ:—«конечно, да, если это угодно Аллаху и генералу Кауфману,—его первому и старшему другу,—да продлитъ Богъ его жизнь на многія лѣта!»

Наконецъ, матеріалъ для разговоровъ истощился. Настала опять легкая пауза, и, словно сговорившись, самъ эмиръ и мы всѣ одновременно приподнялись съ своихъ мѣстъ.

Опять рукопожатіе по-очереди, и мы стали гуськомъ выбираться изъ аудіенцъ-залы. Мирохуръ и Шагауль ждали насъ за порогомъ и, выйдя съ нами, опять пошли черезъ дворецъ; но оба сановника на этотъ разъ прошли довольно большое пространство двора пятью шагами и также согнувшись въ три погибели.

—Эмиръ очень, очень доволенъ вами,—сообщилъ намъ непомотъ юркій Зейлинь-динъ.

За порогомъ двора намъ сообщили, что эмиръ проситъ насъ къ столу, но что, по случаю праздника долженъ идти въ мечеть и отказать себѣ въ удовольствіи кушать вмѣстѣ съ нами.

Отсюда насъ провели въ другую саклю, тоже выходящую дверями—окнами на дворецъ, но убранную гораздо роскошнѣе первой: здѣсь и потолокъ, и стѣны, все было покрыто разноцвѣтными узорами и позолотою; посреди сакли стоялъ столъ, накрытый красною матеріею, заставленный сплошь блюдами съ кушаньемъ и десертомъ, вокругъ стола табуретки, крытые тоже красною матеріею;—и опять ровно по счету членовъ миссіи.

Привзавшись сказать, мы успѣли проголодаться порядочно и оказали честь кухнѣ высокостепеннаго эмира.

Между тѣмъ, отсутствовавшій гдѣ-то, Шагауль-баши опять явился съ сияющимъ лицомъ и сообщилъ намъ, что подарки наши очень понравились эмиру, что особенно ему припалъ по вкусу эмалированная стопка, такъ что онъ немедленно послалъ за придворнымъ ювелиромъ и велѣлъ придѣлать къ ней рыбку въ томъ-же вкусѣ.

Пока мы завтракали, въ сосѣдней саклѣ появились люди, тащившіе громадные узлы въ кускахъ ситца; эти узлы вносили къ намъ и передъ каждымъ изъ насъ положили на коврѣ. Мирохуръ, по очереди, развязывалъ каждый узелъ, въ которыхъ оказались сложные аккуратно халаты, въ каждомъ узлѣ по девяти штукъ, пересчитывая содержимое и произносили: «это его высокостепенство эмиръ жадуеъ вамъ».

Вмѣстѣ съ этимъ, во дворецъ, раздался стукъ конскихъ копытъ и передъ раскрытыми настежь дверями потянулась вереница лошадей, ведомыхъ каждая двумя конюхами. Всѣ лошади были обсажены, покрыты парчевыми и малиновыми бархатными попонами, вышитыми шелками, золотомъ и серебряною мишурою и блестящими. Уздечки и ремни сбруи блестяли тоже серебромъ, бирюзой и сердоликами.

Туже фразу говорилъ, по-очередно, Мирахуръ, когда этихъ разукрашенныхъ коней проводили, на мнѣніе останавливая, передъ нашей дверью.

Вся эта картина была чрезвычайно оригинальна и эффектна; она дышала какою-то театральностью, точно смотришь на какой-нибудь фантастическій балетъ, съ волшебными процессіями и превращеніями.

Посидѣвъ еще съ полчаса и напившись чаю, мы направились къ выходу, гдѣ насъ ожидали наши собственные кони и конвой. По этикету слѣдовало бы одѣть на плечи подаренные эмиромъ халаты, сѣсть на этихъ убранныхъ коней и въ такомъ видѣ двигаться по улицамъ Карши; но русскіе давно уже ввели въ порядкахъ эмирского дворца нѣкоторые исключенія, въ числѣ которыхъ и право не напяливать поверхъ мундира или чернаго сюртука жалованное азіатское одѣяніе.

При выходѣ Мирохуръ заявилъ намъ, что отсюда мы поѣдемъ уже главнымъ базаромъ, такъ какъ эмиръ желаетъ, чтобы весь народъ видѣлъ его «дорогихъ» гостей и порадовался-бы нашему пріѣзду вмѣстѣ съ своимъ вѣстителемъ.

Мы тронулись церемониально, но направленію къ главному базару.

(Продолжение будетъ).

А. И. ЛЕНСКИЙ

артистъ ИМПЕРАТОРСКОЙ московской драматической труппы.

Александръ Павловичъ Ленскій родился въ Москвѣ 1-го октября 1847 года. Дѣтство провелъ онъ въ семьѣ извѣстнаго артиста Полтавцева, у котораго почти еженедѣльно собирались лучшіе артисты того времени и почти всѣ крупныя тогдашнія силы нашего литературнаго міра. Ребенокъ, забившись въ уголокъ гостиной, прислушивался къ сужденіямъ гостей своего воспитателя о театрѣ, часто посѣщалъ спектакли, бредилъ ими, но у него не зарождалось мысли самому поступить на сцену; объ этомъ онъ не осмѣливался мечтать и готовилъ себя къ художественной карьерѣ, къ которой чувствовалъ призваніе и показывалъ большія способности, но и въ этомъ направленіи мальчику не дано было никакихъ положительныхъ знаній. Вообще его образованіемъ почти совсѣмъ не занимались, оно было, по выраженію самого артиста, «какое-то черезполосное»; те его учили всему, набивали голову всѣмъ, что въ то время считалось нужнымъ для образованнаго человѣка, то оставляли на произволъ судьбы и не занимались имъ по цѣлымъ годамъ. При такихъ-то обстоятельствахъ выросъ и достигъ 19-ти лѣтняго возраста Александръ Павловичъ. Въ это время здоровье Полтавцева надомнилось, и молодой человѣкъ рѣшилъ, во что-бы то ни стало, не отягощать собой своего воспитателя. Раздумывая, какъ-быть съ собой, Ленскій не могъ придти ни къ какому заключенію,—куда ни думалъ онъ поступить, всюду требовалась извѣстная подготовка; гдѣ-же ея не было нужно, къ такимъ занятіямъ не лежала душа молодого человѣка. И вотъ онъ рѣшается поступить на сцену, ѣдетъ съ ничтожными средствами въ Владиміръ и предлагаетъ себя тамошнему антрепренеру Огареву на роли безъ рѣчей. Первый выходъ Ленскаго состоялся въ 1866 г., въ пьесѣ «Игра счастія», въ роли слуги. «Я не чувствовалъ подмостковъ подъ собой», говоритъ артистъ: «мнѣ казалось, что всѣ глаза обращены на меня и что я изъ ничтожества, изъ ничего незначущей личности, вдругъ обратился во что-то такое, имѣющее значеніе и далеко не малозначущее». Этимъ спектаклемъ судьба Александра Павловича была рѣшена,—онъ еще болѣе пристрастился къ сценическому искусству и отдался ему со всей горячностью молодой цѣльной натуры. Черезъ годъ онъ перешелъ въ Нижній, къ Смалкову, и занялъ у него амплуа комическихъ стариковъ; здѣсь онъ женился на артисткѣ нижегородскихъ театровъ, Аннѣ Петровнѣ Сорокиной. Перейдя въ труппу Разсказова, онъ, по совѣту этого лучшаго провинціального антрепренера, перемѣнилъ амплуа и взялъ на себя роли jeune premier, и въ нихъ, впервые, артистъ показалъ силу своего таланта. Скоро онъ сдѣлался извѣстнымъ провинціальнымъ антрепренеромъ, и предложенія, одно выгоднѣе другаго, являлись со всѣхъ сторонъ. Ленскій исколесилъ почти всю Россію, вездѣ вызывая восторгъ и самыя сочувственныя от-

Всемирная Иллюстрація

№ 581.] Годъ XII.

23 Февраля 1880 года.

[Томъ XXIII. № 9.

Масляница. — Въ балаганахъ на 15-ти копѣечныхъ мѣстахъ.

(Рисоваль А. Бальдингеръ).

Новости наук и цивилизации.

Придворные известия.

В «Пр. Вѣстн.» напечатаны слѣдующія свѣдѣнія о состояніи здоровья Ея Величества Государыни Императрицы за время от 13-го по 19-е февраля. Въ состояніи здоровья Ея Величества въ теченіи прошлой недѣли рѣзкихъ пережитъ не наблюдалось. Всѣ болѣзненные припадки держались въ обычной степени, представляли очень небольшія колебанія. Къ концу недѣли температура была нѣсколько выше предыдущихъ дней, кашель усилился и стали появляться небольшія разстройства пищеваренія. Аппетитъ нѣсколько уменьшился. Сердцебиеніе безпокойно значительно меньше прежняго; сонъ очень порядочный; силы держатся.

Е. И. В., генералъ-фельдмаршалъ, Государь Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій изволилъ возвратиться изъ-за границы въ С.-Петербургъ 16-го февраля.

— Е. И. В. герцогъ Единбургскій изволилъ прибыть 16-го февраля въ С.-Петербургъ.

Привѣтственные распоряженія.

Е. И. В. Великій Князь Алексій Александровичъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству.

— Командиръ 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, свиты Его Величества генералъ-маіоръ, е. в. принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

— 1880 года февраля 19-го, статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта, председатель комитета министровъ, кавказскаго комитета и комиссіи прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Валуевъ, въ воздаеніе важныхъ его заслугъ Престолу и Отечеству, возведенъ съ нисходящимъ его потомствомъ въ графское Россійской Имперіи достоинство.

Судебная лѣтопись.

20-го февраля, какъ извѣстно, совершенно было покупеніе на жизнь главнаго начальника верховной распорядительной комиссіи. Въ виду наличности преступнаго событія и поимки злоумышленника, было тотчасъ-же приступлено къ дознанію и къ производству предварительнаго слѣдствія черезъ судебнаго слѣдователя, въ присутствіи исправляющаго должность прокурора с.-петербургской судебной палаты. Вечеромъ того-же дня слѣдствіе было окончено, и злоумышленникъ, оказавшійся мѣшаниномъ города Слуцка, Минской губерніи, Исполнителемъ Основнымъ Младецкимъ, преданъ былъ военному суду.

С.-петербургскій военно-окружной судъ открылъ засѣданіе 21-го февраля, въ 10½ часовъ утра. Подсудимый, въ данныхъ имъ суду объясненіяхъ, не отвергъ того, что онъ сдѣлалъ въ генералъ-адъютанта графа Лорисъ-Меликова выстрѣлъ, съ цѣлью лишить его жизни. По выслушаніи рѣчей военнаго прокурора и назначеннаго подсудимому защитника, судъ, въ часъ по полудни, объявилъ приговоръ, присуждающій Младецкаго къ смертной казни чрезъ повѣшеніе.

Приговоръ этотъ, утвержденный въ установленномъ порядкѣ, приведенъ въ исполненіе 22-го февраля на Семновскомъ плацу, въ 11 часовъ утра.

Пути сообщенія.

29-го (17) февраля окончено прорытіе туннеля Сеп-Готардъ.

Геология.

Судя по извѣстіямъ отъ 5-го февраля, на Кубѣ и въ разнѣхъ мѣстахъ Мексико были слышны подземные удары.

Некрологъ.

14 февраля скончался председатель главнаго военнаго суда, генералъ отъ инфантерій Александръ Легиновичъ Данзасъ.

АСТРОНОМИЧЕСКІЙ КАЛЕНДАРЬ

(съ 1—15 марта 1880 года).

Мартъ.	въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.					въ МОСКВѢ.				
	Орск. время въ 12 ч. полд.	Восходъ солнца.	Заходъ солнца.	Восходъ луны.	Заходъ луны.	Орск. время въ 12 ч. полд.	Восходъ солнца.	Заходъ солнца.	Восходъ луны.	Заходъ луны.
1	4	5.56	22.5	58	6.120	9.498	6.20	6.0	6.267	9.318
2	12	5.56	16.6	3	6.30	—	6.156	4	6.57	—
3	12	5.56	10.6	8	7.14	1.507	6.116	8	7.54	1.10
4	12	5.56	4.6	13	8.56	3.37	6.56	12	9.35	2.557
5	12	5.56	58.6	18	11.32	4.26	6.06	16	11.57	3.57
6	11	6.55	52.6	23	2.25	4.47	5.54	21	2.35	4.32
7	13	6.05	46.6	28	5.26	5.0	5.48	25	5.23	4.57
8	15	5.35	40.6	33	8.40	5.13	5.43	29	6.22	5.23

Солнце 8-го марта вступаетъ въ знакъ Овна—начало весны.
Луна въ первой четверти 7-го, въ полнолуніи 14-го марта.

Почтовый Ящикъ
Петербургъ. Н. С. Если разговоры ваши похожи на стихи то «Дорогое созданіе, которое сидитъ сладкимъ сномъ непознаннымъ», вѣроятно радо, что вамъ не удается «замечать разговоръ»

Ярославль. М. М. Д. — у. Ахъ, вы, несчастный! За что Богъ наслалъ на васъ такую кару: «Душа ваша мрачна, какъ холодная могилка, сердце гложетъ тоска, и всенъ звуки тревожатъ вашихъ кипучихъ ранъ муки, сердце ноетъ и тоскою мрачной душу кроетъ, а въ больной надорванной груди горитъ мучительный огонь». Какъ вы еще живы!

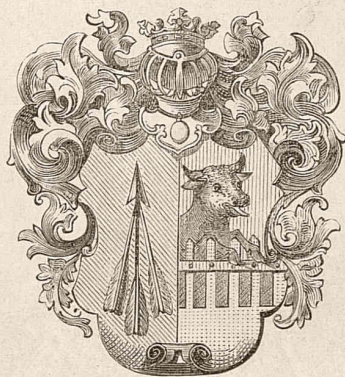
Москва. Р. С. Мы дали больше, чѣмъ община.

Тула. А. К. П. Постараемся исполнить ваше желаніе.

Минскъ. Объ этомъ было уже у насъ напечатано.

Москва. С. Въ свѣд. номерѣ.

Генеалогія и Геральдика.

Гербъ дворянъ Валуевыхъ.

Родъ Валуевыхъ литовскаго происхожденія, и предокъ ихъ, знатный литовскій уроженецъ, по имени Окація Воля, прибылъ въ Россію въ началѣ четырнадцатаго столѣтія и принялъ здѣсь православную вѣру. У этого Окація Воля были два сына, изъ которыхъ старшій, Василій Окаціевичъ Волю, служилъ околичнымъ при великомъ князѣ Симеонѣ Гордомъ и въ качествѣ свидѣтеля подписывалъ договоръ этого великаго князя съ братьями, а младшій сынъ, Иванъ Окаціевичъ Волю или Волю Окаціевичъ, былъ воеводою при войскахъ Дмитрія Донскаго и убитъ въ сраженіи на Куликовомъ полѣ. Въ томъ-же сраженіи убитъ и сынъ Василія Окаціевича, Тимофей Василіевичъ Волюевъ, предводительствовавшій полками Владимірскими и Юрьевскими. Имя Тимофея Василіевича записано на вѣчное поминовеніе въ синодикъ московскаго Успенскаго собора и отъ него происхождатъ дворяне Валуевы. Одинъ изъ потомковъ Тимофея Василіевича, Матвій Ивановичъ Валуевъ, находился въ числѣ дѣтей боярскихъ, сопровождавшихъ въ Литву дочь Іоанна Великаго, князю Елену Іоанновну невесту литовскаго великаго князя Александра, въ 1495 году. Другой Валуевъ, Григорій Петровичъ, въ 1514 году заключилъ въ Новгородѣ, отъ имени великаго князя Василія Іоанновича, договоръ съ посланцами семидесяти ганзейскихъ городовъ. Подъ приговоромъ земской думы 2-го іюня 1566 года, о войнѣ съ Польшею, подписался также одинъ изъ Валуевыхъ, сынъ боярскій Судальскаго уѣзда. У этого Федора Степановича были сыновья Михайло и Никита Федоровичи, внукъ Григорій Михайловичъ, правнукъ Андрей Григорьевичъ и праправнукъ Степанъ Андреевичъ Валуевы. Въ зимнемъ казанскомъ походѣ 1550 года убитъ Валуевъ Григорій Андреевичъ, и имя его записано въ синодикъ московскаго Успенскаго собора на вѣчное поминовеніе. У него остались два сына, Леонцій Григорьевичъ и Прокофій Григорьевичъ, изъ которыхъ первый, Леонцій, выдерживалъ осаду отъ ливонскихъ рыцарей въ замкѣ Лебентардѣ въ 1578 г., вмѣстѣ съ княземъ Елецкимъ, потомъ былъ намѣстникомъ въ Ыльѣ—въ 1580 и 1581 годахъ, воеводою въ Невзѣ—съ 1582 по 1584 г. У Леонція и у Прокофія осталось по одному сыну: Григорій Леонтьевичъ и Борисъ Прокофьевичъ; Григорій Леонтьевичъ вмѣстѣ съ Пв. Вас. Бойковымъ убитъ, въ маѣ 1606 года, пернаго Лжедмитрія, потомъ находился въ числѣ воеводъ при князѣ Михаилѣ Василіевичѣ Скопинѣ-Шуйскомъ и подъ Волоколамскомъ

разбилъ польскаго вождя Романа Рожинскаго. Въ 1619 году онъ былъ въ числѣ воеводъ, защищавшихъ Москву отъ нашествія польскаго королевича Владислава, поодѣе былъ воеводою въ Вязьмѣ и затѣмъ въ Астрахани. У Григорія Леонтьевича былъ одинъ сынъ Иванъ, съ которымъ и пресѣлось его потомство, такъ какъ у Ивана Григорьевича были только дѣти дочери и не было дѣтей мужскаго пола; одна изъ этихъ дочерей вышла замужъ за князя Мещерскаго, а другая за Карамышева. Родъ Валуевыхъ продолжался черезъ сына Бориса Прокофьевича, Семена Борисовича, который оставилъ четырехъ сыновей: двухъ Ивановъ, Федора и Тимофея. Послѣдніе два не оставили потомства, а у обоихъ Ивановъ осталось по одному сыну: у старшаго Миронъ, а у младшаго Иванъ. Изъ трехъ сыновей Мирона Ивановича (Патрикій, Иванъ и Степанъ) Степанъ былъ хорошимъ инженеромъ и дослужился до генералъ-маіорскаго чина. Старшій сынъ его, Михайло Степановичъ, былъ убитъ въ 1771 году при взятіи Бендеръ, а второй сынъ, Петръ Степановичъ, находился оберъ-церемонімейстеромъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, потомъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, затѣмъ (въ царствованіе императора Александра I) сенаторомъ и главнымъ начальникомъ московской кремлевской экспедиціи и оружейной палаты, кавалеромъ св. Александра-Невскаго и св. Владиміра I-й степени. Онъ былъ женатъ на Дарьѣ Александровнѣ Колесовой и скончался въ 1814 году. Сестра его, Марія Степановна, вышла замужъ за Жеребцова и, кромѣ того, онъ имѣлъ еще двухъ братьевъ, Михаила Степановича и Алексія Степановича. У Петра Степановича было девятро дѣтей,—сыновья: Петръ Петровичъ Валуевъ, убитый подъ Бородинымъ, Александръ Петровичъ (женатъ былъ на дѣвицѣ фонъ деръ-Бринчъ, впоследствии за Фелькерзамомъ), Павелъ Петровичъ и Степанъ Петровичъ; дочери: Екатерина (камеръ-фрейлина), Анна, Софія, Анастасія и Прасковія (за Ник. Ив. Аксаковымъ) Петровичъ Александровичъ Валуевъ, нынѣ председатель комитета министровъ,—старшій сынъ Александра Петровича, былъ женатъ на княжнѣ Маріи Петровнѣ Вяземской, скончавшейся въ 1847 году, и отъ нея имѣетъ дѣтей.

Гербъ дворянъ Валуевыхъ помѣщенъ въ 1-й части общаго русскаго гербовника, на стр. 38; щитъ раздѣленъ перпендикулярно на два поля: правое зеленое, и въ немъ три золотыя стрѣлы, соединенныя острыми и обращеныя вверхъ; лѣвое поле красное, и въ немъ справа выходитъ золотой волъ и передними ногами упирается въ золотую рѣшетку. Наметъ справа зеленый, слѣва красный, подложенъ золотомъ; щитъ держатъ два льва съ поднятыми хвостами.

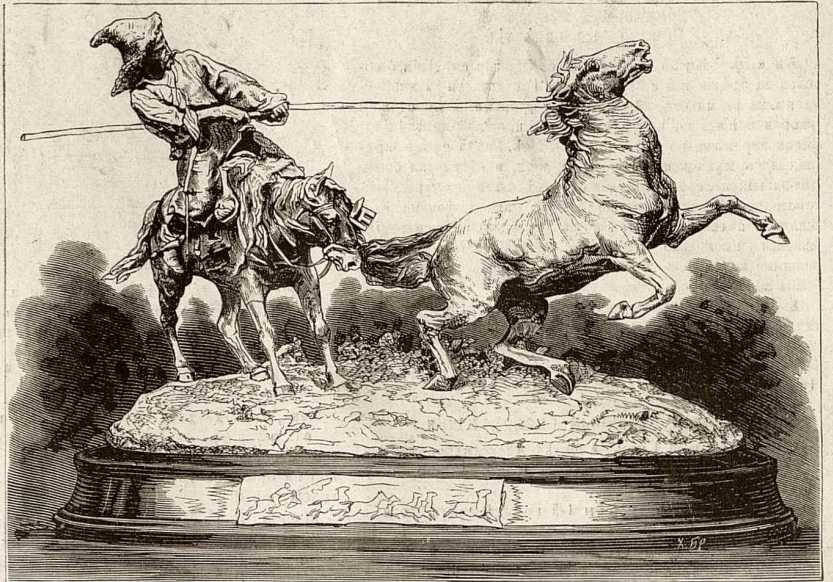
Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзнодорожной и изученія бассейна рѣки Аму-Дарья.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

II.

(Продолженіе).

Крытые своды громаднаго базара защитили насъ отъ палящихъ лучей полуденнаго солнца. Базарная улица была запержена народомъ, и кортежъ двигался еще медленнѣе, чѣмъ когда мы ѣхали во дворецъ. Справа и слѣва тянулись рядъ всевозможныхъ лавокъ, расположенныхъ группами по своимъ специальностямъ: сначала лавки мясниковъ, распространяющія острый, бьющій въ носъ запахъ крови и ободраннаго мяса, далѣе груды дынь, арбузовъ и всякихъ фруктовъ, затѣмъ лавки съ красными товарами, задрапированными, ради вывѣски, кусками краснаго кумака; потомъ—сѣдельные и шорные магазины, входы въ которые были обвѣшаны всевозможною сбруею, сбѣдами, чепраками и проч.; за шорниками, слѣдовали ювелиры и мѣдники; красиво чеканенные, изящной легкой формы кучанки, мѣдные умывальные тазы, блюда, подносы, кальяны, все это сверкало и золотилось на солнцѣ, особенно, когда сквозъ дырѣя навѣса проскользнетъ его яркій лучъ и разгряется, разсѣплется на этихъ грудахъ металлической посуды. «Чай-хане» расположились на каждомъ перекрѣстѣ, на каждомъ поворотѣ—тамъ кѣшья, въ облакахъ пара, колоссальныя самовары тульской работы, тамъ суетились мальчишки въ красныхъ долгополыхъ рубахахъ, разнося угощеніе слѣдობродимъ, чамоноснымъ посетителямъ этихъ азиатскихъ кафе-ресторановъ. Изъ боковыхъ щелей переулковъ, куда едва могъ-бы протиснуться одинокій всадникъ, доносятся чадный запахъ горѣлаго кунжутнаго масла, тамъ варился пловъ и готовились «зембузи» и пельмени; оттуда выбѣгали разносчики съ подносами горячихъ, только что вынутыхъ изъ печки лепешекъ... Въ воздухѣ стоялъ цѣлый хаосъ звуковъ... Говоръ, крикъ, перебранки, ревъ верблюдовъ, озлобленное ржаніе лягающихся жеребцовъ, крики ослонъ, завываніе мулы или странствующаго факира-дувана—юрдываго... А наверху, надъ головами—воркованіе и хло-

панье крыльев миллионъ голубей, приоткрывшихся на жердяхъ и перекладинахъ базарныхъ навѣсовъ.

Когда мы прибыли домой, на посольскій дворъ, тамъ уже ожидали насъ и наши жалованные кони и свертки халатовъ.

Всѣ мы чувствовали себя утомленными до-нельзя и нуждались въ отдыхѣ; болѣе всего утомило насъ, конечно, эти наши мундиры и суконное платье, вовсе уже не приспособленное къ мѣстному климату, особенно въ такую жаркую пору.

Не безъ наслажденія разошлись мы по своимъ садыямъ, отказавшись отъ приготовленнаго для насъ здѣсь обѣда, повтореніе того-же эмирскаго завтрака.

Вечеромъ, когда прохлада смѣнила невыносимый дневной жаръ, насъ ожидало новое удовольствіе. По приказанію эмира, у насъ во дворѣ устроена была, такъ называемая, «томаша» (зрѣлище), состоявшее изъ пляски бачей и театральнаго представленія, съ хорами пѣвцовъ и музыкантовъ.

За часъ до солнечнаго заката начались приготовления. Этими приготовлениями завѣдывалъ все тотъ-же бойкій и юркій Мирахуръ. Принесены были ковры и ими устланъ весь дворъ; затѣмъ появились рабочіе съ начками саланныхъ свѣчей и стали приближать эти свѣчи по всѣмъ линіямъ карнизовъ и подъ арками верхней веранды; крошкѣ того, эмиръ прислалъ изъ своего дворца сотни двѣ стеклянныя и бумажныя фонарей, и все это, едва только наступила темнота, загорѣлось безчисленными огнями, заражая воздухъ запахомъ сала и копотью.

Во дворѣ къ намъ забралось не мало-таки и постороннихъ зрителей, кромѣ приглашенныхъ, и вдоль стѣнъ, на обонхъ балконовъ, даже на верху, на крышѣ, вездѣ расположились тѣсныя группы любопытныхъ. Высшіе сановники эмира заняли мѣста вмѣстѣ съ нами, на главной площадкѣ, возвышающейся надъ площадью двора аршина на два.

Сперва появились музыканты и заняли свои мѣста на коврахъ, сѣвши въ два ряда, на короткихъ; эти музыканты раздѣлились на двѣ группы: одна съ бубнами и горшками обтянутыми кожей, для аккомпанимента плясокъ бачей, расположилась какъ разъ противъ насъ; другая, такъ называемая камгарская музыка съ инструментами струнными, вродѣ напихъ бадалаекъ и кавказскихъ «саазовъ», убралась нѣсколько поодаль; въ этой второй группѣ находились и пѣвцы, исполнители народныхъ мотивовъ и легендъ съ историческою подкладкою, положенныхъ на стихи, изъ рода въ родъ передаваемые наслѣдственно, но, увы, почти нигдѣ не записанные, — ни въ старыхъ, ни въ новыхъ книгахъ среднеазиатской рукописной литературы.

Представленіе началось пляскою двухъ бачей, которыхъ внесли на рукахъ изъ боковой двери. Оба мальчика были одѣты въ длинныя красныя рубахи, до самаго пола, подпоясанныя ниже бедеръ, цвѣтными платками, изъ подъ ихъ маленькихъ тулбеекъ (шапочекъ) выбивались длинныя волосы; заплетенные въ косички; поверхъ рубахъ на плечи были накинуты халаты, на одномъ свѣтло-лиловый шелковый, на другомъ, пестрый, узорный.

Бачи были усердно набавлены и нарумянены, глаза ихъ подведены черною краскою, концы ногтей и ладони рукъ подкрашены мареною.

Нѣсколько бронзовыхъ группъ Лансера, исполненныхъ заводомъ Г. Шопана въ С.-Петербургѣ.

При появленіи первой пары плясунцовъ воздухъ огласился привѣтственными криками зрителей, но эти крики тотчасъ-же были заглушены грохотомъ лавровъ и бубновъ, невозможнымъ пѣніемъ музыкантовъ; невозможно было разобрать мелодію этихъ дикихъ звуковъ; европейскому уху понятенъ и доступенъ былъ только размахъ, въ три такта, которыми и начали бачи свою пляску.

Сперва они мѣрно обошли кругъ, одинъ на встрѣчу другого, размахивая надъ головою длинными руками своихъ рубахъ; затѣмъ движенія ихъ стали все чаще и чаще, они выгибались всѣмъ тѣломъ назадъ, кружились словно красные волчары, кружились на кончикахъ босыхъ ногъ, на козляхъ, кружились до пота, крупными каплями выступавшаго на ихъ лицахъ. Музыканты надрывались, не щадя ни рукъ, ни инструментовъ; зрители ревели отъ восторга, и то и дѣло изъ ихъ толпы выскакивали особенные любители то съ чашкою чая въ рукахъ, давая прихлебнуть на лету усталому бачѣ, то съ платкомъ, вытира на его лбу струящуюся потъ...

За эту парю плясунцовъ появилась вторая пара, лучшаго разбора; около этихъ бачей появились «машкарабазы», актеры-комики; у каждаго было по свѣчѣ въ рукахъ, и они слѣдили за каждымъ

движеніемъ плясуна, освѣщая его лицо, суя чуть не подъ самый носъ оплывающую отъ жара салную свѣчку. Эти машкарабазы выдѣлывали при этомъ своими туловищами самыя циничныя, не подходящія ни подъ какое описаніе движенія, — изображая при этомъ на своихъ физиономіяхъ нелѣпость и удивленіе ловкости и красоты танцовровъ. Одинъ изъ бачей, талантъ безспорно крупный въ своемъ родѣ, блисталъ такимъ знаніемъ нецензурной мимики, что навѣрное заставилъ-бы позавидовать себѣ любую европейскую развратницу... Становилось просто противно сморѣть на эти невозможно-циничныя кривленія.

Эти танцы смѣняли камгарскіе музыканты, за ними опять пляска бачей, но уже особый веселье граціозный танецъ, — какъ называлъ намъ Мирахуръ, видимо большой знатокъ этого дѣла, — маврійскій. — Затѣмъ появились машкарабазы... Это собственно клоуны-комики, разыгрывающіе короткія сценки, часто даже съ случайнымъ участіемъ кого-нибудь изъ зрителей; содержаніе этихъ сценъ по большей части тоже до-нельзя скабрзное хотя и не лишено извѣстной стѣны юмора и даже, если хотите, сатирическаго характера.

Пляска бачей, пѣніе хоромъ и по-одиночкѣ, сцены машкарабазовъ, все это шло, смѣняясь и повторяясь съ однообразіемъ, начинающимъ уже порядочно надоедать. Мы положительнo не знали, какъ наметнуть любезному Мирахуру, что пора-бы и кончить, что мы, молъ, и такъ много довольны; но весь спектакль такъ замѣтно правился сановниками эмира и всѣмъ зрителямъ, восторгъ ихъ былъ такъ искренъ и неподдѣленъ, что мы никакъ не рѣшались просить о прекращеніи зрѣлища и досидѣли такимъ образомъ почти до разсвѣта, когда утомленные плясуны едва уже передвигали свои ноги, а пѣвцы и музыканты потеряли голосъ, завывая уже не своими голосами.

Бачи, актеры и музыканты получили отъ насъ разныя мелкіе подарки и халаты и убралась по домамъ; Мирахуръ и Шагауль пожелали намъ спокойной ночи и полюбопытствовали, есть-ли что-нибудь подобное у насъ въ Россіи. Толпы народа стали очищать балконы и дворы, расходясь въ восторгѣ отъ всего видѣннаго и слышаннаго.

Посольскій дворъ опустѣлъ, и по немъ снова заходилъ часовой съ ружьемъ, мѣрно шагая изъ угла въ уголъ, отъ одного входа до другого. На другой день мы предполагали выѣхать изъ Карши, но наши предположенія не сбылись. Насъ задерживали подлѣ разными благовидными предлогами, а между тѣмъ не выпускали съ посольскаго двора, когда мы заявляли о своемъ желаніи побывать на базарѣ, купить что-нибудь изъ издѣлій мѣстныхъ мастеровъ: намъ тотчасъ-же приносили все это на домъ.

Наконецъ, только на третій сутки пребыванія нашего въ Карши мы могли тронуться съ мѣста и выступили двѣнадцатаго августа, въ девять часовъ утра. Мирахуръ-Зейль-Динъ проводилъ насъ до городской черты и передалъ изъ рукъ въ руки мѣстнымъ аскаламъ и амлядарамъ того участка, территорію котораго мы должны были проходить. Съ этихъ поръ насъ такъ и передавали изъ рукъ въ руки, отъ одного амлядара къ другому.

Н. Карзинъ.

Всемирная Иллюстрация

№ 584.] Годъ XII.

15 Марта 1880 года.

[Томъ XXIII. № 12.

Прорытіе сень-готтардскаго туннеля. — Первый поѣздъ инспекціи дороги черезъ туннель, изъ Гешенена въ Айролу, 2-го марта.

конь. Для этого взяли толстого Яна, съ ослиной маской на голову и съ харей, нарисованной на спине, и подыали его на руки, чтобы он мог руками схватиться за перила балкона. Но осадившие не дремали и предвидѣли подобную хитрость. Онѣ не истратили еще всего запаса своей мучной карточки, на что рассчитывали уроды, и какъ только Янъ съ длинными ушами былъ поднятъ, на него опрокинули цѣлыми козниками мучныя лепешки, засыпавъ не только его ослиную голову, но и всѣхъ его сподвижниковъ. Янъ уже не думаетъ нападать, а, прикрывая лѣвою рукою глаза, вопить во все горло, умоляя товарищей скорѣе опустить его на землю, чтобы отряхнуться.

Въ это-же время одинъ хитрый инженеръ уродовъ вынулъ изъ веревочкѣ гуттаперчевый пузырь, выманный клеємъ, съ насыпанной на него мукой, и поднесъ его къ части балкона, прикрытой ковромъ, рассчитывая, что пузырь незаметно ткнется въ лицо какой нибудь зазѣвавшейся амазонки. Но амазонки не зѣваютъ, хотя правда, что, отталкивая пузырь, имъ приходится пачкаться объ него, такъ какъ коварный инженеръ ловко управляетъ имъ и не даетъ схватить и оторвать отъ веревочки.

Въ самое горнило этой маскарадной суматохи, попалъ мосе Доберъ, старый холостакъ лѣтъ за сорокъ, неутомимый волокита. Еще до прихода процесси уродовъ, онъ явился подъ балконъ, разодрѣтый по посѣдѣй модѣ, съ моноклемъ въ одномъ глазу и съ зонтикомъ въ рукѣ, на случай перестрѣлки лепешками, чтобы прикрыть свой цилиндръ. Стоя подъ балкономъ, онъ распылся въ любезностяхъ передъ цѣлымъ букетомъ антверпенскихъ красавицъ, надѣясь уйти во время, какъ только завидитъ процессію уродовъ. Но коварныя амазонки рѣшили иначе. Онѣ завлекли его своими шутками и многообещающими намеками, передъ которыми старый селадонъ растаялъ и забывалъ до того, что неожиданно былъ застигнутъ толпою масокъ и попалъ въ самую середину батали. Забывъ уже о необходимости сохранять приличный видъ и думая только о спасеніи своего цилиндра, мосе Доберъ, не успѣвъ распустить зонтика, сталъ прикрывать голову руками и пропалкаться изъ толпы на свободу. Онъ былъ очень жалокъ и смѣшенъ въ эту минуту, и во всякое другое время на вѣки потерялъ-бы репутацію неотразимаго донъ-Жуана, но, къ счастью, амазонки о немъ забыли, заняты отраженіемъ штурма.

Подобно мосе Доберу, въ суматоху попалъ и мосе Банъ, котораго какой-то длинноносый дуракъ грубо толкнулъ въ спину. Мосе Банъ круто повернулся и, подбоченившись, рѣзко вскрикнулъ:

— Надо быть осторожнѣе, мизистивъ государь!

— Ахъ ты Господи!—съ комической важностью отвѣтилъ уродъ.—Можно-ли сегодня обижаться за свою спину, когда эти прелести на балконѣ не обижаются даже за свои фizioноміи, если получаютъ лепешку въ носъ?

Но такіе мелкіе казусы не мѣшаютъ общему веселью продолжаться до конца.

— И что-же тутъ веселого?—спросить какая нибудь русская барышня.—То-ли дѣло имѣть возможность написать ему:

Ты помнишь-ли тотъ день прекрасный,
Ты помнишь-ли тотъ темный кустъ,
Когда въ малинѣ, съ нѣгой страстной,
Сомкнулись двое жаркихъ устъ?

Да, это гораздо пріятнѣе. Но у всякаго свой вкусъ, и антверпенскія красавицы нѣсколько не теряютъ оттого, что умѣютъ веселиться не только подъ темнымъ кустомъ, или подъ чернымъ домино, но и на открытѣмъ балконѣ.

Ар. Эвальдъ.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарья.

Путевые очерки Н. П. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Переходъ отъ города Карши до Гузара равняется шести тамашамъ, т. е. около пятидесяти верстъ. Мы должны его сдѣлать въ одинъ день; на пути предполагается кратковременный привалъ въ кишлакъ Яни-Кентъ.

Едва мы миновали Каршинскія предмѣстья, какъ передъ нами развернулася печальная, безжизненная и безводная панорама мѣстности, послѣдней, однако, сдѣланнаго искусственнаго орошенія и обработки; кое-гдѣ, по сторонамъ дороги, виднѣются кишлаки, но очень бѣдные, малонаселенные; у кишлаковъ, чахламы, запущенныя группы деревьевъ; тамъ и тутъ исключительно тощія плантаціи джюгары, ирбѣка хаюна, высохшіе до дна, безводные арыки и подувсохшіе, залесѣнныя, издающіе отвратительный запахъ «хаузы» (ирудики).

Здѣсь странно свирѣствуетъ часотка и другія на

кожныя болѣзни, особенно если лѣто безводно, какъ нынѣшнее (мыться нечѣмъ, по неволѣ трудно быть чистоплотнымъ).

День жаркій; воздухъ наполненъ лесовою пылью; душный, не освѣжающій, но гнетущій вѣсъ вѣтеръ налетаетъ шквалами, напоминая намъ джамскую стоянку.

Безконечно долго тянулись эти четыре тамаша до Яникента, этого кишлака-кладбища, потому что этотъ пунктъ служитъ мѣстомъ погребенія для всѣхъ окрестныхъ жителей. Громадныя пространства усыяны почти сплошь кучками сѣвратой глины—это могилы бѣдняковъ; ирбѣка возвышаются глинобитныя сооружения въ видѣ саркофаговъ; кое-гдѣ торчатъ шести съ трияками на концахъ,—могилы умершихъ отъ ранъ и павшихъ на боевомъ полѣ.

Рядомъ съ кладбищемъ довольно большой караванъ-сарай съ двумя жилыми саклями на переднемъ фасѣ, воротами между ними, маленькимъ прудикомъ посреди просторнаго двора, четырьмя тувовыми деревьями и въ тѣни ихъ небольшимъ четверугольнымъ возвышеніемъ, на которомъ поставлена была кибитка, предназначенная для нашего отдыха. Здѣсь насъ ожидалъ завтракъ, а нашихъ усталыхъ, запыханныхъ коней—свѣжій кормъ.

Переждавъ въ Яни-Кентѣ самую жару, мы часовъ въ пять вечера тронулись въ путь, рассчитывая засвѣто попасть въ Гузаръ, отстоящій отсюда не болѣе двадцати верстъ.

Подходя къ городу, мѣстность нѣсколько измѣнилась къ лучшему: впереди вырѣзываются синеватые силуэты горъ, а ближе, заслоняя видъ на Гузаръ, тянется цѣль холмовъ,—вѣрнѣе кургановъ, ибо нельзя сомнѣваться въ ихъ искусственномъ происхожденіи.

Курганы эти совершенно одинаковой формы и размѣровъ; они расположены даже въ нѣкоторомъ тактическомъ порядкѣ: очевидно, эти курганы играли когда-то роль и наблюдательныхъ и опорныхъ пунктовъ боевой позиціи, защищающей подступы къ городу.

Едва мы миновали двойную линію этихъ кургановъ, какъ увидѣли передъ собою—высвѣтленныхъ намъ на встрѣчу гузарскимъ бекомъ, амялдаровъ, которымъ и сдали насъ съ рукъ на руки сопровождавшіе насъ изъ Карши чиновники.

Солнце уже садилось, когда мы, миновавъ глубокой двухъ-арусный арыкъ, вступили въ городъ,—съ этой стороны представляющій безпорядочную грудю глиняныхъ сакель самаго жалкаго вида.—Въ городѣ незамѣтно не единого дерева,—ничего, на чемъ могъ-бы остановиться и отдохнуть глазъ путешественника, утомленнаго этою длинною и скучною дорогою.

По случаю правдника Уразы, всѣ жители заперлись по домамъ, базары были пусты, всѣ лавки закрыты, и городъ казался совершенно безлюднымъ. Слѣдуя по узкимъ уллкамъ, дѣлая самые неожиданные повороты, мы добрались до перваго крытаго базара и вступили подъ его мрачные своды; но за то едва мы вынырнули изъ этого гуinea, какъ передъ нами развернулася эффектная до грандіозности картина—городской цитадели на большой возвышенности за оврагомъ: длинныя, зубчатые стѣны съ полуарками ронделами, съ зияющими воротами, защищенными навѣсными бойницами, залитыя багровымъ свѣтомъ заходящаго солнца, эффектно рисовались на лиловомъ фонѣ вечерняго неба; внизу, у подножья этой цитадели, безконечная путаница плоскихъ крышъ, черныя трещины улицъ и переулковъ, а правѣ, по ту сторону оврага, спускался въ долину, восточная часть города въ противоположность западной, вся затонувшая въ густыхъ садахъ и плантаціяхъ. По дну оврага глухо бурлила и пѣлилась «Гузаръ-Дарья», то разливаясь по плоскимъ береговымъ полосамъ, усыяннымъ ракушками, то горячо прорывалась между громадными каменьями.

Мы переправились на тотъ берегъ по довольно прочному каменному мосту, поднялись круто на гору и въѣхали въ крѣпостныя ворота, гостеприимно распахнувшіеся настежь, не оберегаемыя никакимъ карауломъ.

Здѣсь опять потянулася длинный базаръ съ закрытыми лавками, также безлюдный, за которымъ опять ворота, выходящая изъ крѣпости, а далѣе крутой поворотъ выѣзо по узкому карнизу, нависшему надъ оврагомъ у самаго подножья крѣпостной стѣны. Ары мы могли сдѣлать за нами по этой тропинкѣ, и ихъ помѣтели особо въ городѣ; насъ-же, всадниковъ, провели въ садъ гузарскаго бека, гдѣ мы должны были провести ночь.

Садъ гузарскаго бека, обнесенный со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами, состоялъ всего изъ двухъ рядовъ старыхъ колоссальныхъ карагачей, большого пруда и искусственнаго возвышенія по срединѣ; вдоль стѣнъ съ одной стороны тянулись крытые навѣсы и надобно для привязыванія лошадей; съ другой—жилая сакля; вдоль аллен проведены были арыки, чисто содержимые и съ недурною проточною водою. По всему замѣтно было, что садомъ этимъ занимаются заботливый и умѣлая руки.

Гузарскій бекъ былъ въ отсутствіи, и его замѣнялъ встрѣтившій насъ на порогѣ племянникъ его, а съ нимъ высокій, арыскаго типа, старикъ,—его тестъ. Внимательность хозяйна выразилась между

прочимъ и тѣмъ, что здѣсь мы нашли подобіе стульевъ, обитыхъ краснымъ кумачемъ, новенькихъ съ иголочки, очевидно сдѣланныхъ ради нашего приѣзда.

(Продолженіе будетъ).

Нашъ извѣстный пейзажистъ, профессоръ Академіи Художествъ, Арсеній Ивановичъ Мешерскій, недавно получилъ большую золотую медаль, присужденную ему еще въ 1873 году за картину, бывшія на тогдашней лондонской международной выставкѣ; посредникъ медали красуется портретъ президента, принца Уэльскаго и годъ «1873» а съ другой—званіе галлерей выставки на ребрѣ медали надписи: «Арсенію Мешерскому». Это высшая награда, какую только можетъ получать себѣ художникъ-иностранецъ.

Изъ 1775-ти выставленныхъ въ гротенорской галлерей въ 1879 году предметовъ удостоились принятія въ залъ принца Альберта только три картины, а именно: Вильсона два «морскихъ вѣла» нормандскаго побережья и Рамель—«Портретъ красавицы».

Открытие международной выставки искусствъ въ Лондонѣ предполагается въ началѣ будущаго мѣсяца. Лучшія произведенія будутъ помѣщаться въ историческомъ отдѣленіи Гротенорской галлерей, въ залѣ принца Альберта.

Королевская академія художествъ въ Берлинѣ устраиваетъ въ нынѣшнемъ году большую выставку произведеній современныхъ художниковъ; она будетъ открыта съ 29-го августа по 31-е октября.

Лекокъ пишетъ новую комическую оперу, которая пойдетъ нынѣшнеею осенью на сценѣ парижскаго театра «Renaissance». Либретто для нея, подъ заглавіемъ «Маркизъ Виндорскій», составлено Мейлакомъ и Галеві.

Христина Нильсонъ, во время своего пребыванія въ Мадридѣ, научилась играть на гитарѣ, какъ настоящая испанка. При ея отъѣздѣ, король и королева испанскіе предложили ей, въ знакъ памяти, драгоценную жемчужину, обдѣланную брилліантами. Знаменитая артистка пожертвовала въ пользу бѣдныхъ въ городѣ 10,000 франка.

«Шахматисты Петербурга имѣютъ наконецъ возможность играть, какъ прилично настоящимъ шахматистамъ».*). Такъ начинается хроника первой книжки «Шахматнаго Листка» на 1880-й годъ. Много смѣлости надо, чтобы рѣшиться утверждать такую нелицу. Видъ это значитъ, что всѣмъ настоящимъ шахматистамъ играть въ другихъ обществахъ и клубахъ—не прилично. Далѣе, писатель хроникѣ силится поразить насъ, какъ громомъ, своей логикой, насмѣшкой, ироніей, именно тѣмъ, для чего необходимо имѣть сколько нибудь остроумія. Но всѣ усилія его пропадаютъ даромъ.

Когда ни тучи въ небѣ чистомъ,
Откуда-же возьмется громъ...
Быть можно сильнымъ шахматистомъ
И слабо дѣйствовать перомъ.

Сказавъ объ избраніи въ новороздѣнномъ обществѣ правленія, въ которое и самъ онъ, разумѣется, попалъ, онъ самоувѣренно восклицаетъ: «Все это очень хорошо, но... не нравится г. составителю шахматнаго отдѣла Всемирной Иллюстраціи, и онъ разражается... желаніемъ, чтобы партія въ 60 членовъ (преестроуно!) ознаменовала себя блестящими ходами!» Странная логика! Мы желаемъ обществу всего хорошаго; слѣдовательно, оно намъ не нравится. До такого вывода писатель хроникѣ долетѣлъ

*) Въ новомъ шахматномъ клубѣ.

Всѣмірная Иллюстрація

№ 585.] Годъ XII.

22 Марта 1880 года.

[Томъ XXIII. № 13.

Отъ Главной Конторы Редакціи.

Вслѣдствіе поступленія въ Редакцію многочисленныхъ заявленій гг. желающихъ получать «Всѣмірную Иллюстрацію», съ разсрочкою платы подписной цѣны, Главная Контора Редакціи считаетъ нужнымъ довести до ихъ свѣдѣнія, что она согласна разсрочить уплату на два срока, а именно:

1) Съ доставкою въ С.-Петербургъ, слѣдуетъ внести при подпискѣ 8 руб., остальные 6 р. 50 к. — къ 1-му іюня. 2) Съ пересылкою во всѣ города Имперіи, слѣдуетъ внести при подпискѣ 9 руб., а остальные 7 руб. — къ 1-му іюня.

Журналъ будетъ высылаемъ съ 1-го нумера, со всѣми приложеніями.

При перемѣнѣ мѣста жительства, гг. подписчики «Всѣмірной Иллюстраціи» благоволятъ увѣдомлять объ этомъ Контору Редакціи немедленно и прилагать при каждой перемѣнѣ адреса 28 коп. за напечатаніе новаго адреса. Въмѣстѣ съ новымъ слѣдуетъ прилагать и старый адресъ.

Начальникъ верховной распорядительной комиссіи, генераль-адъютантъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

(Рисоваль К. Брозъ).

клапана, который вследствие того откроется, и из цилиндра высылается или вытечет в повозочку через открытый клапан часть находящегося в цилиндре песка или свинцового груза. Вследствие прибавления груза, повозочка скатится с прежнею скоростью вниз, так как сила, утраченная на преодоление сопротивления воздуха и трения, возмещается добавлением груза. Дойдя до середины пути, т. е. до нижней его точки, повозочка сбрасывает свой добавочный груз и облегченная выкатывается в противоположный конец дуги, где происходит опять та же самая история: нажимаем пружинки клапана, добавка груза и т. п. Изобретатель воображает, что силой движения самой повозочки можно поднять сброшенный ею груз снова в цилиндр, откуда он опять будет выпадать в повозочку и т. д.

ВЫСТАВКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

(Продолжение).

Картины последней русско-турецкой войны.

В предыдущем вступлении мы уже говорили об одной из картин — «Победители»; но перед нами цела галерея, — двадцать три номера, из которых каждый заслуживает подробного описания, — каждый исполнен мысли, наблюдательности и изысканности технико-художественных совершенств. Правда, и солнце не без пятен, — можно найти и у Верещагина несколько слабых, несколько незавершенных вещей; но недостатки произведений Верещагина вполне сгущиваются перед той массой достоинств, в силу которых он справедливо заслужил европейское имя. Главными, выдающимися вещами настоящей коллекции следует назвать: «Победители», «Побжденные», «Шипка-Шейново» и «Подъ-Плевню». Большая вещь, «Побжденные», представляет весьма грустную картину похорон: Тела убитых покрыты все поле; безконечное, уходящее далеко в даль поле, на котором местами видна желтая засохшая трава, прикрывающая, как сывко, ряды убитых; над этим безконечным полем нависли свинцовые мрачные тучи; он заволочен всею далью каким-то таинственным саваном; они как-бы напоминают, что для несчастных-погибших уже нет возврата на родину; и в черной таинственной расе священник, стоящий на первом плане в углу у общей ямы или могилы, выкопанной товарищами для погибших, служит над этим мертвым полем панихиды; воздвигает он столб солдат-причетников; и больше ни души, больше ни звука; тишина, видимо, кругом мертвая, тишина как в могиле, только слабый голос священника и побрякивание цыпочки слабо дымчащегося кадила дают знать об этой ужасной тишине. Погибшие, точно страшные призраки, выглядывают из-за травы то там, то сям обожженными, изуродованными; страшно торчать в одном месте окоченевшие руки, в другом ноги; там виднётся череп, здесь одна голова; и художественная чуткость подсказала Верещагину известную границу, известную мѣру этой ужасной картины «поля трупов»; он сблизил ряды этих трупов, как мы уже и сказали, едва заметными, он дал только идею и колло представляющего ужасного поля мертвых. В примѣчании в каталог Верещагин говорит: «Всѣ безъ исключенія раненные наши были предварительно перерѣзаны и изуродованы турками, и мѣстѣ съ убитыми обжарены и раздѣты до гола. Товарищи ихъ, егеря, собрали разбросанные по полю битыя тѣла, положили ихъ рядомъ передъ общою могилею... Священникъ отслужилъ панихиду...» Примѣчание это вполне поясняетъ того дикаго врага, съ которым мы имѣли дѣло и то страшное поле обожженныхъ и изуродованныхъ труповъ, которое представляетъ не поле послѣ битвы, а поле послѣ зѣвской битвы освирѣпѣлаго побѣдителя. Картина написана превосходно; но, говоря о такого рода картинахъ, — полныхъ глубокаго содержанія, какъ-то странно и упоминать о технико-художественныхъ достоинствахъ.

Сюжетъ «Шипки-Шейново» еще болѣе драматиченъ. Самый фактъ, послужившій предметомъ для картины, Верещагинъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «На другой день побѣды при Шейново войска были поставлены дѣльнымъ флангомъ къ горѣ св. Николая, фронтомъ къ деревнѣ Шейново. Скобелевъ, выхавши изъ деревни, далъ шпоры лошади и, снявъ фуражку, на всемо скаку привѣтствовалъ солдатъ: «Именемъ отечества, именемъ Государя, спасибо, братцы...» Это привѣтствие вырвалось на рамѣ внизу подъ картиной. Картина представляетъ ряды солдатъ, бросающихъ вверхъ шапки и кричащихъ «ура», а передъ ними — скачущаго со свитой Скобелева. Какъ Скобелевъ, такъ и стѣна солдатъ хотя и составляютъ главный сюжетъ картины, но они написаны на второмъ планѣ; на первомъ-же мы видимъ въ свѣту двухъ окоченѣвшихъ убитыхъ; и эти два трупа глубоко-трагически задѣлаютъ за душу зрителя, напоминая ему, что побѣда на войнѣ требуетъ жертвъ, и «ура» или

ликующе побѣдителей — далеко не то, что «ура» на Марсовомъ полѣ. Въ этой картинѣ въ технико-художественномъ отношеніи замѣчательно исполненъ первый планъ.

На картинѣ «Подъ Плевню» мы видимъ сидящаго на высокомъ бугрѣ царственного имениника — Его Императорское Величество Государя Императора, окруженнаго блестящей свитой генералъ-адъютантовъ. Государь, сидя на походномъ стулѣ, смотритъ въ бинокль; передъ его глазами растиается громадная равнина, покрытая пороховымъ дымомъ. Верещагинъ такъ описываетъ эту картину: «День штурма былъ пасмурный, съ тяжело нависшими тучами и, по временамъ, мелкимъ дождемъ. Гулъ 500 орудій, трескъ и перекаты ружейныхъ выстрѣловъ не переставали ни на минуту. Издали доносились русское «ура!» и «алла!» турокъ... Скоро послѣ полдня дымъ выстрѣловъ заткнулъ все поле битвы!...» Это описаніе съ фотографической точностью передано и на картинѣ, главный интересъ которой заключается, разумеется, въ фигурѣ Государя Императора и въ окружающей его свитѣ. Полная напряженнаго вниманія фигура Государя, а также и остальныхъ лицъ исполнены превосходно; въ общемъ картина производитъ неотразимое впечатлѣніе; и напрасно Верещагинъ не вырвалъ подъ картиной надписи: «День 30-го августа». Каждый помнитъ этотъ день, и для каждаго было-бы понятно, что и Государь, повелитель громаднаго царства, проводилъ день своихъ мыслей въ трудахъ на полѣ битвы.

Всѣмъ за такого рода chefs d'oeuvre'ами настоящей коллекціи Верещагина мы перейдемъ къ другимъ прекраснымъ вещамъ, которыя также производятъ весьма сильное впечатлѣніе на зрителя. Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о трехъ картинахъ подъ названіемъ: «На Шипкѣ все спокойно». Названіе «На Шипкѣ все спокойно» — это дословный рапортъ генерала Радецкого. Подъ нимъ, въ каталогѣ, Верещагинъ сблизилъ слѣдующее замѣчаніе: «Каждый день солдаты падали десятками отъ турецкихъ пуль и сотнями отъ мороза. Полки уменьшались до невообразимой цифры». Но стычекъ, битвъ, особой тревоги не было, и на войнѣ это называется «спокойствіемъ». Вотъ это-то «спокойствіе» войны Верещагинъ и изобразилъ въ солдатахъ, стоящихъ на караулѣ. Въ одномъ изображеніи, или на одной картинѣ, онъ представилъ стоящихъ во время страшной мѣтели; на другой онъ уже сидитъ, покрываемый цѣлыми тучами снѣга; на третьей онъ лежитъ мертвый, окутанный снѣгомъ, какъ саваномъ. Это опять-таки драма, характеризующая войну, и совершенно правдивая драма, которая одна только и даетъ настоящее представление о войнѣ. Многие упрекаютъ художника въ такой исключительности сюжета; но въ эту исключительность даетъ сама война и художникъ не причемъ, правдиво отнесшись къ действительности. Онъ былъ тутъ фотографомъ, но фотографомъ-художникомъ, взявшимъ тѣ сюжеты, которые характеризуютъ видѣнную имъ войну. Правда, не одна кровь и смерть представляютъ собою всю сущность войны: не одні «могилы на Шипкѣ» даютъ настоящее представление о войнѣ; но баталии, или битвы, видимо, не жанръ Верещагина и изъ таковыхъ онъ не изобразилъ ни одной. «Могилы на Шипкѣ», — это тоже известная художественная фотографія, подъ которой въ каталогѣ мы находимъ слѣдующее поясненіе: «На склонахъ горы св. Николая; — подъ главнымъ крестомъ лежатъ русскія головы, отрубленные турками послѣ первыхъ схватокъ съ отрядомъ генерала Гурко».

Остальные картины имѣютъ болѣе бытовое военный характеръ, и потому мы къ нимъ обратимся въ слѣдующей статьѣ. Здѣсь, въ заключеніе настоящаго, разсмотрѣннаго нами отдѣла или порядка картинъ, мы должны еще сказать два слова о картинѣ «Плѣнные», которая, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ слабымъ или неудавшимся произведеніямъ. Каталогъ картины истолковывается такимъ образомъ: «Дорога отъ Плевни, отъ того мѣста за рѣкою Видлѣ, гдѣ Османъ-паша разбился о гренатеръ, до самаго Дуная, была буквально устлана замерзшими турками. Морозы наступили такъ внезапно и такіе сильные, что brave защитники Плевни, въ своихъ оледенѣлыхъ одеждахъ, одинъ за другимъ, падали на стороны дорогъ и, на глазахъ всѣхъ, тихо, безъ криковъ и стоновъ, замерзали. Нѣкоторые замерзали долго, впродолженіи двухъ — трехъ дней...» Подъ этимъ толкованіемъ, въ примѣчаніи къ нему, художникъ дѣлаетъ слѣдующую выписку изъ своего дневника или изъ своихъ воспоминаній: «вспоминаю двухъ турокъ: одного старика, другаго совсѣмъ еще юношу, сидѣвшихъ надъ каминомъ-то подобіемъ костра, надъ дымившемся лучиномъ. Я вѣшалъ въ Долный-Дубнякъ, и когда, поровнявшись съ ними, остановился, юный турокъ началъ было что-то объяснять, да такъ и заляпалъ слезами. Старикъ молчалъ и сердито глядѣлъ внизъ. Когда подъ вечеръ я возвращался въ Плевну, знакомая лучина уже не дымилась, молодой турокъ лежалъ опочивнувшись навзничъ, а старикъ все еще сидѣлъ неподвижно, нагнувшись, — живъ онъ былъ или тоже замерзъ?»

Ни этого эпизода и ничего подобнаго мы на картинѣ не видимъ; на картинѣ изображена большая столбовая, съ телеграфными столбами, дорога; но ней

скачутъ вороны, а въ канавѣ по одну сторону видны окоченѣлые трупы. Трупы эти не производятъ никакого впечатлѣнія, и картина безъ подписи была-бы совершенно непонятна.

(Продолженіе будетъ.)

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дары.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Гузаръ считается однимъ изъ бѣдныхъ городовъ этого края; жители его занимаются, главнымъ образомъ, бочарными поимками и ткнутъ аллачу — бумажную ткань для дешевыхъ халатовъ.

Здѣсь мы застали дожидавшаго насъ джигита изъ Самарканда, обогнавшего нашъ отрядъ другою дорогою на Китаѣ. Этотъ джигитъ привезъ намъ письма и посылки.

Здѣсь мы предположили догнать и соединиться съ главнымъ отрядомъ экспедиціи, но узнали, что отрядъ этотъ выступилъ отсюда двумя сутками ранѣе насъ и ждетъ насъ въ Дербентѣ.

Комфортально переночевавъ подъ ароматными, прохладными сводами каракачей, мы утромъ выступили далѣе, распростились съ гостеприимнымъ племянникомъ бека и его тестемъ.

Мы проходили теперь восточныя предмѣстья Гузара, почти не выходя изъ подъ тѣни его роскошныхъ садовъ; между прочими деревьями замѣченъ былъ родъ фікуса (rubiginosa и carica rayana). Водяныя мельницы весело бурлили гдѣ-то внизу за садами; бѣгущая вода арыковъ каскадировала по камнямъ; за высокими стѣнами, скрывавшими отъ нашихъ глазъ внутренность дворовъ, слышались веселые дѣтскіе и женскіе голоса, и, повременамъ, подъ гребнями стѣнъ мелькала оживленная головка въ красной тюбетейкѣ, садившаяся на насъ любопытными черными глазками.

За Гузаромъ опять начинается пустынный характеръ мѣстности, но впередъ все яснѣе и яснѣе видѣются уступы горъ и — словно передовой отрядъ этого полчища громадъ — большая сѣвѣло-бѣлая гора, у подножія которой расположено Кушлякъ — Кушлюкъ, — мѣсто привала и смѣны нашихъ колесныхъ арбъ вьючными лошадьми. — Мы вступали въ горную область, отдѣляющую насъ отъ бассейна Кафирнигамы и Сурроба — первыхъ верховыхъ притоковъ Аму.

Окрестности Кушлюка очень красивы; самый видъ лака прерывается въ глубокой котловинѣ «Кушлюк-дары» — горной рѣчки, пересыхающей лѣтомъ почти окончательно, за то бующей многоводіемъ въ періодъ таянія снѣговъ и осеннихъ дождей. Въ эти періоды рѣка проложила себѣ широкое, угрожающее валунами и неснанными заносами русло, по которому и тянется горная тропинка, нашъ путь — положительно немислимый для колеснаго слѣдованія.

Въ Кушлюкѣ насъ ожидали — собравшіеся отъ окрестныхъ жителей за сутки — жалкія вьючныя лошадедки, тощія, со обитыми спинами, малорослыя и, казалось, до того слабосильныя, что едва-ли и сами могли передвигать ноги, безо всякаго выюка. Сомнѣваясь въ способности этихъ животныхъ — тащить по горамъ наши чемады и ящики, мы было заявили претензію кушлюкскому амякдору, но тотъ отвѣчалъ, что — «такова воля Аллаха, а другихъ лошадей во всей окрестности нѣтъ»; «жители очень, очень бѣдны» — добавилъ онъ, разводя безнадежно руками, — «и точно: владѣльцы этихъ лошадей, сидѣщие тутъ же на корточкахъ, въ своихъ жалкихъ отряпыхъ, болѣзненно истощенные, какъ нельзя болѣе оправдывали замѣчаніе своего амякдора».

Ну, что дѣлать? — закусили, поработали, пора и далѣе, въ дорогу. Принялись вьючить. На несчастныхъ клячъ звалили тюки, ящики, ягтаны, свертки ковровъ и дорожныхъ постелей; все это невольно — такъ, по крайней мѣрѣ, казалось — держалось на обитыхъ спинахъ лошадей и вотъ-вотъ грозило паденіемъ. Мало того: владѣльцы лошадей и сами забрались навѣше нашихъ выюковъ. Тронулись въ путь, еле-еле передвигая ноги, поминутно останавливаясь и поправляясь... Ну, — думаемъ — до Тенги-Херома — верстъ двадцать пять, къ ночи не дойти, а почевать въ ущельи, безъ пріюта, не совсѣмъ-то будетъ удобно...

Однако, чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ бойче и бойче сменяли ногами горныя лошадедки выюки узелки, веревки обгнанылись, все приспособилось, и съ пятой версты мы, конечно, могли убѣдиться окончательно, что выюки отъ насъ не отстаютъ... Каждый разъ, когда намъ, ради сѣмьи мѣстности и другихъ работъ, приходилось останавливаться на нѣсколько минутъ, выюки значительно уходили впередъ, и часа черезъ три, къ солнечному закату, когда мы подѣхали къ Тенги-Херому, вещи на-

№ 586. | Годъ XII.

29 Марта 1880 года.

[Томъ XXIII. № 14.

Отъ Главной Конторы Редакціи.

Вслѣдствіе поступленія въ Редакцію многочисленныхъ заявленій гг. желающихъ получать «Всемирную Иллюстрацію», съ разсрочкою платы подписной цѣны, Главная Контора Редакціи считаетъ нужнымъ довести до ихъ свѣдѣнія, что она согласна разсрочить уплату на два срока, а именно:

1) Съ доставкою въ С.-Петербургъ, слѣдуетъ внести при подпискѣ 8 руб., остальные 6 р. 50 к. — къ 1-му іюня. 2) Съ пересылкою во всѣ города Имперіи, слѣдуетъ внести при подпискѣ 9 руб., а остальные 7 руб. — къ 1-му іюня.

Журналъ будетъ высылаемъ съ 1-го номера, со всѣми приложеніями.

При перемѣнѣ мѣста жительства, гг. подписчики «Всемирной Иллюстраціи» благоволятъ увѣдомлять объ этомъ Контору Редакціи немедленно и прилагать, при каждой перемѣнѣ адреса, 28 коп. за напечатаніе новаго адреса. Въмѣстѣ съ новымъ слѣдуетъ прилагать и старый адресъ.

День 19-го февраля 1880 года. — Торжественное молебствіе на Эриванской площади, въ г. Тифлисѣ.

(Съ фотографіи г. Барканова, рисов. С. Шамота).

на котором толпа толкающего рынка вставлена в рамку вышитъ съ окружающими зданіями. При свѣтѣ солнца толпа неسترѣт разными группами, и каждая группа, бесспорно, полна интереса, полна наблюдательности и тишине; есть лица ил фигуры, которыя невольно привлекаютъ глаза зрителя, невольно ими любуются, вглядываясь въ нихъ: эти лица всѣмъ и каждому знакомы; они тѣ-же вышиты толкающего рынка, они бесцѣнные представители каждой толкающей толпы. В. Маковский передалъ ихъ необычайно живо и характерно; точно также какъ переданы тутъ-же и сцены толкающего рынка, взятые какъ-бы цѣликомъ съ натуры. Эти сцены, каждая сама по себѣ, составляютъ отдѣльную картину; въ нихъ много живаго, неподдѣльнаго, несочиненнаго; онѣ полны интереса, но... во вотъ здѣсь мы и оговорились относительно общаго впечатлѣнія, которое производятъ эти сцены и вся цѣликомъ картина. Въ общемъ, въ силу частнаго интереса, въ силу отдѣльности, изобразительности каждой группы и въ силу... богъ его знаетъ чего... въ картинѣ нѣтъ фокуса, нѣтъ цѣлаго; на томъ разстояніи, на которомъ ее должно смотрѣть, она не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія; она не достигаетъ того, что мы видимъ и что насъ поражаетъ въ натурѣ. Такимъ образомъ, картина полна интереса въ то время, когда подходишь къ ней близко и когда смотришь не на всю картину, а на отдѣльныя группы или части картины.

Другая—равнодушная-же картинѣ В. Маковского—картина «На войну» К. Савицкаго представляетъ тѣ-же достоинства и тѣ-же недостатки, что мы видимъ и въ «Толкачемъ рынка». На дебаркадѣ желѣзной дороги, у длиннаго деревяннаго помоста платформы вокзала, у которой по одну сторону стоитъ приготовленный въ путь поѣздъ, по другую—на самой платформѣ, внизу ея, на землѣ представлена толпа новобранцевъ и безсрочныхъ солдатъ, отправляющихся съ отходящимъ поѣздомъ. Толпа эта крайне интересна отдѣльными группами, отдѣльными сценами и эпизодами, выхваченными прямо изъ действительности, списанными прямо съ натуры. Въ одномъ мѣстѣ вы видите геркулеса-мужика, покойно облокотившагося о позовку, и возлѣ него женщину, прильнувшую головой къ повозку и видимо рыдающую. Фигура этой женщины вполнѣ передаетъ то горе, которое она испытываетъ; вполнѣ выражаетъ то отчаяніе, которое она переживаетъ, прощаясь съ мужемъ или любимымъ братомъ. Рядомъ такая-же сцена—жена повисла на груди своего мужа; за этой сценой—новая группа пропавшая, а тутъ—еще и еще такая-же полная драматизма сцена; и каждая изъ нихъ глубоко прочувствована художникомъ, въ каждой много наблюдательности и много своего отдѣльнаго и глубокаго интереса.

На деревянныхъ перилахъ, окружающихъ платформу, мы видимъ фигуру женщины, которая повисла на этихъ перилахъ и у которой голова тяжело свѣсилась или упала на перило. Эта сцена или одна эта глубоко прочувствованная фигура—одна одна достойна картины. Точно также достойны отдѣльных картинъ и другія сцены; но... здѣсь опять то-же «но», которое мы поставили при картинѣ Маковского: то-есть картина,—вполнѣ интересная и талантливая въ частностяхъ, въ отдѣльных сценахъ,—въ общемъ представляетъ пеструю толпу, нарисованную въ два яруса: одинъ на платформѣ, другой—внизу на землѣ. Эта толпа, кромѣ сценъ прощанія, которыя мы только что описали, иллюстрирована и другими не менѣе интересными сценами. Такъ, у самого паровоза мы видимъ коменданта или офицера, отдающаго приказанія солдатамъ или конвойнымъ, сопровождающимъ поѣздъ. Какъ солдаты, такъ и комендантъ очень характерны и стоятъ точно живые. За ними сѣдѣетъ другая сцена: жандармъ, толкающій какого-то новобранца; потомъ сцена развѣселаго характера представляющая группу новобранцевъ молодежи съ гармоникой и пляской у входа въ вагоны, тамъ, у самыхъ вагоновъ,—еще сцена; внизу, на землѣ, выглядываетъ изъ толпы групо-ослабляющаяся физиономія какого-то парня, нарядившагося уже въ солдатскую форму и вполнѣ довольно своимъ положеніемъ; и такъ,—сцена за сценой, типъ за типомъ, если хотите, то даже картина за картиной; но въ общемъ, все-таки, одной цѣльной картины нѣтъ...

Въ картинѣ К. Савицкаго есть еще одинъ весьма крупный недостатокъ—это грубоватость и жесткость письма.

Къ остальнымъ большимъ картинамъ перейдемъ въ слѣдующей статьѣ.

(Продолженіе будетъ).

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарыи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Выступили мы изъ Гафизъ-Джама около восьми часовъ утра на слѣдующій день. Общій подъемъ все

еще продолжался; только на восьмой верстѣ мы достигли точки перенала Акъ-Рабатъ—на высотѣ четырехъ тысячъ пяти сотъ пятидесяти пяти футовъ. На этомъ перевалѣ опять кладбище, обозначенное горами камней и шестами съ бучками сухой травы; отсюда дорога начинается замѣтно идти на спускъ; мы снова входимъ въ ущелье, по дну котораго пробірается полувысохшая рѣка Чакъ-Чакъ. Справа и слева громадятся косвенно лежащіе сложенные пласты раковистаго известняка и гипса; вся дорога изрыта и усѣяна обломками скалы; на гребняхъ вершинъ и по крутымъ скатамъ—рѣдкія заросли арчи, гребенщицы, мелколистнаго клена и душистой джиды; попадаются и дико-ростущія фисташковые деревья; близъ дорогъ деревья значительно крупнѣе, такъ что въ тѣни такого дерева можеть пріютиться двое всадниковъ съ своими лошадыми,—это объясняется тѣмъ, что придорожныя деревья падаютъ человѣкомъ именно ради тѣни и пріюта, а потому и достигаютъ большаго возраста. Собственниковъ эти лѣса не имѣютъ; они принадлежатъ тѣмъ, кому есть охота и время ихъ эксплуатировать. Вывозъ лѣса въ Дербентъ и Гузаръ крайне затруднителенъ, а цѣны на лѣсной матеріалъ въ этихъ пунктахъ сбыта не настолько высоки, чтобы вознаграждать трудъ вывозки и рубки.

Дорога носитъ нѣкоторыя слѣды обработки и предусмотрительности. Узкіе, опасные карнизы обложены мѣстами, со стороны обвала, валиками изъ камней.

На десятой верстѣ лошина расширяется; горы отступаютъ влѣво, образуя особую гряду; за первыми грядками поднимается высокая гряда палеозойскаго известняка, а внизу—красный песчанникъ триасовой формации... Мы должны скоро подойти къ знаменитому ущелью, носящему названіе: Желѣзные Ворота.

Дорога крута, почти подъ прямымъ угломъ уклоняется вправо, переваливаетъ высокій порогъ обнаженныхъ, сглаженныхъ всесеннимъ водами, ярко блѣдующихъ на солнцѣ песчанниковъ и опять ныряетъ въ тѣснину, загроможденную горными обвалами, изрытую глубокими водомоинами и трещинами.

Съ каждымъ шагомъ впередъ, при каждомъ поворотѣ пути, глазъ поражается все новыми и новыми дико-грандіозными картинами дикой горной мѣстности; эффектъ слѣдуетъ за эффектомъ; но надо помнить, что являясь по сторонамъ опаснаго: можно легко сломать себѣ голову; осторожные, привычные горные кони—и тѣ насторожили уши и внимательно выбираютъ дорогу. Пройдя нѣсколько верстъ этою указанною дорогою, мы подошли къ узкому входу Желѣзныхъ Воротъ. Названіе это ущелье получило потому, что съ нимъ связана легенда, будто-бы здѣсь были Тимуромъ повѣшены настоящіе желѣзные ворота, ключи отъ которыхъ находились подъ особою охраною и закліатіемъ «Пророка». Легенда эта, впрочемъ, слышанная нами въ Киши и Бухарѣ, здѣсь на мѣстѣ нѣтъ не подтверждается; какъ ни разсказывали мы мѣстныхъ жителей и старыхъ мулъ—всѣ они отозвались даже незнаемъ о существованіи этой легенды.

Само ущелье представляетъ собою чрезвычайно рѣдкую картину капризовъ природы; оно тянется зигзагомъ—на протяженіи почти двухъ съ половиною верстъ—между отвѣсными скалами темносѣраго известняка, изоборожденнаго глубокими вертикальными трещинами; мѣстами видны шаровидныя пустоты, каверны, преимущественно у основаній стѣнъ ущелья, очевидно, образованныя дѣйствіемъ воды. Высота стѣнъ этого ущелья доходитъ отъ пятидесяти до семисотъ футовъ, ширина—отъ пяти саженей,—даже менѣе мѣстами—и не болѣе десяти, такъ что, при данной высотѣ, производятъ впечатлѣніе узкой трещины, въ которую входились бы невольными благоговѣйнымъ страхомъ, словно держась за бѣды, вѣющихъ на путешественника могильнымъ холодомъ и сыростью.

Ударъ конской подковы по камню, слово, сказанное вполголоса,—всѣ звуки гудко разносятся по ущелью, подхваченные эхомъ, и долго еще гудятъ въ воздухѣ, сливаясь съ новыми звуками; скалы грозно нависаютъ надъ головою; кажется, что вотъ-вотъ рухнуть и раздавить васъ, ничтожную живую пылинку, осмѣливающуюся забраться сюда, въ это царство мрака и камня. А тутъ и предостереженія своего рода «memento mori»: громадные куски известняка, въ нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ вѣсомъ, дѣйствительно сорвавшіеся съ высоты и загромождающие путь; иногда такіа глыбы не достигаютъ дна въ своемъ паденіи и висятъ надъ самою головою, стиснутыя боками ущелья,—висятъ, образуя крытыя галлереи и ходы... Взглянемъ вверхъ—тамъ свѣтитъ узкая полоска синеватаго неба; на гребняхъ стѣнъ, словно травка, виднѣются группы деревьевъ, а ниже ихъ—ясные слѣды обвала, совершенно своими формами отвѣчающіе формамъ свалившихся глыбъ... свалившихся еще на памяти мѣстныхъ жителей. Черный цвѣтъ стѣнъ ущелья еще болѣе увеличиваетъ мрачность всего пейзажа; тоскливо становится на душѣ и невольно торопишь коня, чтобы скорѣе выбраться на просторъ, на болѣе открытое и, конечно, безопасное мѣсто.

Таково ущелье Темиръ-Дервѣзъ—Желѣзные Ворота, представленныя на моемъ рисункѣ, набросанномъ мною съ натуры, на половинѣ его протяженія. За выходомъ изъ этой тѣсной пейзажъ рѣзко измѣняется. Вы видите далеко впередъ, за ярко блѣлыми, блестящими на солнцѣ, гипсовыми обнаженіями, начало долины Дербента; лѣвые поднимаются высочайшія гряды палеозойскаго доломитованнаго известняка—это самая ось всей горной группы, которую мы пересѣкаемъ; по эту сторону оси всѣ пласты породъ идутъ уже въ обратномъ порядкѣ; этотъ переломъ замѣтенъ уже въ самомъ ущельѣ Желѣзныхъ Ворота. За крутымъ подъемомъ начинаются крутые спуски; глухой, гудящій звукъ конскихъ шаговъ обнаруживаетъ обширныя внутреннія пустоты въ этихъ алебастровыхъ массивахъ; между розовато-бѣлыми скалами зеленѣетъ кизилъ Шуръ-Объ, а дальше—отрадная полоса садовъ Дербента, обрамленная со всѣхъ сторонъ горами, амфитеатромъ спускающимися къ самому городу.

Дорога все время идетъ по алебастру, и только подходя къ самому городу, начинается красный песчанникъ, а ближе у русла и по самому руслу Дербентъ-дарыи—мелкій галечникъ.

Мы перешли рѣку по каменному мосту съ деревянною настѣлкою, круто поднялись на гору и, оставивъ слева скалистые скаты, круто повернули направо къ садамъ и базарчику Дербента.

(Продолженіе будетъ).

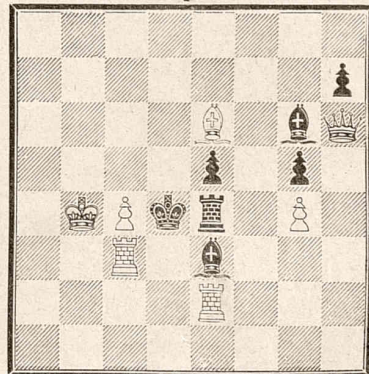
По поводу открытія новаго общества шахматистовъ въ Новомъ переулкѣ, мы уже высказали всю правду и продолжалъ споръ съ пишущимъ въ шахматномъ отдѣлѣ одного изъ нашихъ иллюстрированныхъ изданій считаемъ лишнимъ, тѣмъ болѣе, что это не можетъ принести никакой пользы ново-открытому обществу; при томъ, спорить съ человѣкомъ, который не перестаетъ искажать смыслъ нашихъ словъ,—невозможно, и это послѣднее наше возраженіе. Онъ говоритъ, что мы упрекаемъ его въ томъ, что онъ толкуетъ все «вздоръ»... Гдѣ онъ наметъ такой упрекъ? За то теперь, относительно своихъ послѣднихъ толкованій, онъ можетъ принять его вполнѣ.

Напримѣръ, онъ говоритъ: «мы совсѣмъ не искали смысла замятки ep question, но никакого смысла въ ней не замѣтили...» Школьная утерка! Удивляется, что мы не вѣримъ въ существованіе новаго общества, когда оно существуетъ!—Это слишкомъ наивно! Наѣмъ-ся, что оно просуществовало и всѣ четыре времени года: шахматисты не мошки, которыя только лѣтомъ явятся, проигравъ въ воздухѣ нѣсколько часовъ и умираютъ. Онъ говоритъ: «Что касается до намековъ на духъ благотворительности и пожеланій, чтобы рука дающая не оскудѣла,—то нужно считать ихъ незлыми выходками, весьма близкими къ инсинуаціи...» Мы сказали прямо о томъ, что гласно и извѣстно всѣмъ и служить только къ чести тѣхъ лицъ; слѣдовательно, это не намеки и не инсинуаціи; даже ни малѣйшей тѣни инсинуаціи. Наконецъ, онъ обвиняетъ насъ въ безцеремонномъ искаженіи и неискреннемъ осыпаніи фактовъ въ глаза публики. Ничего мы не всажали и не осыпали. Для публики довольно одного слѣдующаго факта: учреждено шахматное общество; члены его по уставу должны вносить 15 рублей въ годъ; за помѣщеніе въ годъ 1080 р.; при томъ необходимо: отопленіе, освѣщеніе, прислуга; доходы ничтожны. Вопросъ: можетъ-ли такое общество самостоятельно существовать?

ЗАДАЧА № 538.

Д. В. Кларка (въ Барнаулѣ).

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и дѣлаютъ матъ въ 2 хода.

Государственная
библиотека
спбл.спб.ру

№ 587.] Годъ XII.

5 Апрѣля 1880 года.

[Томъ XXIII. № 15.

Въ этомъ номерѣ 20 страницъ.

Серебряная корзинка, поднесенная Государинѣ Императрицѣ Л.-Гв. Кирасирскимъ Ея Величества полкомъ, по случаю 25-лѣтія со дня назначенія Ея Величества шефомъ полка, работы моск. фабр. П. А. Овчинникова.
(Рисов. А. Бальдингеръ).

сивны і живы. Остальная часта карціны не інтэресна...

«Долину смерці» В. Полінова нельга прылічыць да рэзкіх удачных прадзвіжэнняў, хоць і ў ней ёсць свае дасягненні, і мастацкі, відавочна, жадае перадаць на полотно тое вясцатлівае, якое прывяла да яго апошняй вайны, гдз ён знаходзіўся пры атрадзе Е. П. В. Государа Наставніка Цесарэвіча.

Молодой талантливый жанрист Н. Богданов написал весьма характерную сцену из старого помещичьего быта, под названием «В своих владениях». Помещица-барыня идет по одной из алей своего сада. Две дщунки следуют за ней и одна несет над барыней зонтик. Мальчик, ползавший в саду крыты, робко и боязно стал с левой в сторону, опустил голову, — а барыня медленно движется мимо него, сознавая все свое величие и свою силу. Экспрессия лиц выдержана довольно верно; написана картина в общем хорошо.

Картина Н. Загорского «Алтынь», — музыкант-скрипач, также представляет в молодом художнике известную силу таланта; и нам, странному, что г. Загорский, заявивший себя несколько лет тому назад, только теперь напоминает публике о своем таланте.

Третий дебют экспонента С. Левицкого можно назвать также удачным, и его картина «Перед храмовым праздником» замечена уже некоторыми из рецензентов, как вещь во многих отношениях хорошая...

(Окончание будет.)

Самарская ученая экспедиция для исследования направления средне-азиатской жезьной дороги и изучения бассейна рѣки Аму-Дарья.

Путевые очерки Н. Н. КАТАГИНА.

III.

(Продолжение).

Дербент город очень небольшой: число его домов насчитывают всего до четырехсот, жителей около двух тысяч, и в числѣ ихъ сто двадцать мullah, т. е. грамотныхъ, изучившихъ премудрость корана и шаріата, — процентъ весьма почтенный, говорящий в пользу просвѣщенности этого городка. Окрестности Дербента хотя чрезвычайно живописны, но неудобны для хлѣбопашества: почва, преимущественно, известнякъ и гипсъ, в чемъ мы убѣдились, проходя послѣдніе двѣнадцать верстъ пути. Кое-гдѣ, мѣстами, свѣтъ просо, но очень мало, исключительно для своего продовольствія; за то ближайшія окрестности и промежутокъ между домами города сплошь зеленѣютъ роскошными садами, гдѣ зрѣютъ превосходный виноградъ и лучший урокъ (абрикосы). Горня пастбища, неудобныя для крупнаго скота и верблюдовъ, заставляютъ дербентцевъ разводить исключительно козъ; у многихъ жителей этихъ животныхъ насчитываютъ до тысячи штукъ и болѣе. Дербентцы изъ козьей шерсти выдѣлываютъ превосходные и цѣнные войлоки и сбываютъ этотъ товаръ въ Кунградъ. Подъ этимъ названіемъ не слѣдуетъ подразумевать известной хиндской оазисъ, о которомъ большинство обитателей Дербента вѣроуютъ и понятія не имѣютъ. — Кунградомъ здѣсь называютъ страну, лежащую на сѣверо-востокъ отъ Дербента, населенную малочисленными горными племенами, когда-то независимыми, теперь же ставшими вассалами бухарскаго эмира.

Вокругъ города, на высотахъ четырехъ-восьми тысячъ футовъ, въ горахъ, растутъ арча и кленъ; но дербентцы не эксплуатируютъ этого лѣснаго богатства и предоставляютъ хлѣбопродѣльщикамъ привѣзжимъ изъ Карши и даже дальнѣйшихъ мѣстностей.

Наша ставка была расположена въ прекрасномъ саду, урюковья деревня котораго стояли отягченныя сорвавшимися плодами (уже послѣдніе сборы). Въ сплошной тѣни этихъ деревьевъ помѣстился весь нашъ отрядъ, даже съ коновязями вьючныхъ лошадей. Солнце уже садилось, освѣщая чудный пейзажъ характерной горной природы. Дикія рѣкы, угловатые очертанія, буро-красныя скалы громадились одна на другую, вокругъ этого зеленѣющаго сада оазиса съ разбросанными между деревьями группами сакель и мечетей; далѣе, на второмъ планѣ картины, высились далекіе горные хребты известняковъ съ ихъ оригинальными изломами и трещинами, освѣщенными косыми лучами заходящаго солнца.

Мы не теряли времени; и пока я набрасывалъ въ альбомъ все, что видѣлъ вокругъ себя, и заносилъ въ путевой журналъ впечатлѣнія дня, а Мухометовъ приводилъ въ порядокъ свою минералогическую коллекцію, — графъ приступилъ къ статистическимъ работамъ, для чего собраны были сюда въ садъ старѣйшіе представители Дербента. Уже стемнѣло, и эти оригинальныя фигуры библейскихъ старцевъ въ длинныхъ халатахъ и чалмахъ картинно группиро-

вались около костровъ, представляя собою самыя живописныя, фантастическія группы.

Уже былъ первый часъ по-полночи, когда наши гости разошлись по домамъ, а мы залезли спать, плотно завернувшись въ свои бурки и теплыя, ватныя одѣяла. Ночь была свѣжая и сильно росистая; во избѣжаніе лихорадки, которую очень легко захватить, ночью на открытомъ воздухѣ въ такую ночь, всѣ приняли по пороху хины, (предосторожность далеко не лишняя) и крѣпко уснули, вполнѣ доверившись туземцу сторожу, задремавшему, впрочемъ, тоже у воротъ, склонившись на свой сторожевой бубенъ.

Въ Дербентѣ мы узнали, что первый отрядъ нашей экспедиціи проходилъ здѣсь всего за сутки передъ нами и долженъ ждать насъ въ Кумъ-Курганѣ, уже на Сурхобѣ, первомъ правомъ притока Аму-Дарьи, уже въ ея верховомъ теченіи.

Отъ Дербента до Байсуна считается всего около двадцати пяти верстъ, такъ что въ этомъ городѣ предполагалось только кратковременный отдыхъ, а къ ночи мы должны были дойти до Сары-Камыша, т. е. сдѣлать всего около пятидесяти верстъ; что, впрочемъ, оказалось менѣе по маршрутной съемкѣ.

Дорога отъ Дербента очень интересна: узкій, каменный, исключительно вьючный путь ведетъ ее перевала на перевалы, высочайшіе изъ которыхъ достигаютъ четырехъ тысячъ шести сотъ десяти футовъ. Съ вершины этого перевала, который носитъ названіе Голь-Хамъ-Урачъ, что значитъ «семь спусковъ, семь подъемовъ», открывается прелестный видъ на гору Гумбайръ (палеозойскій известнякъ). — Ниже этой горы по верхамъ холмовъ тянутся, производя издали впечатлѣніе искусственныхъ полуразрушенныхъ стѣнъ, гребни юрской формации. Спускъ съ этого перевала очень крутъ; за нимъ опять подъемъ, опять спускъ, — и такъ почти все время. Путь перебиваютъ отроги главнаго хребта, оставшагося вѣкомъ, уступами поднимающагося все выше и выше.

Между отрогами, въ глубинѣ долинъ видны суходолы, утѣпанные галечникомъ. Въ этихъ сухихъ ложкахъ вода бываетъ только въ осенніе дожди и весной; лѣтомъ же они пересыхаютъ окончательно, и жители этой горной страны довольствуются колодцами, съ солопатою водою и горными родниками, вкусъ воды которыхъ сильно известенъ.

Близъ суходоловъ, въ ложинахъ, изрѣдка видѣются жалкія кибитки и крохотныя сакли. Съ подлупти начинаютъ появляться на пологихъ скатахъ, прикрытыхъ лесовымъ туманомъ, богатыя нашини... На горахъ видны стада козъ и барановъ.

Растительность жалкая, народъ крайне бѣдный, и эти стада — главное хозяйство горцевъ.

Ниже юрскихъ гребней, спускаясь къ самой дорогѣ, залегаютъ, отмытая водою, окруженные обнаженіемъ песчаниковъ, рѣзко выдѣляясь въ зеленоватомъ фонѣ туговаго слоя. Дорога проходитъ вилотную мѣлою оригинальнаго кпшала «Акъ-Кой» — (бѣлый баранъ), состоящаго изъ нѣсколькихъ глинистыхъ сакель, кое-какъ прикрѣпленныхъ къ песчаниковымъ обнаженіямъ. Эти жилища поражаютъ путешественника своею нищетой; крохотная сакля, едва-ли въ квадратную сажень вмѣстимости, безъ оконъ, съ какою-то лазомъ высто дверей — вотъ и все. Я залезъ въ крайнюю изъ нихъ: внутренняя обстановка совершенно отвѣчала вышности; крошечный войлокъ, грязная, прожженная, кишмя кишущая паразитами, кибитки тычкины для воды и деревянной расквашенной чаши, тамъ ровно ничего не было. Какое-то полуголоое, увѣшанное тряпками существо испуганно прижалось въ уголъ при моемъ появленіи; черная коза въ углу, только что родившая на свѣтъ своихъ козлятъ, приподняла свою рогающую голову, вспохлила и приняла точнѣе-же воинственную позу. Совершенно голый ребенокъ, необязательно пузатый, на тонкихъ кривыхъ ножкахъ, проскочилъ у меня чуть не между ногъ, заоравъ благимъ матомъ и, прыгая козленкомъ, пустился на утекъ, ловко цѣпляясь (какъ обезьяна) и руками, и ногами за камни.

«Джаманъ-адамъ — туаймъ-байгушт!» — замѣтилъ мнѣ мой джигитъ, когда я вновь садился на моего уже начинавшаго уставать «Карьку».

За четыре версты до дохода Байсуна, совершенно неожиданно, словно по мановенію волшебнаго жезла, открывается разомъ великолѣпная, чарующая картина. Въ дѣлаете небольшой, довольно крутой подъемъ, обгатае черно-сѣрую скалу, загородившую вамъ дорогу, и не можете, удержаться отъ вольнаго крика восторга и изумленія.

Передъ нашими глазами раздвигается безконечная панорама долины Байсуна, съ голубыми, исчезающими въ туманѣ горными хребтами вдали, и моремъ зелени, съ затонувшими въ садахъ городомъ а на первомъ планѣ — дикія, зарытые, вбурдаженныя громады скалъ, бездонныя провалы, острые выступы словно збы сказочнаго гигантскаго чудовища, и между всѣми этими ужасами горной природы — тонкая, извивающаяся, завертывающаяся по канаризамъ — тропинка.

Эта долина ласкаетъ глаза, составляетъ рѣзкій контрастъ съ мертвенно-грозовою, молчаливою при-

родою горъ. Оттуда вѣетъ пріятной свѣжестью. Спускъ въ долину чрезвычайно крутъ и совершенно не обрѣзанъ; кое-какъ, съ большимъ трудомъ, карабаются по этому пути привычныя горныя кони и ишаки.

Здѣсь я долженъ сдѣлать замѣтку относительно конитъ лошадей и ишаковъ, а также и мѣстной коровы, встречающейся въ окрестностяхъ Байсуна въ ограниченномъ весьма количествѣ — однокопытныя не куются здѣсь вовсе — никакая подкова не выдерживаетъ; за то надо видѣть эти превосходныя, блестящія, какъ сталь, конныя; они и прочны, какъ сталь, вы не замѣтите на нихъ ни одной трещинки, ни одного сколотата мѣста.

(Продолжение будет.)

Въ лондонскомъ Гайдъ-паркѣ, противъ статуи Ахиллеса, поставлена прекрасная бронзовая статуя Байрона.

Въ Лондонѣ 20-го марта (1-го апрѣля) окончено постройкою снаружи зданіе новаго южно-кентингтонскаго зоологическаго музея. Зданіе громадныхъ размѣровъ и сооружено исключительно изъ терра-котты, желѣза и стекла, въ смѣланномъ готическомъ стилѣ XII столѣтія. Главный фасадъ украшенъ массивными, въ видѣ купола, подъѣздами.

Въ Парижѣ 26-го марта (7-го апрѣля) открылась выставка американскихъ художниковъ, представившихъ свои произведенія, заимствованныя изъ жизни и пейзажъ своей родины. Въ выставкѣ приняли участіе 62 художника и 12 художницъ.

Въ берлинскомъ художественномъ обществѣ выставлена въ настоящее время новая картина Генриха Семирадскаго, носящая заглавіе: «Пляска между мечами». Въ бесѣдѣ сада, лежащаго на берегу моря и принадлежащаго къ виллѣ какого-нибудь знатаго римлянина, собралось пять человѣкъ гостей, которые смотрятъ довольно невнимательно на нагую танцовщицу, исполняющую предъ ними пляску между шестью прямо поставленными мечами. Пятый гость поднялся со своего ложа и приблизился къ танцовщицѣ, чтобы ближе насладиться зрѣлищемъ. На переднемъ планѣ, на краю фонтана, сидятъ въ великолѣпныхъ одѣждахъ три невольницы, сопровождающія пляску игрою на инструментѣ. Танцовщица же сбросила съ себя одѣжу на мраморную скамью.

Аукціонъ индійской коллекціи картинъ В. В. Верещагина начался въ субботу, 29-го марта, въ часъ дня, и продолжался до четырехъ, затѣмъ въ воскресенье, 30-го марта, аукціонъ начался также въ часъ дня и продолжался до пяти. Всѣхъ посѣтителей было до пятидесяти человѣкъ, такъ что сумма, вырученная за продажу входныхъ билетовъ въ пользу «Краснаго Креста», дома, съ небольшими пожертвованіями, до шестисотъ рублей. Главными покупателями были: Павелъ Михайловичъ Третьяковъ, г. Вазилевскій, кн. Свѣтло-Донато (Демидовъ), Нарышкинъ, Д. П. Боткинъ, кн. Воронцовъ, кн. Меншиковъ, гр. Строгановъ, гг. Зинovieвъ, Хапенко и Терещенко. Аукціонъ начался съ маленькой боковой залы, которая направо отъ входа, затѣмъ перешелъ въ залу съ электрическимъ свѣтомъ, гдѣ продолжался не болѣе четверти часа, такъ какъ въ ней продавались всего четыре картины, изъ которыхъ «Мечеть великаго могола», стоившая въ двадцать пять тысячъ, и «Лодка» остались непроданными; потомъ главная аукціонная продажа шла въ средней залѣ, залѣ сосѣдней съ отдѣломъ, гдѣ помѣстились картины русско-турецкой войны. Передъ началомъ аукціона П. М. Третьяковъ предлагалъ, какъ говорить, В. В. Верещагину 102 000 за всю коллекцію; но В. В. Верещагинъ не согласился, и коллекція индійскихъ картинъ, общенная самимъ художникомъ въ 130 000, распродава въ разныя руки на сумму 117 925 руб., изъ которыхъ 10% должно быть отчислено въ пользу школы «общества поощренія художествъ». Такимъ образомъ, сумма, полученная художникомъ, вышла та-же, какую предлагалъ и Третьяковъ съ той только разницей, что одна картина, въ 25 000, и еще нѣсколько остались непроданными. Въ первый день аукціона было продано на сумму 52 491 р. и во второй на 65 433 руб.

Для точнаго указанія повышенія цѣны на картины на аукціонѣ, а также и для свѣдѣнія о томъ, у кого какія картины индійской коллекціи будутъ находиться, мы

*) Дурыне люди — совсѣтъ нипіе.

Всемирная Иллюстрация

№ 588. | Годъ XII.

12 Апрѣля 1880 года.

[Томъ XXIII. № 16.]

„Вербное воскресенье“.
(Рисунокъ А. Баухана).

тиль на себя внимание силою своих убеждений и страстностью рѣчей. Мало-по-малу популярность его возрастала, и онъ всталъ вскорѣ во главѣ ирландской лиги, которая требовала, чтобы земля принадлежала тѣмъ, кто ее обрабатываетъ. Наиболее сильно проявилась эта агитация въ прошломъ году, во время неурожая, который былъ особенно чувствителенъ, вслѣдствіе застоя торговли и промышленности, вызваннаго бойкою политикой лорда Биконсфильда. Какова была нужда населенія, достаточно сказать, что въ 1878 году, считающимся годовымъ, сборъ картофеля простирался до 50-ти миллионъ центнеровъ, а въ 1879 году равнялся лишь 22-мъ миллионъ центнеровъ. При этомъ нелишнее замѣтить, что о такомъ неурожаѣ правительство было предупреждено заблаговременно: ирландскія газеты кричали о немъ за нѣсколько мѣсяцевъ; ирландскіе представители подняли вопросъ о немъ въ парламентъ; ирландское духовенство умоляло о помощи, но лордъ Биконсфильдъ отнесся къ этому вопросу, по обыкновению, небрежно и заявилъ, что частной благотворительности будетъ довольно для отвращенія бѣдствія. Факты показали, какъ онъ ошибся. Когда наступилъ голодъ, вмѣстѣ съ нимъ явились тифъ и лихорадка, а вспомогательные нуждающимся оказывались весьма туго и при томъ съ разборомъ: выдавали пособія только тѣмъ изъ фермеровъ, которые внесли арендную плату или не принадлежали къ членамъ ирландской лиги. Къ этому присоединились безпорядки по поводу изгнания неисправныхъ плательщиковъ-арендаторовъ, вслѣдствіе жалобъ землевладельцевъ. Въ Карраро, въ Нокрикардѣ, Карнагѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ дѣло дошло до драки между полиціею и крестьянами, при чемъ нѣсколько человекъ было убито, а многіе получили болѣе или менѣе тяжелыя раны; но такіе крайнія мѣры только разожгли народное негодованіе: число фермеровъ, отказывавшихся платить аренду помѣщикамъ, увеличилось, благодаря краснорѣчію нѣкоторыхъ журналистовъ и депутатовъ, проповѣдававшихъ на митингахъ сопротивленіе; статьи въ ирландскихъ газетахъ приняли зажигательный тонъ — и былъ моментъ, когда Биконсфильдъ нашелъ необходимымъ усилить британскія войска въ Ирландіи, опасаясь возстанія.

Нельзя не сознаться, что одною изъ причинъ такого возбужденія былъ пріемъ, оказанный Парнелю въ Соединенныхъ Штатахъ, куда онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ однимъ изъ агитаторовъ, Диллономъ, вскорѣ послѣ прекращенія сессіи. Дѣйствительно, встрѣча ирландскаго агитатора была необыкновенная: позвадка его по городамъ великой заатлантической республики уподоблялась торжественному шествію триумфатора: въ Бостонѣ, въ честь его, улицы были уставлены войсками, и старшіе офицеры сопровождали Парнеля на митингъ; а въ Вашингтонѣ онъ былъ приглашенъ въ залу засѣданія конгресса и ему дозволено было произнести рѣчь съ занятаго имъ мѣста, какъ-бы члену конгресса. Бруклинъ, Филадельфія, Ричмондъ и другіе города соперничали между собою въ пріемѣ Парнеля и выражали свое сочувствіе Ирландіи громадными демонстраціями, въ которыхъ принимали участіе не только ирландцы, но и уроженцы янки. Митинги, на которыхъ онъ говорилъ, и открытыя въ разныхъ мѣстахъ въ пользу бѣдствующихъ ирландцевъ подписки принесли огромныя суммы, которая были выданы частью Парнелю, а частью пересланы дублинскому мѣру; что касается благотворительнаго комитета, состоящаго подъ предѣлательствомъ герцогини Марльборо, то американцы отказались имѣть съ нимъ сношенія, зная, что онъ учрежденъ съ политическою цѣлью. Мало того, въ конгрессѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы сдѣлать британскому правительству представленіе по поводу современнаго положенія Ирландіи.

Но было-бы ошибочно приписать всѣ эти демонстраціи талантамъ Парнеля; онъ былъ только предлогомъ къ выраженію накопившагося неудовольствія американцевъ на Англію, а населеніе Ирландіи было такъ подготовлено къ поземельному движенію предшествовавшими страданіями, что поднялось-бы на зовъ даже гораздо менѣе талантливаго оратора, чѣмъ Пар-

нелъ, который выступилъ-бы защитникомъ народныхъ правъ. Парнелъ великъ тѣмъ, что понималъ способъ борьбы съ Англіею и выбралъ удобный моментъ, но ему далеко до О'Конелли, и популярность его невозможно и сравнивать съ популярностью перваго борца за свободу Ирландіи законнымъ путемъ. Во всякомъ случаѣ это человекъ даровитый, и обстоятельства слагаются для него болѣе благоприятно, чѣмъ для Даниэля О'Конелли, хотя участіе ирландскаго населенія и поземельная реформа надо ожидать не отъ выговъ или торѣвъ, а отъ того положенія, въ которое поставитъ Англію внѣшняя ея политика; только серьезная опасность можетъ заставить Великобританію поступить своими правами.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарыя.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Спустившись въ долину, мы проѣхали нѣсколько пригородныхъ кишлаковъ, затонувшихъ въ садахъ, и перешли сухое русло Бойсуна-Дарыя съ крутыми, обрывистыми берегами; спуски и подъемы на эти берега устроены насыпными каменными ашарелами.

Возвратившись на тотъ берегъ, мы очутились въ самомъ городѣ, миновали нѣсколько кривыхъ улицъ и, круто повернувъ вправо, очутились въ темномъ, прохладномъ тоннелѣ воротъ Урды — ведущихъ въ помѣщеніе бойсунскаго бека.

Самъ высокій хозяинъ отсутствовалъ; онъ находился въ Карши, при эмирѣ, который имѣетъ привычку и обыкновеніе группировать въ своей свитѣ во время путешествій всѣхъ окрестныхъ бековъ посѣщенной его высокостепенствомъ страны.

Здѣсь, въ прекрасной, украшенной узорами и позолотою саклѣ, усталой мягкой коврами, намъ приготовленъ былъ парадный завтракъ и чай, что было какъ нельзя болѣе кстати послѣ такого утомительнаго горнаго перехода.

Вьючные верблюды наши направлены были мимо Бойсуна, прямою, болѣе близкою дорогою на Сара-Камышъ.

Отъ Бойсуна до Сара-Камыша дорога значительно ровнѣе; мы пересѣкаемъ продолговатую равнину, заселенную довольно густо. Сирава и сѣтва, восторѣ и у самой дороги, на пространствахъ менѣе чѣмъ двѣнадцати верстъ, мы насчитали шесть значительныхъ кишлаковъ. Иригаціонныхъ канавъ, арыковъ очень мало, и тѣ совершенно сухи. Особенно безводное лѣто и здѣсь дало себя почувствовать. Бойсуны довольствуются водою колодезною — отвратительною, солоно-горькаго вкуса и съ дурнымъ запахомъ.

Пройдя долину, мы вошли опять въ узкое дефиле, но уже далеко не съ такими высокими берегами. Этимъ дикимъ и безлюднымъ ущельемъ, образованнымъ исключительно въ песчаныхъ породахъ, мы шли до вечера и къ солнечному закату прибыли въ Сара-Камышъ — кишлакъ, состоящій изъ трехъ караванъ-сараявъ, предназначающихся исключительно ради пристанища проходящихъ каравановъ. Въ Сара-Камышѣ нѣтъ ни одного кустика, ни одного деревца; сѣрово-желтый цвѣтъ длиннотныхъ стѣнъ и сакель не отличается ничѣмъ отъ такого-же тона окружающихъ песчаныхъ скалъ.

Въ этихъ караванъ-сараяхъ ничего нельзя было достать, и все необходимое для нашего почлега и довольствія было доставлено, заблаговременно, изъ Бойсуна.

Здѣсь мы поймали перваго скорпіона, виднаго нами во-очію. Отвратительное наѣдокое, въ два съ половиною дюйма длины, выползло изъ трещины стѣны и появилось совершенно неожиданно посредствѣ тарелокъ и подносовъ съ яствами на скатерти. Скорпіона замѣтили во-время и нахватали чайною чашкою. Затѣмъ осторожно пересаживали его въ банку со спиртомъ, дѣл онъ и занявъ мѣсто, совмѣстно съ прочими ядовитыми тварями, добытыми по дорогѣ нашимъ зоологомъ.

Ночь въ Сара-Камышѣ была крайне холодная. Мертвыя скалы кругомъ, слабо освѣщенные перваго четверть лунны, наводили тоску и уныніе. Не безъ удовольствія мы распростелись съ этимъ мѣстомъ и, продолжая маршрутную съемку, двинулись далѣе уже въ долину рѣки Сурхоба.

Отъ Сара-Камыша верстъ на пятнадцать тянется пустынное и дикое ущелье, славящееся своею небезопасностью для торговыхъ каравановъ и мирныхъ путешественниковъ. Здѣсь все приспособлено для разбоя, — полное бездѣіе и легкая возможность

скрыться; что ни шагъ, то мѣсто пригодное для засады. На всякій случай мы усилили конвой при нашемъ вьючномъ караванѣ.

Дорога довольно спосная, даже удобная для колесъ. Только при началѣ ущелья, по галечному руслу струится ручей съ солоноватою водою, образуя мѣстами стоячіе затоны лужи, покрытые красно-бурымъ налетомъ, издающіе скверный сѣрный запахъ; далѣе ручей этотъ совершенно пересыхаетъ, хотя сухое русло его, развѣтвленное на нѣсколько рукавовъ, тянется гораздо далѣе, пересѣкая нашу дорогу. Отсюда уже до самаго Сурхоба ни капли воды, а переходъ предстоитъ довольно изрядный, болѣе пятидесяти верстъ.

Съ десятой версты боковыя гряды горъ все понижаются и понижаются, отступая все далѣе и далѣе отъ дороги, — ущелье расширяется широкимъ, покатымъ растробомъ, и въ концѣ его мѣстность принимаетъ совершенно степной характеръ.

У выхода изъ ущелья дорога раздѣляется на три вѣтви, — правая, болѣе горная, протоптанная верблюдными караванами, идетъ на Денау-Юрчи. Мы сворачиваемъ по средней едва замѣтной тропинкѣ.

Степь носитъ слѣды богорныхъ запашекъ; мѣстами видны гладко утрамбованныя молотбища, издали замѣтные по кучамъ сѣмуну (трухи отъ союмы); вкругъ — никакого жилья, даже признака жилого мѣста. Богорная пашня здѣшня обработывается жителями кишлаковъ, расположенныхъ по берегамъ р. Сурхобы, приходящими сюда за тридцать и болѣе верстъ.

Воздухъ наполненъ лѣсовымъ туманомъ, но пріятно свѣжій... Невольно чувствуется близость значительнаго воднаго бассейна. Впереди, далеко-далеко, чуть-чуть обозначается невысокая гряда — это матерой противоположный берегъ Сурхобы.

Съемка очень легкая: разъ направленіе определено, иди впередъ хоть рысью до новой засѣчки. Мы поднимаемся очень ходко впередъ: рѣка манитъ — невольно торопиться пройти это унылое, скучное, глинисто-песчаное пространство.

Къ двумъ часамъ полудни показались жиденькіе тополи Кумъ-Кургана и за ними уже въ желтѣющихъ камышахъ блеснула рѣка... Лошадей съ трудомъ можно сдержать.

За селеніемъ, на самомъ берегу, виднѣтъ оживленный лагерь... Группами стоятъ кибитки, бѣгутъ казачья палатки; на большомъ пространствѣ просторно расположены привязанные къ приколамъ кони. Тамъ и сямъ поднимается привѣтливый столбъ дыма, на берегу бѣгутъ развѣшанные для просушки рубахи и въ водѣ видна группа купающихся.

Это ставка перваго отряда нашей экспедиціи, прішедшаго сюда полтора сутокъ раньше нашего.

Оба отряда, наконецъ-таки, соединились.

Здѣсь случилось маленькое, но совсѣмъ пріятное происшествіе, надѣлавшее намъ не мало хлопотъ и безпокойства. Уже начало темнѣть; весь нашъ отрядъ давно собрался, а Ягупова все еще не было. Припоминали, что онъ остался съ своимъ козакомъ, не доходя развѣтвленія дороги, о которомъ говорили выше, — очевидно онъ ошибся выборомъ пути и свернулъ, — но куда? Правѣ ли дѣйствѣ? — Во всякомъ случаѣ онъ, замѣтивъ, наконецъ, свою ошибку, долженъ былъ-бы выбраться на берегъ Сурхоба. Въ виду этого, разослали конныхъ джигитовъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ разыскивать отставшаго. Караванъ тоже еще не приходилъ, а по вѣтрному расчету верблюжьяго шага долженъ-бы былъ давно прійти на мѣсто.

Только въ третью часть ночи, прибыли, наконецъ, и Ягуповъ и наши вьючные верблюды; они дѣйствительно попали не на ту дорогу и сдѣлали, вслѣдствіе этого, до сорока верстъ лишннихъ.

Сурхобъ — рѣка очень мелководная — съ частыми, мѣняющими свое мѣсто песчаными перекатами, что дѣлаетъ судоходство по ней буквально невозможнымъ. Сурхобъ періодически — во время весенняго и осенняго половодья — можетъ играть роль сплавной рѣки; но только сплавлять по ней нечего, развѣ только арчу и другой горный лѣсъ съ ея верховій.

Положеніе и направленіе рѣки на существующей картѣ оказались довольно вѣрными, но за то береговые кишлаки всѣ показаны на этой картѣ не на своихъ мѣстахъ, что и было нами исправлено, во время слѣдованія внизъ по рѣкѣ къ Термезу, значащемуся по картѣ на самомъ устьѣ Сурхоба.

Въ Кумъ-Курганѣ мы простояли двое сутокъ.

(Продолженіе будетъ).

♦♦ ПАМЯТНЫЙ ЛИСТЪ ♦♦ „ОСВОБОЖДЕНІЕ БОЛГАРЪ“,

изданный рисункомъ въ память

РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

1877—1878 г.,

исполненный по рисункамъ художника К. Брожъ, напечатанный на прекрасной бумагѣ.

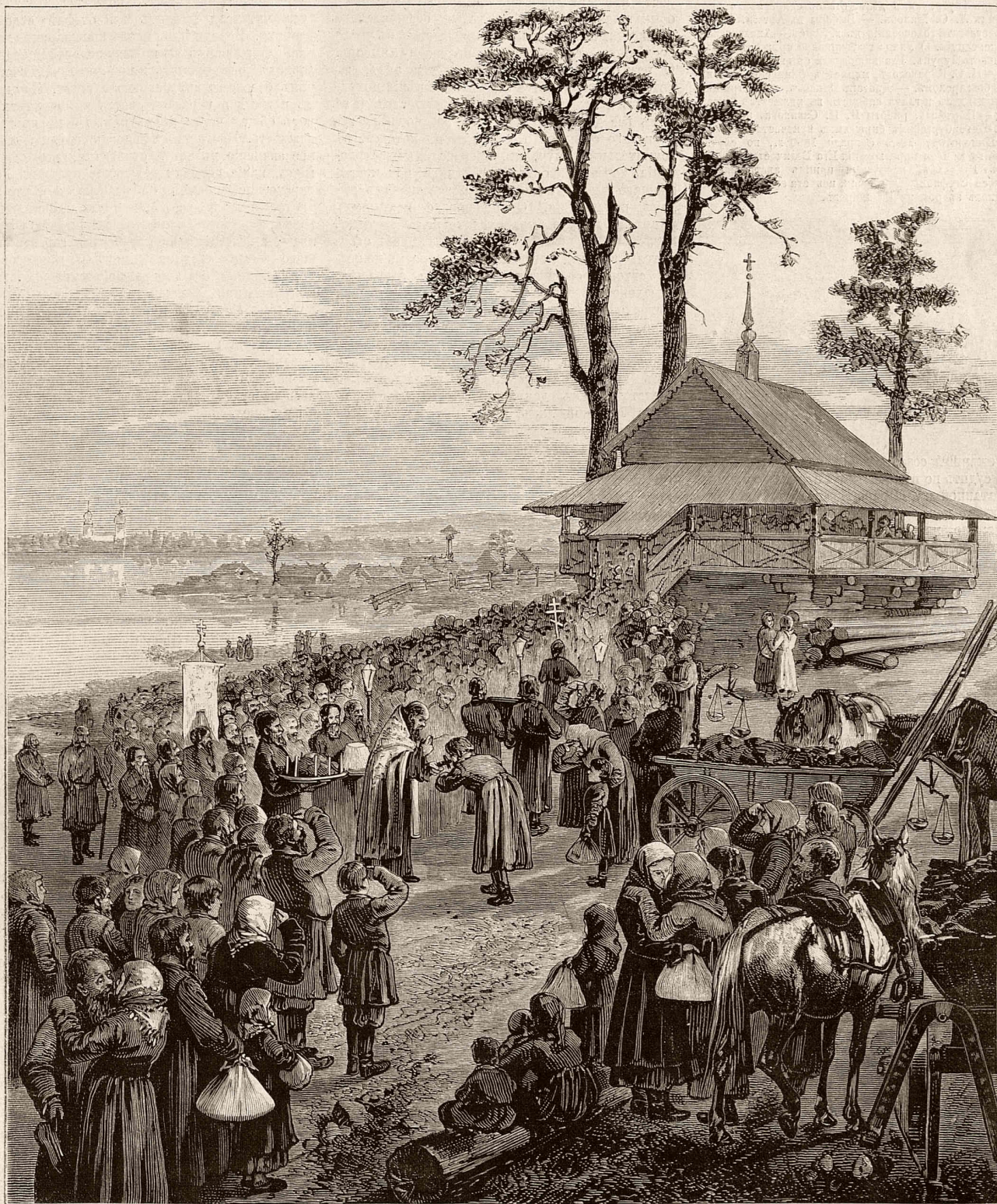
Величина 14×10 вершковъ. Цѣна 40 коп., съ пересылкою 1 рубль.

Всемирная Иллюстрація

№ 589.] Годъ XII.

19 Апрѣля 1880 года.

[Томъ XXIII. № 17.

Свѣтлое Воскресенье въ деревнѣ.

(Рисунокъ А. Баумана).

Министръ народного просвѣщенія Гюзелевъ воспитывался въ габровской гимназій, откуда перешелъ въ одесскую духовную семинарію, а по окончаніи курса въ ней — въ новороссійскій университетъ, откуда былъ выпущенъ въ 1871 году и немедленно уѣхалъ на родину, гдѣ занялъ должность учителя въ Габровѣ. Незадолго передъ войною онъ былъ арестованъ и просидѣлъ полтора мѣсяца въ пѣчахъ въ тырновской тюрьмѣ. Приближеніе русскихъ войскъ спасло его. По освобожденіи изъ заключенія, онъ былъ инспекторомъ народныхъ училищъ и потомъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ народного просвѣщенія.

Министръ юстиціи Стояновъ окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по юридическому факультету, куда поступилъ изъ второй одесской гимназій. Во время русской оккупациі служилъ въ канцеляріи генерала Домошова; извѣстенъ какъ авторъ избирательнаго закона и краснорѣчивый ораторъ. Передъ назначеніемъ министромъ занималъ должность предѣдателя кассационнаго суда.

Военный министръ генералъ-майоръ Казимиръ Густавовичъ Эрнротъ, финляндецъ по рождѣ, поступилъ на службу въ 1850 году и окончилъ образованіе въ николаевской академіи генеральнаго штаба; участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и при усмиреніи Польши; произведенъ въ генералъ-майоры въ 1868 году. Въ послѣднюю кампанію командовалъ 11-ю пѣхотную дивизію; имѣетъ орденъ: св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ; св. Анны 2-й степени съ короною и мечами; св. Владиміра 3-й степени; св. Станислава 1-й степени и золотую шапку съ надписью: «за храбрость».

Такимъ образомъ, всѣ члены нынѣшняго кабинета получили вполне или отчасти образованіе въ Россіи и имѣли возможность познакомиться съ нею во всѣхъ отношеніяхъ. Это знакомство предотвратитъ ихъ отъ ложныхъ надеждъ и увлеченій и укажетъ имъ лучшій образъ дѣйствій для достиженія единства Болгаріи. Обстоятельства слагаются нынѣ сравнительно благоприятно для достиженія этой цѣли; мы говоримъ сравнительно, потому что отъ Виконсфильда славяне могли ожидать только препятствій, тогда какъ Гладстонъ относится сочувственно къ идѣ балканской федераціи, но это сочувствіе не уменьшаетъ внутреннихъ затрудненій, которыя представляютъ новому кабинету: съ одной стороны ему приходится подавить мусульманское движеніе, съ наступленіемъ весны снова обнаружившееся въ нѣкоторыхъ округахъ, съ другой — необходимо поднять экономическій уровень страны, такъ какъ ей предстоитъ вскорѣ нести расходы по уплатѣ причитающейся на ея долю части турецкаго долга и дани Портѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду дипломатическихъ усложненій, необходимо довершить преобразование и вооруженіе арміи и, въ то-же время, бороться съ интригами чорбаджіевъ и иностранцевъ, окружающихъ князя.

Выборы въ парламентъ въ Англіи.

Парламентскіе выборы въ Англіи, не смотря на всю важность ихъ относительно управленія страной, не смотря на то, что въ избраніи лучшихъ представителей націи заинтересованы сами избиратели, сопровождаются многими злоупотребленіями и даютъ поводъ къ эпизодамъ, полнымъ самаго высокаго комизма и которые не разъ были мастерски воспроизведены Диккенсомъ и Теккереємъ.

Однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ нарушеній закона при выборахъ являются фиктивные избиратели. Такъ какъ право голоса имѣютъ не только землевладѣльцы и домохозяева, но также арендаторы и квартиранты, платящіе опредѣленную сумму, то крупные собственники стараются ко дню внесенія избирателей въ списки надѣлать лицъ, находящихся отъ нихъ въ зависимости, домами или извѣстными участками земли, вслѣдствіе чего нѣкоторые помѣщики имѣютъ въ своемъ распоряженіи двѣсти-триста голосовъ незаконныхъ. Другой способъ заключается въ выдачѣ избирателямъ денегъ на проѣздъ на мѣсто выборовъ, въ угощеніи ихъ, въ обѣдѣхъ и другихъ средствахъ, которыхъ не чуждаются кандидаты, чтобы про-

браться въ парламентъ, хотя многіе изъ этихъ средствъ осуждаются закономъ и общественнымъ мнѣніемъ.

Разумѣется, все это требуетъ громадныхъ издержекъ, а прежде было еще дороже, такъ что иногда расходы доходили до восьмидесяти и девяноста тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Со времени билля о реформѣ въ 1832 году издержки уменьшились, но все-таки онѣ достигаютъ серьезной цифры, что можно видѣть изъ представляемыхъ палатѣ общинъ каждымъ ея членомъ отчетовъ о расходахъ, сдѣланныхъ при выборахъ. Въ 1874 году 652 избранныхъ депутатовъ изстратили въ общей сложности около 6½ миллионъ рублей на наши деньги, а 429 забаллотированныхъ кандидатовъ заплатили болѣе 4.000.000 рублей. Разумѣется, цифра издержекъ падала неравномѣрно на соискателей: нѣкоторымъ ирландскимъ автономистамъ расходы обошлись около 2.500 руб. на каждого, а кандидаты въ округѣ Сѣвернаго Дургамы изстратили каждый болѣе 70.000 рублей. Безъ сомнѣнія, эти цифры далеко ниже настоящихъ, потому что въ отчеты не вошли незаконно израсходованные суммы.

Единовременно съ производствомъ этихъ расходовъ кандидаты рекомендуются избирателямъ и излагаютъ свои программы. Здѣсь происходитъ преуморительная сцена. Иной кандидатъ, ничему не учившійся или позабывшій то, что знаетъ, съ важностью выступаетъ на митингъ и произноситъ самоуверенно рѣчь, сочиненную для него бойкимъ секретаремъ и вдругъ обрывается, смущенный неожиданными вопросами; другой простодушный воинъ съ узкимъ міросозерцаніемъ ультра-торія откровенно высказываетъ свои убѣжденія, не смотря на ихъ несовременность, при чемъ сознается, что не чувствуетъ особеннаго желанія засѣдать въ парламентѣ и если выступаетъ передъ избирателями, то потому лишь, что пріятель уговорилъ его баллотироваться; наконецъ, находятся такіе чудаки, которые полагаютъ, что противъ Афганистана можно дѣйствовать флотомъ. Понятно, что подобныя субъекты являются предметомъ смѣха, и соперничающая партія старается разоблачить ихъ, чтобы сдѣлать ихъ избраніе невозможнымъ и представить противниковъ своихъ въ комическомъ видѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ газетахъ идетъ ожесточенная борьба между партіями, которыя употребляютъ все усилія, чтобы выставить кандидатовъ противной стороны въ возможно худшемъ свѣтѣ.

Затѣмъ наступаетъ день выборовъ. Въ опредѣленное заранее число избиратели сходятся въ зданіи, назначенномъ для баллотировки и представляютъ чиновнику, поставленному отъ правительства, свои документы; провѣривъ ихъ, онъ даетъ каждому изъ избирателей бланкъ съ именами всѣхъ соперничающихъ кандидатовъ, на оборотѣ котораго поставлено казенное клеймо, показывающее, гдѣ и когда онъ выданъ; получившій этотъ бланкъ идетъ въ каморку посреди которой стоитъ столъ съ перьями и чернильницей; одна сторона каморы открыта, такъ что всякій можетъ видѣть, что избиратель дѣлаетъ, но никто не можетъ зайти передъ чьимъ именемъ онъ ставитъ крестъ, показывающій кого онъ выбираетъ; затѣмъ онъ складываетъ бюллетень такъ, чтобы клеймо приходилось посрединѣ наружной части и вручаетъ его чиновнику, завыдающему голосованіемъ, который опускаетъ билетъ, въ виду всѣхъ, въ избирательный ящикъ. Когда баллотированіе кончено, приступаютъ къ счету голосовъ и о результатѣ телеграфируютъ немедленно въ Лондонъ и сообщаютъ публикѣ.

Этотъ способъ голосованія имѣетъ много преимуществъ передъ открытою баллотировкою; теперь подкупы стали затруднительнѣе, и ни одна партія не можетъ съ точностью опредѣлить числа своихъ приверженцевъ. Случается, что избиратель, поставленный въ зависимость отъ кандидата, обѣщаетъ ему свой голосъ, но въ дѣйствительности подаетъ его за другаго, и нѣтъ возможности уличить его.

Нельзя не замѣтить, что эта система была одной изъ причинъ неудачъ торіевъ. Впрочемъ, и безъ того побѣда ихъ была невозможна, хотя пораженіе при другихъ условіяхъ было-бы, вѣроятно, не столь полное. Нація была недовольна не только воинственнымъ вѣншемъ политикой

Виконсфильда, возвысившаго налоги и производившаго застой, но и отношеніемъ его къ многимъ внутреннимъ вопросамъ — отъ пренебреженія къ нуждамъ Ирландіи до такъ называемаго «водяного» билля. Сущность послѣдняго заключалась въ выкупѣ правительствомъ лондонскихъ водопроводовъ, находившихся во владѣніи восьми компаній, что представляло большія неудобства для населенія. Сумма капитала, помѣщенного въ акціяхъ, не превышала восьми миллионъ фунтовъ стерлинговъ, но министерство предложило за нихъ тридцать миллионъ фунтовъ стерлинговъ и вызвало этимъ лихорадочную биржевую игру, при которой акціи поднялись, все-таки, лишь вдвое. Негодованію общества не было предѣловъ, такъ что Виконсфильдъ убѣдился, что даже покорный ему парламентъ не утвердитъ этого проекта, и посѣпшилъ взять его обратно. Къ этому присоединилось обнародованіе бюджета съ дефицитомъ, раскритикованнаго Гладстономъ, и неполученіе извѣстій съ театра войны въ Афганистанѣ. Кромѣ того, многіе изъ торіевъ были недовольны цинизмомъ Виконсфильда въ восточномъ вопросѣ; безучастное отношеніе его къ болгарамъ оскорбляло фарисейскую часть торіевъ; они требовали громкихъ фразъ во имя человѣколюбія и на этомъ условіи готовы были смотрѣть сквозь пальцы на турецкія звѣрства; другая-же фракція этой партіи отступилась отъ Виконсфильда, увлеченная примѣромъ графа Дерби.

Вотъ при какихъ условіяхъ произошло распушеніе парламента. Министерство рѣшилось на эту мѣру, надѣясь захватить своихъ противниковъ врасплохъ и побуждаемое побѣдою королевы въ Германію; не слѣдуетъ забывать, что политическія воззрѣнія ея величества были во многихъ пунктахъ тождественны съ воззрѣніями Виконсфильда, и потому утвержденіе прежняго кабинета во власти могло имѣть громадное значеніе для политическихъ комбинацій, ради которыхъ королева уѣхала на континентъ. Эти соображенія заставили кабинетъ рискнуть на новые выборы; но ожиданія его не оправдались: нація была настроена относительно министерства неблагоприятно, по причинамъ, о которыхъ мы уже говорили, а блистательныя рѣши Гладстона довершили пораженіе торіевъ, причемъ, надо принять во вниманіе, что кандидаты либеральной партіи были въ большинствѣ образованные кандидаты консервативной.

Такимъ образомъ, нынѣшніе выборы служатъ новымъ подтвержденіемъ успѣха демократической пропаганды въ Англіи. Значеніе аристократіи слабѣетъ, и въ настоящемъ парламентѣ находится уже въ значительномъ числѣ сторонники поземельной реформы, приверженцы Чарльза Дилке и ирландскіе автономисты. Всѣ эти фракціи, соединяющіяся во враждѣ къ правительству Виконсфильда, отдѣляются одна отъ другой цѣлями, къ которымъ стремятся, и не согласны между собою по многимъ вопросамъ. Поэтому и либеральное большинство въ палатѣ общинъ окажется на практикѣ не столь подавляющимъ, какъ можно предположить съ перваго взгляда, принимая въ соображеніе лишь общее число противниковъ Виконсфильдовской политики.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарья.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Отъ Кумъ-Кургана, мѣста нашей пятидневной стоянки, путь пролегалъ по обоимъ берегамъ „Сурхана“, переходя съ одного берега на другой. Намъ, такимъ образомъ, пришлось на пространствѣ семидесяти верстъ два раза переправляться вбродъ черезъ рѣку. Къ счастью, глубина воды никогда не превышала двухъ съ половиною-трехъ футовъ и на пути попадались порядочные броды.

Оригинальную картину представляла переправа вереницы вьючныхъ лошадей и верблюдовъ.

Малорослые лошади, боязливо прядя ушами и фыркая, входили въ воду и очень ловко справлялись съ быстротою теченія; но больше всего возни было

съ верблюдами, этими исконными врагами воды: горбатые колоссы противно ревели и упирались; их осматривали ударами погаски и палок и чуть не руками вталкивали въ воду. Несколько животных ушло, и въюки сильно пострадали от подмочки, но въ общемъ обѣ переправы обошлись довольно благополучно.

Берега Сурхана пестрятъ небольшими селениями, кибитками, осѣненными группами фруктовыхъ и таловыхъ деревьевъ; часто видны зеленѣющія плантаціи джогары и риса. Мѣстами узенькая тропинка, пробитая исключительно ногами лошадей, — такъ какъ здѣсь аробъ итъ и въ поминѣ, — извивается въ густыхъ заросляхъ береговыхъ камышей и „кучи“, и намъ приходилось пробираться гуськомъ, защищая руками лицо отъ розмеха высокихъ стеблей этой джунглевой растительности. День былъ превосходный — ясный и не особенно жаркій. Въ воздухѣ чувствовалась свѣжесть рѣки и близость ея большаго, колоссальнаго бассейна Аму.

Во время перехода въ первый день мы держались у самаго Сурхана, но послѣ ночлега нашъ путь сильно уклонился вправо, и мы снова вошли въ область богарныхъ пашень, а затѣмъ — въ глубокие пески, тянущіеся уже вплоть до праваго берега Аму-Дарьи.

Не доходя несквозь, еще издали на горизонтѣ показались кѣкія-то развалины и доминирующій надъ ними высокій, круглый минаретъ: это остатки древнѣйшаго, когда-то цвѣтущаго города „Міа“ (что значитъ черепъ), свидѣтельствующіе о томъ, что прежде вся эта печальная пустыня жила цвѣтущею жизнью.

Чудную, вѣющую сѣдою древностью картину представляли собою эти оригинальные развалины мечетей, караванъ-сараявъ, базаровъ и пр. Кирпичъ-железнякъ выдержалъ борьбу со временемъ и сохранилъ еще эти красивыя арки, смѣлыми линиями потонувшія на остаткахъ своихъ массивныхъ опоръ... Вся мѣстность вокругъ завалена грудями мусора и обломками кирпича. Кирпичъ квадратной формы, плитный и металлически звенитъ подъ ударомъ конскихъ подковъ; кое гдѣ пестрятъ черенки, покрытые голубой и зеленой глазурию; кое-гдѣ на стѣнахъ развалинъ виднѣются остатки той-же глазури, украшавшей когда-то карнизы и арки строеній въ видѣ бордюровъ, гдѣ живописный арабскій шрифтъ перемѣшанъ съ вычурными арабесками.

Но самое замѣчательное явленіе въ этомъ „городѣ мертвыхъ“ — городѣ легендъ и воспоминаній — составляетъ бесспорно круглый минаретъ „Міа“, гордо поднимающій свою голову надъ всеми развалинами, эффектно рисующійся издали красною колонною на синемъ фонѣ безоблачнаго неба.

Этотъ минаретъ облюбованъ узornoю кладкою плитнаго кирпича — на ребро; мѣстами по главнымъ линиямъ узора, образованнаго въ видѣ этого шпоса кладки, пробѣгаютъ голубовато-сѣрые пробоины глазури. Шестигранное основаніе минарета наиболее пострадало отъ времени, а также и отъ рукъ человеческихъ; всѣ углы его сильно обиты и снизу подточены весенними водами. Пострадала также и верхушка, украшенная превосходнымъ узоромъ изъ надписей и арабесокъ, обводившихъ колонны тройнымъ широкимъ поясомъ.

Въ срединѣ всей колонны ведетъ наверхъ полуобсыпанная витая каменная лѣстница, и когда мы съ трудомъ и не безъ опасности вскарабкались по ея ступенямъ, передъ нами развернулась безконечная, теряющаяся въ вечерней мглѣ панорама: долина Сурхана, серебристая лента рѣки съ своими разнавами и отмелями, а вправо — мрачная степь, пересѣченная борнами сычущихъ ланосныхъ несквозь.

Какъ контрастъ жалкаго современнаго съ величественнымъ старымъ, между развалинами кое-гдѣ приглядываются жалкіе пашанъ и кибитки козихъ пастуховъ, крохотные клочки джогарныхъ посѣвовъ, и по развалинамъ ловко лазятъ маленькія черныя козы, скусывая пробивающуюся изъ подъ мусора травку. Тутъ-же дремлютъ на солнцѣ полуголые пастихи, дино и неподвижно косясь на насъ, странныхъ и непростыхъ пришельцевъ съ далекаго сѣвера.

Они, впрочемъ, угодили насъ кислымъ козьимъ молокомъ, но за то изъ такой дивной чашки, что точаще-же, черезъ переводчиковъ, приступлено было къ переговорамъ о продажѣ этого сосуда, что и устроено за два рубля серебрными „коканами“. Чашка, — очень можетъ быть, что случайно найденная въ этихъ-же развалинахъ, — была сдѣлана изъ тянущей мѣди, украшенной мелкимъ чеканомъ.

Солнце уже близилось къ загалу, а намъ предстояло еще сдѣлать изрядный переходъ по случайнымъ пескамъ, ибо, раньше чѣмъ прибыть на самый берегъ Аму, нигдѣ не было удобнаго ночлега.

Вьюный караванъ нашъ уже втиснулся въ пески и давно скрылся между борнами, слабо поросшими подувсохшимъ гребенщикомъ и колючкою.

Пески и пески! — Мы то поднимаемся на борнаны, то спускаемся, зигзагами пробираясь между песчаными градами. Весь corteжъ растянулся версты на двѣ. Не смотря на свѣжесть вечера, отъ почвы пышетъ какъ изъ накаленной печки; кони въ поту... у всадниковъ пересыхаетъ въ горлѣ. Спасибо, что пред-

усмотрительные джигиты туземцы запаслись мѣшкомъ арбузовъ и дынь.

Солнце уже совсѣмъ сѣло, когда на горизонтѣ, прямо передъ нами, обрисовался снѣговатый силуэтъ далекой горы; за этою горою — Аму.

Кромѣ насъ, на всемъ пути не видно ни одной живой души. Въ воздухѣ — ни одной птицы; только ящерики юрко шмыгаютъ въ песчаныхъ бороздахъ, спасаясь отъ копытъ нашихъ коней.

Время въ такомъ пути тянется безконечно долго — кажется, что и конца нѣтъ этой унылой дорогѣ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда путь пошелъ на легкій подъемъ, и, наконецъ, далеко-далеко, на самомъ горизонтѣ блеснула освѣщенная луною полоска воды: это Аму.

Версты за четыре до берега снова начинаются слѣды древнихъ построекъ. Такія-же характерныя развалины, какъ и въ „Міа“, попадаются все чаще и чаще справа и слева дороги; лѣтъе онѣ тянутся безконечными массами до самаго устья Сурхана, отъ котораго мы уклонились вправо версты на двадцать.

Чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ эти развалины чаще и чаще и, наконецъ, сплошь покрываютъ всю песчаную почву.

Это древнѣйшій Термезъ.

Какую грандіозную, фантастическую картину представляли собою эти развалины, освѣщенные луною! Длинныя стѣны арокъ и просвѣчивающихъ стрѣбчатыхъ арками стѣнъ тянутся черезъ дорогу, пугая лошадей; удары копытъ по твердому железяку гудко подхватываются эхомъ, отражаясь въ темныхъ сводахъ старинныхъ сооружений. Впереди, загораживая Аму, поднимается силуэтомъ черная громада старой цитадели, видѣвшей въ своихъ стѣнахъ легіоны Александра Македонскаго и полчища Тимура. Не доходя сѣверо-восточнаго угла укрѣпленія, шагахъ во ста, находится еще довольно сохранившаяся и все-таки кое-какъ поддерживаемая бухарскимъ правительствомъ мечеть, закрывающая въ своихъ стѣнахъ великую для всякаго мусульманина святыню — могилу и гробницу самого Термеза, основателя и покровителя города.

При этой мечети живутъ три муллы: одинъ древній старецъ — лѣтъ, пожалуй, около ста, — и его два помощника по-моложе. Это единственные живые существа-обитатели этихъ развалинъ, и живутъ они подаяньемъ и приношеніями благочестивыхъ мусульманъ, плователей по Аму. Кромѣ этихъ случайныхъ мольщиковъ, сюда иногда приходятъ спеціальныя караваны пилгримовъ изъ Бухары и сѣвернаго, такъ называемаго Туркестанскаго, Афганистана, границы котораго начинаются точаще-же отъ лѣваго берега Аму-Дарьи.

Пройдя между мечетью и угломъ цитадели, мы очутились на крутомъ берегу рѣки, и передъ нашими глазами раскинулась широкая водная гладь, отражавшая серебристый столбъ луны, высоко поднявшейся уже на усманномъ звѣздамъ ночномъ небѣ. Картина представлялась чудная и полная молчаливаго, грандіознаго величія.

Здѣсь мы не нашли ни кибитокъ, ни продовольствія для насъ и нашихъ коней. По какому-то странному недоразумѣнію, распоряженія на этотъ предметъ ни со стороны мѣстнаго бека, ни со стороны сопровождаваго насъ пристава — бухарскаго чиновника — не было сдѣлано своевременно, и мы должны были устроиваться на ночлегъ своими средствами.

Черезъ полчаса по всему берегу Аму и его скаламъ раскинулся большой оживленный лагерь и запылали бивуачныя огни.

Эхо термезскихъ развалинъ въ первый разъ отразило русскіе звуки.

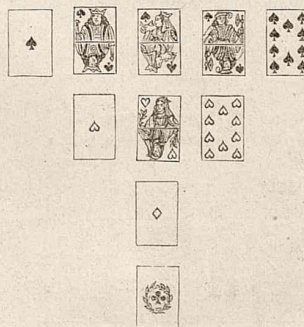
Ночь была чудная, свѣжая; воздухъ пропитанъ испареніями Аму. Мы разстлали свои коври и бурки на этихъ осколкахъ сѣдой древности и, налюбовавшись вдоволь пейзажемъ, заснули подъ открытымъ небомъ.

(Продолженіе будетъ).

Карты.

ЗАДАЧА № 8

Преферансъ.

Ходъ вашъ. Какую игру слѣдуетъ играть съ этими картами?

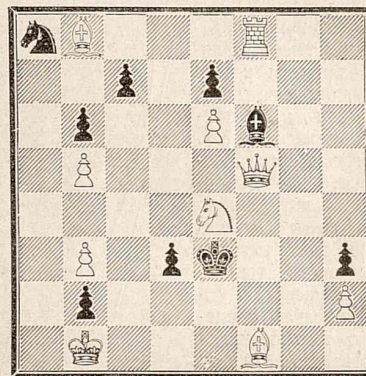

Матчъ между г. Розенталемъ, лучшимъ парижскимъ игрокомъ (изъ Суэвской губерніи) съ г. Цукергортомъ, однимъ изъ первыхъ игроковъ Лондона, (изъ Риги), вѣроятно уже начался. Розенталь долженъ былъ уѣхать изъ Парижа въ Лондонъ 9/21 апреля. Пари 2500 франковъ. При температурѣ выше 25° по столбцу составленіе будетъ прерываться.

ЗАДАЧА № 541.

Д. В. Кларка (въ Барнаулѣ).

Черные.

№ 590.] Годъ XII.

26 Апрѣля 1880 года.

[Томъ XXIII. № 18.

Бюваръ для адреса, поднесеннаго Государю Императору полтавскимъ дворянствомъ, по случаю 25-лѣтняго юбилея царствованія Его Величества.

Работы московскаго фабриканта П. А. Овчинникова.

Самарская ученая експедиція въ Среднюю Азію. — Амударьинскій салатъ.
(Рисов. нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ експедиціи, П. Н. Карзининъ).

Самарская ученая експедиція въ Среднюю Азію. — Бухарская арба въ пескахъ.
(Рисов. нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ експедиціи, П. Н. Карзининъ).

Самарская ученая експедиція въ Среднюю Азію. — Лагерь експедиціи на берегу рѣки Сурханъ.
(Рисов. нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ експедиціи, П. Н. Карзининъ).

Черезъ добрыхъ два часа раздвинулся густой ситцевый пологъ, отяжелѣвшій отъ грязи и пыли, спускавшійся съ потолка на широкую кровать богоспасаемыхъ супруговъ. Изъ-за полога показались сначала руки и ноги, а затѣмъ бороды Сергѣя Михайлова, послѣ чего и массивное туловище его вытиснулось наружу. Онъ громко зѣвнулъ во весь ротъ, перекрестивъ поспѣшнѣй, и босими ногами всталъ съ постели.

— Кажись, дождичко-то не унимается! — проговорилъ онъ, отворяя окно и высовывая голову на дворъ.

Противной дождь, то учащаясь, то слабѣя, не переставалъ поить сырую землю.

— Зарядилъ на нѣсколько дней! — замѣтила Акулина Савельевна.

— А у тебя ужъ и самоваръ, чай, готовъ? — спросилъ хозяинъ, протирая глаза и снова зѣвая.

— Давно готовъ! Мойся да молись Богу-то! — отвѣчала ему супруга.

Проподоскавъ нутро чайкомъ съ лимонцемъ, почтенный Сергѣй Михайловъ отправился отворить ворота, а его благобѣдная поспѣшила доить самоваръ для молодцовъ.

— Таперица скоро вернуться должны. Небось, до костей промокли, родименькие, — жалѣючи, подумала она.

Извозчики не заставили себя долго ждать.

— Ъдутъ наши-то! — заявилъ содержатель постоялаго двора, когда въ туманѣ, еще лежавшемъ вдоль улицы, замелькали силуэты нѣсколькихъ извозничьихъ прелетокъ и эгонистокъ. Дождь пошелъ сильнѣе.

— Ишь ты, какъ отъ ливня-то несуеть! въ перегонку одинъ передъ другимъ! — недовольно замѣтилъ онъ.

Около десяти извозчиковъ сразу подкатили къ воротамъ, такъ какъ дѣло у нихъ пошло на споръ:

— Кто, братцы, скорѣе поспѣетъ къ мѣсту?

У воротъ пылкость ѣздоковъ осадилъ кулакъ хозяина, энергически преподнесенный къ мордамъ отовсюду наскочившихъ лошадей. Нѣкоторые изъ нихъ заржали и попятнлись, другіе начали становиться на дыбы.

— Эхъ, васъ претъ-то! — бѣсновался Сергѣй Михайловъ, приправляя слова свои рѣзкой бражкой.

Между извозчиками, въ свою очередь, завязалась отчаянная перебранка.

Мало по малу, дѣло, однако, уладилось. Лошади успокоились и по одиночкѣ въѣхали во дворъ. Молодцы поспѣшно освободили лошадей отъ обременявшей ихъ упряжи и поставили ихъ въ стойла на отдыхъ. Развѣсивъ экипажи, засыпавъ лошадамъ овса и положивъ сѣна, каждый торопился въ горницу, чтобы самому скорѣе освободиться отъ насквозь промокшей одежды.

— Понейте чайку-то, голубчики! согрѣйте душеньку! — хлопотала около извозчиковъ Акулина Савельевна.

Механический станокъ для производства крученыхъ папирсъ съ мундштуками.

Въ концѣ 1876 года была окончена въ Петербургѣ модель станка выдѣлки крученыхъ папирсъ.

Убѣдившись въ совершенствѣ и практичности этого остроумнаго изобрѣтенія, долженствующаго имѣть огромную будущность въ этой отрасли производства, нѣсколько лицъ, составивъ товарищество, пріобрѣли у изобрѣтателя право на осуществленіе этого изобрѣтенія.

Исходатайствовавъ на свое имя изъ Д-та торг. и мануф. десятилетнюю привилегію на это изобрѣтеніе, товарищество приступило къ конструкціи этого папирсодѣлательнаго станка на вновь открытѣмъ литейномъ и механическомъ заводѣ подлѣ фирмой «для точныхъ работъ» (Обводн. каналъ, № 104).

Къ концу прошлаго 1879 года таковая образованная машина для производства папирсъ была окончена и, послѣ тщательной выѣрки, пущена въ ходъ подлѣ паровымъ двигателемъ.

Результатъ испытанія ея, въ присутствіи нѣсколькихъ специалистовъ изъ числа мѣстныхъ табачныхъ фабрикантовъ, показалъ вполнѣ ея блестящія качества и несомнѣнную выгоду. Вполнѣ замѣня и значительно удешевляя нынѣ существующую ручную выдѣлку папирсъ, машина эта въ особенности важна для тѣхъ мѣстностей, производительность которыхъ парализовалась постоянно недостаткомъ рабочихъ рукъ и высокою заработной платою. Этотъ папирсодѣлательный станокъ,

приводимый въ дѣйствіе, по желанію, паровымъ двигателемъ или ручнымъ приводомъ, при умѣренной скорости, производитъ въ часъ до 2,300 папирсъ и даже, по желанію, можетъ быть пущенъ со скоростью 3,000 штукъ въ часъ.

Размѣръ станка 1 1/4 арш. въ длину и 1 аршинъ ширины, вѣсомъ до 8 пудовъ.

Во время работы станокъ самъ отрѣзаетъ необходимое количество бумаги, склеиваетъ гильзу, свертываетъ мундштукъ и, затѣмъ, вогнавъ табакъ, выбрасываетъ уже совершенно готовую папирсу, — однимъ словомъ, это остроумное изобрѣтеніе вполнѣ замѣняетъ, во всѣхъ частяхъ, ручную работу.

Нынѣ товарищество приступило къ сборкѣ нѣсколькихъ подобныхъ папирсодѣлательныхъ машинъ, кои она предполагаетъ помѣстить въ одной изъ здѣшнихъ столичныхъ табачныхъ фабрикъ.

На первое время товарищество имѣетъ въ виду, не продавая машинъ, ставить ихъ на табачной фабрике и, по условію съ фабрикантами, получать опредѣленную плату съ каждой тысячи папирсъ, изготовленныхъ машиннымъ способомъ. При этомъ наблюденіе за правильнымъ ходомъ машинъ, исправленіе и ремонтъ ея, лежали-бы на обязанности товарищества.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзнодорожной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дары.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Статки цитадели, ея расположеніе, планъ всего громаднаго пространства, занятаго развалинами города, указываетъ на широкое политическое и торговое значеніе Термеза въ древности.

Легенды говорятъ о его миллионномъ населеніи, необычайномъ богатствѣ и славіи.

Основаніе легенды или, правды-ли, дѣлаю рядъ легендъ и ихъ вариантовъ таковъ:

Первоначальное имя основателя и святаго покровителя этихъ мѣстъ было Ходжа-Амаль-Хакимъ. Этотъ Амаль-Хакимъ, бывшій еще ребенкомъ, жаждалъ свѣта знанія истинны и просился у матери, чтобы та отпустила его въ школу, та ему отказала въ его просьбѣ, сказавъ: «а кто-же мнѣ будетъ служить въ твоѣ отсутствіе, кто мнѣ, старой и безпомощной, будетъ носить дрова и воду?» Ребенокъ съ грустью принужденъ былъ повиноваться волѣ матери и отправился въ степь собирать топливо. Въ степи онъ встрѣтилъ незнакомаго старца величественнаго вида, который положилъ ему руку на плечо, ласково взглянулъ въ его печальные глаза и спросилъ: «Какая причина грусти твоей, ребенокъ?» — Амаль-Хакимъ поспѣшилъ отвѣтить. Старикъ улыбнулся, крѣпко обнялъ мальчика, и отъ этого чудеснаго объятія вся премудрость знанія вѣры и истины сама собою вошла въ голову, сердце и душу ребенка, и онъ вернулся домой преобразеннымъ десятилѣтнимъ мулою.

Чудесное явленіе этого ребенка мулы-учителя быстро разнеслось по всѣмъ окрестностямъ, перенеслось на ту сторону Оксуса (древней Аму) и привлекло со всѣхъ сторонъ толпы учащихся и поклонниковъ. Ученые мулы тоже пришли сюда провѣрить знанія новаго чуднаго учителя, и Амаль-Хакимъ блистательно выдержалъ эти испытанія. Самъ великій имамъ Шоррей долженъ былъ уступить каедрѣ юному сопернику и преклониться предъ его всеобъемлющимъ божественнымъ знаніемъ.

Поклонники и ученики, разлѣ послѣдствіи ребенка и учителя, уже не возвращались домой и селились около его кибитки, образовавъ, такимъ образомъ, начало поселенія.

Съ годами росла слава Амаль-Хакима, съ годами къ его порогу прибывали все новыя и новыя толпы поклонниковъ. Городъ, получившій названіе Гульгуля, въ честь матери Амаль-Хакима, все разрастался и разрастался. (Названіе это, впрочемъ, легендами варьируется и иначе, напр.: «Мадинагуль-Ридзаль» или «Шаръ-Гуль-Гуля» и еще: «Зюльмъ-абадъ (сильный городъ). Первое названіе арабское, остальные персидскія).

Но, въ концѣ концовъ, нашлись и противники истиннаго ученія Амаль-Хакима. Городъ испыталъ нѣсколько разъ нашествіе варваровъ, и когда Амаль — уже старикомъ — ослабъ и находился на молитвѣ, то однажды враги его проникли въ мечеть и отрубили святому голову.

Ученики его нашли его уже убитымъ, съ почтостью похоронили, заложивъ скелетъ камнями, и когда, послѣ печальной церемоніи, начали громко стонать и плакать, то ясно услышали голосъ изъ склена: «Термезъ!» т. е. — я живъ.

Съ этихъ поръ и началось новое названіе города, всей мѣстности и самого святаго: «Термезъ».

Какого рода было это истинное ученіе Термеза: не-

извѣстно. Мусульманскія легенды приурочиваютъ его, конечно, къ мусульманству, хотя тѣ-же легенды говорятъ о нашествіи на городъ, послѣ смерти Термеза, Искандера Зюлькарнаина (Александра Македонскаго), когда еще о Магометѣ и помину не было.

Городъ два раза превращался въ развалины и жители его убивались во времена нашествія варваровъ (какихъ варваровъ — тоже неизвѣстно, — вѣроятно монгольскихъ племенъ съ сѣверо-востока); возстановленъ былъ Александромъ Македонскимъ и, наконецъ, окончательно былъ разрушенъ Тимуридами, — въ какомъ видѣ и находится по настоящее время.

Политическое и стратегическое значеніе этого пункта было отлично понято Искандеромъ Зюлькарнаиномъ; онъ построилъ здѣсь сильную крѣпость съ обширными угловыми роделами, съ крытыми ходами къ водѣ, со всѣми приспособленіями современнаго ему фортификаціоннаго искусства. Вдоль набережной, почти на версту протянувшейся, у подножья крѣпостной стѣны были устроены пристани, устои которыхъ сохранились и до сихъ поръ. Набережнія соединялись съ внутренностью крѣпости широкими и пологими аппаратами... Безконечные караваны лодокъ и каноэвъ могли удобно располагаться у пристаней и выгружать свои товары; крѣпостная цитадель доминировала надъ всю окрестную мѣстностью и оберегалась отрядомъ македонскихъ войскъ... Легенды и даже нѣкоторые указанія историковъ Азіи говорятъ даже о затѣбѣ Александра Македонскаго соединить оба берега рѣки постояннымъ мостомъ, говорится, что даже существовать подобный колоссальный мостъ, и до сихъ поръ, посреди рѣки, подлѣ водою можно прослѣдить остатки его устоевъ. Мы занялись провѣркою этого факта, но сколько ни плавали по Аму въ своихъ каячкахъ и парусинныхъ лодкахъ, сколько ни плавали шестью плито-песчаное дно рѣки, — никакихъ признаковъ этихъ легендарныхъ устоевъ не оказалось.

Мечеть съ гробницею Термеза имѣетъ видъ куполообразной постройки съ сферическимъ сводомъ, уступами; на лицевой сторонѣ типичный фронтонъ съ аркою, а у основанія, къ ряду отдѣльных сакель, примыкаетъ веранда съ стрельбовидными арками, съчетомъ пятью, ведущими во внутреннее помѣщеніе; четыре низенькія двери замурованы наглухо, а пятая держится открытою. Когда вы входите въ эту дверь, то вашимъ глазамъ представляется небольшая комната съ перекрестнымъ сводомъ и почти все пространство комнаты занято самою гробницею Термеза, полуприкрытою пологатною тканью и обнесенною старинными знаменами и бунчуками.

Рисунокъ этой гробницы, сдѣланный мною съ натуры, говоритъ краснорѣчивѣе всякаго описанія.

Нынѣ живущаго стараго муллы, собирающаго доходы съ мечети, зовутъ Шейхъ-Сеидъ-Махмудъ-ходжа: это привилегія всего его рода, данная еще его дѣду Сеидомъ, эмирѣмъ бухарскимъ, въ началѣ настоящаго столѣтія.

(Продолженіе будетъ.)

Извѣстный художникъ Мункасси, окончившій недавно свою картину — жанръ въ Парижѣ, началъ уже новую большую картину, сюжетомъ которой будетъ «Христосъ передъ Пилатомъ».

Комитетъ для сооруженія памятника Пушкину извѣщаетъ, что, согласно съ высочайшимъ Государя Императора соизволеніемъ, открытіе этого памятника, воздвигнутаго въ Москвѣ, послѣдуетъ въ день годовщины рожденія поэта, 26-го мая.

На годичномъ конкурсѣ «Общества поощренія художествъ» первую премію за пейзажъ получилъ г. Шильдеръ, вторую — г. Федересъ, за жанръ первой преміей не удостоены ни кто, вторую-же получилъ г. Слостоновъ. Вообще говоря, конкурсъ нынѣшняго года значительно хуже прошлогодняго. Крымскій пейзажъ г. Шильдера — дорога въ горахъ среди скалъ, камней и сосенъ — не дуренъ въ общемъ; но въ частности онъ хорошъ условно. О талантѣ г. Шильдера мы какъ-то писали въ прошломъ году, и то, что было нами высказано тогда, можно дословно повторить и теперь. У г. Шильдера есть талантъ, — это несомнѣнно; но изъ посредственныхъ-ли онъ или изъ крупныхъ, — рѣшить

№ 593.] Годъ XII.

17 мая 1880 года.

[Томъ XXIII. № 21.

Отъ Главной Конторы Редакции.

Вслѣдствіе поступленія въ Редацію многочисленныхъ заявленій гг. желающихъ получить «**Всемирную Иллюстрацію**», съ **разсрочкою** платы подписной цѣны, Главная Контора Редакціи считаетъ нужнымъ довести до ихъ свѣдѣнія, что она согласна **разсрочить** уплату на два срока, а именно:

1) Съ доставкою въ С.-Петербургъ, слѣдуетъ внести при подпискѣ 8 руб., остальные 6 р. 50 к. — къ 15-му іюня. 2) Съ пересылкою во всѣ города Имперіи, слѣдуетъ внести при подпискѣ 9 руб., а остальные 7 руб. — къ 15-му іюня.

Журналъ будетъ высылаемъ съ 1-го нумера, со всѣми приложеніями.

При **перемѣнѣ** мѣста жительства, гг. подписчики «**Всемирной Иллюстраціи**» благоволятъ увѣдомлять объ этомъ Контору Редакціи немедленно и прилагать, при каждой перемѣнѣ адреса, 28 коп. за напечатаніе новаго адреса; Вмѣстѣ съ новымъ, слѣдуетъ прилагать и старый адресъ.

Туркменский арзамакъ.
Туркменъ рыбачитъ.
Журавлиная отъѣздъ во время перелета.

Береговой туркменскій лѣнтакъ.
Переправа (баржа бухарская плыветъ лошадьми).
Засѣдъ.

Туркменскіе одиночные норы.
Туркменка, идущая за водою.
Ночной концертъ.

Самарская ученая экспедиція въ Среднюю Азію. — Среднее теченіе Аму.
(Рисовалъ нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Карзининъ).

нѣмецкаго пѣсѣ «Ангель-хранитель, или бриллиантовое ожерелье». Въ Александринскомъ театръ ей, въ послѣднее время, давали играть не особенно часто, и къ ней перешли лишь весьма немногія роли, игранія прежде г-жею Савиной, какъ наприм.: роль «Анжелики» въ драмѣ «За монастырской стѣной»; но въ одинъ изъ бенефисовъ г. Сазонова А. З. Тютрюмова обратила на себя общее вниманіе прелестнымъ исполненіемъ роли пажки Керубино, въ комедіи Бомарше «Свадьба Фигаро».

Зимой прошлаго года молодая артистка съ огромнымъ успѣхомъ сыграла въ Кронштадтскомъ театрѣ главную роль въ комедіи «Дикарка». Изъ ролей, прекрасно исполненныхъ ею въ клубахъ, отмѣтимъ, сверхъ того, главныя роли въ пѣсняхъ: «Дѣвчонки», «Женитба Вѣдугина», «Дѣтскій докторъ», «Выгодное предпріятіе». А. З. Тютрюмова относится къ своему дѣлу съ большою любовью и добросовѣстностью, а потому, при несомнѣнномъ ея природномъ дарованіи и счастливой вѣнѣ, передъ ней открыта широкая артистическая будущность.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Изъ Термеза экспедиція раздѣлилась на два отряда: — одинъ долженъ былъ отсюда спускаться внизъ — до устьевъ рѣки, другой — подняться къ верховьямъ, для изслѣдованія притоковъ Вахша и Пенджа.

24-го августа, къ десяти часамъ утра, низовой отрядъ, къ которому присоединился и я, былъ совершенно готовъ къ выступленію.

Отрядъ этотъ раздѣлился на двѣ части: одна отправилась на канкъ — наливномъ, внизъ по теченію Аму, другая по берегу сухимъ путемъ. Мѣсто общаго почлега назначено было въ Шуратъ (переправномъ пунктѣ, отстоящемъ, какъ говорили, въ трехъ тамахъ отъ Термеза).

Довольно скверный, старый и дающій постоянную течь канкъ (другаго лучшаго не было) былъ приспособленъ къ путешествію слѣдующимъ образомъ: на дно поперекъ лодки было уложено десятка два бревенъ, кривыхъ и тонкихъ, не болѣе двухъ съ половиною аршинъ длиною, какіе только удалось собрать на берегу; на эти бревна настлали продольно камыши, такъ что вся эта настлака возвышалась надъ дномъ на четверть аршина — не лишняя предосторожность, въ виду накопленія воды отъ течи. У носовой и кормовой части оставлены были мѣста для вычерпыванія и, кромѣ того, на носовой-же части была сложена небольшая печь изъ кирпичей, добытыхъ въ развалинахъ.

Такъ какъ одинъ изъ спутниковъ плавателей былъ боленъ, то на средней части устроена была для него кровать на ножкахъ; остальные расположились попросту, на настлкахъ. Багажъ сложили по бортамъ, соблюдая равновѣсіе, и надъ всѣмъ этимъ, какъ защита отъ палящаго солнца, натянуть былъ двухсторонній тентъ изъ походныхъ казачьихъ палатокъ.

Кромѣ большого Соколовскаго, на канкѣ помѣстились Мушкетеръ, Сорокинъ и Кречмеръ, а я, сформировавъ конный отрядъ изъ двухъ казаковъ и девяти джигитовъ, направился берегомъ. Со мною также шли и заводная лошадь, принадлежавшая тѣмъ, что плыли на канкѣ, — и, кромѣ того, нѣсколько коней подъ легкимъ выходомъ.

За полчаса до отхода нашего отряда, всѣ члены экспедиціи собрались къ канку, поздравлять въ послѣдній разъ вмѣстѣ, и ровно въ одиннадцать часовъ судно отчалило отъ берега. Велѣдъ за отплывающимъ канкомъ и конный отрядъ, направившись по тропинкѣ, ведущей по самому обрыву праваго берега, такъ что долго еще, около четырехъ верстъ пути, конные могли видѣть мало отстоящихъ отъ нихъ плывущихъ товарищей.

За четвертою верстою дорога стала все болѣе и болѣе отклоняться отъ настоящаго берега рѣки и приближаться къ старому, матерому берегу, обрывистыя террасы котораго видѣлись желтою грядою справа, отступая отъ рѣки на разстояніи трехъ верстъ. Въ одномъ пунктѣ, именно на полупути между Термезомъ и Шурапомъ, промежутокъ этотъ достигаетъ шести верстъ, образуя поросшую кустою, лунообразную долину.

Старый берегъ Аму, до котораго вода не достигаетъ даже въ самыя сильныя, исключительныя половодья, рѣзко выдѣляется на горизонтѣ своими пес-

чанниковыми, подмытыми обнаженіями и крутою осыпью; мѣстами его прорѣзываютъ глубокія поперечныя промоины. На грѣбахъ не видно никакой растительности, кромѣ жиденькихъ кустиковъ окладистаго и полынн. Далѣе, въ глубь мѣстности, далеко простираются бугристые пески, того-же характера и вида — какъ тѣ, которыми мы проходили на второй половинѣ пути, между Кокайты-Пойна и Термезомъ.

Низовая долина, которую тянулся конный отрядъ, почти сплошь покрыта толстымъ слоемъ ила и представляетъ сроду превосходную почву для посѣвовъ джугары и арбузныхъ бакшей; обработанныя мѣста встрѣчаются очень рѣдко, но необработанныя сплошь поросли густымъ гречишникомъ и турангылъ (ropulus diversifolius) — шtamпы послѣднихъ достигаютъ до трехъ вершковъ въ діаметрѣ и шести аршинъ высоты. Долину, мѣстами, перебегаютъ небольшіе песчаные наносы, образуя борхониты гряды, и всѣ по направленію сѣверо-восточному. Вся мѣстность прорѣзана арыками и запрудами, гдѣ застоялась и гниетъ рѣчная вода, распространяя невыносимый запахъ. Надъ этими лужами видны туманныя пятна, — это несметныя рои мошекъ; застоявшіяся воды кишатъ микроскопическимъ населеніемъ и густо заросли водяными растеніями; арыки тоже заросли камышами и придаютъ всей мѣстности чрезвычайно оригинальный видъ. Мы двигаемся по какому-то зеленому лабиринту. Задній всадникъ видитъ только крупъ передней лошади; весь отрядъ растянута чуть не на версту. Стебли камыша съ размахомъ хлещутъ куда попало; все время надо бережъ лицо отъ неожиданныхъ ударовъ... Рои комаровъ и мошекъ преслѣдуютъ насъ неутомимо и озлобленно, воздухъ тяжелый и душный, — просто чувствуешь эти лихорадочныя тѣлостныя мазмы...

По берегу, почти непрерывною цѣпью, выдѣются аулы туземцевъ. Жители этихъ ауловъ всѣ туркмены изъ рода «далл» — очень красивый типъ, особенно мужчины. Всѣ они носятъ типичныя туркменскія шапки изъ баряняго мѣха, чалма не видно вовсе; женщины ходятъ съ открытыми лицами и не прячутся при приближеніи русскихъ, въ первые видѣнные ими всадниковъ, а смотрятъ на нихъ съ нѣкоторою гордостью и не выказываютъ особеннаго любопытства. На головахъ женщинъ, этихъ горбоносыхъ, странныхъ смуглянокъ, часто встрѣчается оригинальный головной уборъ, по виду напоминающій наши тверскіе кокошники.

Хозяйство этихъ ауловъ состоитъ изъ запасекъ джугары и арбузныхъ бакшей; скотоводство ограничивается разведеніемъ козъ и барановъ, — послѣднихъ меньше: крупная скотина не выдерживаетъ здѣшняго, обильнаго комарами и сѣвными, лѣта, лошади закупаются съ головы до ногъ войлоками, и всѣ почти страдаютъ воспаленіемъ глазъ отъ навозныхъ дымокуръ — средство противъ слѣпноты.

Лѣтнія помѣщенія туркменъ-далл состоятъ изъ войлочныхъ кибитокъ и шалашей, сдѣланныхъ изъ камышевыхъ плетенки; ближе къ водѣ видны ихъ зимовья, сакли, обнесенныя глинобитными стѣнами; у зимовокъ видны группы фруктовыхъ деревьевъ и тополевыя питомники, но очень мало.

Джугара, это основа питанія всего населенія, обширныя плантаціи которой прорѣзываютъ наша тропинка, уже начала дѣлаться; ея многочисленныя сочные шишки наливаются на солнцѣ и привлекаютъ громадную стаю воробьевъ.

Все юное населеніе занято спутиваніемъ жадныхъ, крылатыхъ воровъ, для чего на поляхъ устроены глинобитные столбики, до трехъ аршинъ вышиною; на этихъ сторожевыхъ обсерваторіяхъ торчатъ полуголыя, а то и вовсе голыя, точно бронзовыя, дѣтскія фигурки, вооруженныя веревочными пращами. Камелии и колючки глины свисаютъ, прорѣзывая воздухъ по всѣмъ направленіямъ; слухъ путешественника поражается всевыми возгласами и перекрывающимся юныхъ охранителей отцовскихъ плантацій.

Переправа Шурапъ находится на дорогѣ, ведущей изъ Шарабада въ Балхъ. Въ этомъ мѣстѣ извилистый боковой протокъ отрѣзываетъ отъ праваго берега продолговатый низменный островъ, половина котораго, ближайшая къ фарватеру, нѣсколько возвышена и поросла густымъ камышемъ и гречишникомъ; другая-же половина — совершенно оголенная отмель, затопляемая и въ полую воду. Противъ этого острова, на старомъ матеромъ берегу, въ полувѣрѣхъ разстояніи отъ воды, видны еще довольно сохранившіяся глинобитныя стѣны крѣпости «Шурапъ-Кала». Укрѣпленіе это, давно уже брошенное, имѣетъ видъ четырехугольнаго редута съ полукруглыми башнями по угламъ... За Шурапъ-Калою горизонтъ замыкается горнымъ хребтомъ Кокайты-тау красивою линіею спускающимся къ самой Аму-Дарьѣ.

Кибитки для нашего почлега поставлены были на самомъ берегу, на узкой полосѣ между обрывомъ и обширными плантаціями Джугары. Самыя кибитки были спосны, устланы породочными туркменскими коврами и визанными стеганными одеялами, но что касается до кулінарнаго искусства обитателей Шурапа, то оно оказалось не въ блестящемъ положеніи.

Едва я успѣлъ сойти съ коня и вооружиться би-

ноклемъ для осмотра развѣивающейся передъ моими глазами водной поверхности, испещренной отмелями и островами, какъ замѣтилъ, верстахъ въ трехъ, недалеко отъ входа въ боковой протокъ, бѣлый тентъ нашего канка... Судно шло медленно, часто кружилось, уступая силѣ теченія и не слушаясь рулевыхъ веселъ, безпрестанно при этомъ задѣвая плесто-песчанья мели.

Полчаса спустя послѣ нашего прибытія, поднявшася, наконецъ, и канкъ; канчукъ (лодочникъ) просто-на-просто повыскакивалъ на берегъ протока, принявъ бичевою и тягую доставили судно на указанное мѣсто.

Товарищи жаловались на неумѣлость и неопытность лодочниковъ и на плохія качества лодки; но другой не было — по неволѣ приходилось пользоваться этимъ жалкимъ канкомъ и его еще болѣе жалкимъ экипажемъ до Келифа, гдѣ рассчитывали устроиться, съ помощію келифскаго бека, гораздо удобнѣе наше дальнѣйшее плаваніе.

Въ Термезѣ мы составили маршрутъ нашего плаванія, и по этому маршруту предполагалось дойти до Келифа въ трое сутокъ, т. е. имѣть на пути два почлега: въ Шурапѣ и Чунка-Гузарѣ. Здѣсь-же оказалось, что до Келифа только осталось шесть ташей, т. е. около пятидесяти верстъ, что легко пройти въ одинъ день; эти свѣдѣнія не сохранились ни съ нашею картою (сорокъ верстъ въ дюймѣ), ни съ свѣдѣніями въ замѣткахъ Выкова, по указанію котораго отъ Шурапа до Келифа шестьдесятъ девять верстъ, — на двадцать верстъ болѣе, чѣмъ намъ здѣсь говорили. Мы рѣшили завтра-же проверить это разногласіе и распорядились такъ: канкъ и отрядъ должны были идти весь день, имѣя приравъ въ Чунка-Гузарѣ, а канкъ — плыть безостановочно до темноты, чтобы выиграть время, не соображаясь съ движеніемъ конныхъ. Амзекдару дали знать, что предполагаемый почлегъ въ Чунка-Гузарѣ отмѣняется.

Распорядившись, такимъ образомъ, съ вечера, мы легли спать. Ночь эта прошла не особенно спокойно. Въ соседнихъ, полузатопленныхъ водою заросляхъ камыша развивались шалаги и уточили насъ съ полудни огватительнѣйшимъ концертомъ, кромѣ того, — правда, уже послѣдніе, замирающие къ осени, рои комаровъ всю ночь не давали спать людямъ и покойно жевать сѣно нашимъ конямъ... Туземцы утѣряютъ, что комары еще съ недѣлю преслѣдуютъ, но не болѣе. Къ разсвѣту стало довольно свѣжо, понадобились бурки. Часовъ въ пять утра отчалилъ канкъ, а черезъ часъ тронулись и мы, конные, по дорогѣ, ничѣмъ не отличающейся отъ вчерашней.

На переходѣ въ Чунка-Гузаръ мы въ первый разъ (въ этой мѣстности) видѣли фазановъ. Красныя птицы поминутно перебѣгали тропинку и шумно взлетали надъ густыми чащами гречишника и турангылъ.

Три часа добраго конскаго шага, и мы прибыли къ чунка-гузарской переправѣ, гдѣ выставлены были кибитки для привала.

Противъ этого мѣста видна громадная отмель, вся испещренная стоячими лужами водныхъ затопковъ. Вода въ Аму очевидно сбываетъ... Противоположный афганскій берегъ Аму тянется низменною равниною, густо поросшею камышемъ... День туманный, и выскокій оригинальный холмъ «Шуръ-Тюбе» на томъ берегу едва-едва очерчивается голубоватыми силуэтами.

Съ половины одиннадцатаго утра поднялся сильный западный вѣтеръ противъ теченія Аму. Вся поверхность рѣки покрылась крупною зыбью; береговой прибой, пѣныстыми волнами набѣгалъ на отмель... Вѣтеръ все усиливался и усиливался... Весь горизонтъ затянуто пыльною мглою.

А канка все еще не было въ виду.

Явилось невольное предположеніе, что нашъ жалкій расшатанный канкъ не справится съ бурей... Предположеніе это нашло поддержку въ мѣстныхъ аскалахъ, насъ сопровождавшихъ... Оба старика съ безпокойствомъ поглядывали на рѣку и даже послали одного коннаго джигита обратно по берегу высматривать судно.

Оставить канкъ плыть независимо, какъ предполагали вчера, было-бы, по меньшей мѣрѣ, неосмотрительно, и я рѣшилъ не трогать съ мѣста, пока дѣло съ канкомъ не разъяснится.

Только въ половинѣ перваго часа замѣчено было наше судно; его сильно отнесло къ лѣвому афганскому берегу. Канкъ не могъ попасть въ нашъ правый протокъ и съ усиленіемъ огибалъ островъ съ противоположной стороны. По маневрамъ лодки можно было предположить, что плывцы намѣрены плыть дальше, не останавливаясь у Чунка-Гузара, да и подойти сюда при этомъ вѣтрѣ не было для нихъ никакой возможности: ихъ сейчасъ-же прижагло вѣтромъ къ западному берегу и выбросило-бы на мель, что, кажется, уже, отчасти, и случилось, потому что на полузатопленной косѣ острова, были чуть видны въ бинокль два человѣка, идущіе въ бродъ пѣшкомъ, вѣроятно буксирующие канкъ бичевою.

На всякій случай я оставилъ на берегу провизію (сырое мясо и лепешки) и записку къ Соколовскому. Все это я велѣлъ мѣстному амзекдару передать пассажирамъ канка, если-бы онъปรากฏъ къ ночи гдѣ-нибудь поблизости. Амзекдаръ долженъ былъ здѣсь

оставаться и наблюдать за канкомъ, а съ наступле-
ніемъ темноты — разложить по берегу сигнальные
огни.

И выступили съ коннымъ вперед и въ три часа
пути достигъ Кара-Камара.

Вѣтеръ все усиливается и усиливается; тучи пыли
и песку несутся намъ на встрѣчу и чрезвычайно за-
трудняютъ ходъ... Вдали ничего не видно. Харак-
теръ мѣстности все тотъ-же, только на восьмой вер-
стѣ пришлось, для сокращенія пути, подняться на
крутизну матерого берега и пересѣчь часть песча-
ной пустыни буржастаго характера.

Когда отрядъ снова спустился въ береговую доли-
ну, то, между троюю и берегомъ, потянулись пре-
красно обработанные плантаціи... Вся мѣстность
изрѣзана правильными, часто содержанными арыка-
ми; видны квадратные резервуары воды (хаузы),
сады съ опрятными, просторными садами, аккурат-
но огороженными глинобитными стѣнами... Вся кар-
тина дышала довольствомъ и относительно ком-
фортномъ, но за то дальше, за ташъ до Кара-Камара,
опять потянулись запущенные, едва сохранившіе
слѣды обработки и орошенія, заросли камыша и
болотистыя пространства, сливающиеся съ самымъ
берегомъ.

Стало темнѣть, и кони наши утомились изрядно.
Аксакалъ совѣтовалъ намъ оставаться здѣсь на по-
члегъ, увѣряя, что мы всю ночь пробьемся даромъ и
все равно не дойдемъ до Келифа однимъ переходомъ.
Дѣлать нечего, пришлось оставаться.

Такъ какъ этотъ почлегъ не входилъ въ програм-
му пути и явился неожиданностью, то мы имѣли
права и претендовать на нераспорядительность мѣст-
наго аксакала, не заготовившаго намъ здѣсь ни ки-
битокъ, ни провизіи. Кое-какъ, впрочемъ, мы добыли
немного корму для лошадей, благодаря энергіи и
ловкости высланнаго намъ на встрѣчу зятя шира-
бадскаго бека — Дивачи... Ночью, впрочемъ, жи-
воты привели откуда-то живаго барана, котораго и
предали немедленно закланію.

Думая, что если и не засвѣтитъ, то въ началѣ по-
чи канкъ подойдетъ къ мѣсту нашей стоянки, я ве-
лѣлъ разложить на берегу колоссальный сигнальный
костеръ и поддерживать его вѣщеніи всей ночи. Кар-
тина нашего бивуака, освѣщенная заревомъ этого
костра, была очень эффектная.

Часамъ къ шести вечера вѣтеръ нѣсколько стихъ
и пыль улеглась. Воздухъ очистился, и вперед, правѣ
показались довольно явственно отроги хребта
Кузатъ-тау, а ближе, гораздо ниже перваго, — отдѣль-
ная гряда Кара-Кумаръ, тянущаяся параллельно Ку-
затъ-тау.

Келифъ находится по ту сторону этихъ отроговъ.
Завтра, значитъ, предстоитъ намъ двойной перевалъ.

Въ часъ ночи ровно меня разбудили. Прискакалъ
гонецъ съ Чунка-гузара съ вѣстями съ канка, вѣ-
стями не особенно приятными.

Это была записка на клочкѣ бумаги каранда-
шемъ отъ Н. В. Сорокина — слѣдующаго содержанія:
«Сильный вѣтеръ прибилъ насъ къ афганскому
берегу. Афганцами задержаны три нашихъ казака
и четыре сарта канкей, которые тянули канкъ би-
чевою. Выходимъ изъ Чунка-гузара въ пять часовъ
вечера. Придя въ Келифъ, попросите бека помочь
освободить казаковъ и доставить ихъ прямо въ Ке-
лифъ, такъ какъ лодокъ здѣсь не находится. Дѣй-
ствуйте дипломатично, чтобы не падать шума».

Это была уже не неприятность, а вѣчно похожее
на крупное несчастье, если принять во вниманіе
слѣдующую обстановку дѣла.

Хотя официально Бухара и Россія не были въ
войнѣ съ Афганистаномъ, но отношенія афганцевъ
къ намъ не могли назваться особенно дружескими;
отношенія эти были до нельзя натянуты, а афган-
скій народъ относился прямо враждебно.

Случайность заставила канкъ подойти къ афган-
скому берегу; случайность заставила нашихъ каза-
ковъ и несчастныхъ канкей высадиться на берегъ, и
этой случайностью афганцы воспользовались, за-
хвативъ живьемъ неожиданныхъ гостей. Теперь во-
просъ заключался въ слѣдующемъ: захватили-ли ихъ
по приказанію афганской администраціи афганскія
войска или просто народъ? Если первое, — то это еще
поправимо, если второе, — то захваченнымъ грозитъ
бѣда великая.

Населеніе лѣваго берега занимается грабежомъ и
рабо-торговлею; трое русскихъ здоровыхъ казаковъ —
товаръ выгодный, и конечно, захватившіе посѣщав-
бы сираты ихъ отъ своихъ властей и тихонько сбытъ
на рынокъ Мерва и Герата. Надо было, значитъ, не-
медленно увѣдомить губернатора Мазаръ-и-Шерифа
о томъ, что случилось въ его владѣніяхъ и потребо-
вать отъ него распоряженія о выдачѣ плѣнныхъ об-
ратно. Все это можно было сдѣлать только изъ Ке-
лифа, съ помощью тамошняго бека, и я, не теряя
времени поднялъ отрядъ съ разсвѣтомъ на ноги и
погналъ его въ Келифъ форсированнымъ маршемъ.

Пройдя береговою тропинкою, между густыхъ
стѣн камыша, версты три, отрядъ выбрался на ма-
терой берегъ и шель верстѣ восьмью песчаными га-
лечными розкнами. Горы Кузатъ-Тау остались
далеко правѣ, ближе къ самой дорогѣ спускался

кряжъ Кара-Кумаръ, а прямо, пересѣкая путь и спу-
скался къ самой рѣкѣ — отрогъ Кузатъ-Амаръ (же-
ребчатый прыжокъ), черезъ который вѣль не высокій
сѣдовидный перевалъ, довольно еще сносный на
подъемѣ съ этой стороны, но чрезвычайно трудный
для спуска со стороны противоположной. Даже при-
вычные джигиты, на привычныхъ, испытанныхъ ко-
няхъ, должны были сѣшиться и вести лошадей въ
поводу.

Дальше пошла уже превосходная, ровная камен-
стая дорога, правѣ которой и лѣвѣ возвышались
короткіе островообразные гряды холмовъ съ обна-
женными головами песчанниковыхъ пластовъ, обра-
щенныхныхъ къ рѣкѣ, т. е. на юго-юго-востокъ (S-O-S). На
томъ берегу возвышались продолженіе этихъ хреб-
товъ, прорѣзанныхъ бассейномъ рѣки, образуя гор-
истую, обрывистую часть афганскаго берега. За по-
слѣдними грядами праваго берега тянулася зеленая
полоса садовъ, и надъ ними темнѣла насыпь искус-
ственного кургана, увѣнчаннаго пицателью, — это
помѣщеніе самого бека келифскаго. У подножья этого
кургана и дѣлался сады и прочія строенія города,
весьма жалкаго на видъ, бѣднаго, будто заброшен-
наго на произволъ мертвымъ пескамъ, желтыя массы
которыхъ тянулись чуть не до самаго Карши и грани-
цы заравнанскаго и тергисабскаго бассейновъ.

(Продолженіе будетъ.)

Знаменитый художникъ Доре приготовляетъ, въ на-
стоящее время, роскошную композицію — картину на
громдномъ полотнѣ; сюжетъ ея — «апогей славы Виктора
Гюго». На первомъ планѣ, предъ зрителемъ прекрасно
исполнена сцена, на которой сидитъ В. Гюго и держитъ
лиру; вѣтеръ колеблетъ ея струны; внизу страшно бушу-
ющее море, на которомъ видны «Travailleurs de la Mer»;
на небѣ звѣзда — эмблема его трудовъ «Chatiments»;
слѣва — юность поэта, изображенная въ аллегориче-
скихъ фигурахъ музъ, пери и волшебницъ; справа — три
грации несутъ его лавры къ виднѣющемуся вдали мра-
жорному чертогу — аллегорическому обиталищу Гомера,
гдѣ видны двѣ дѣвы, «Иліада и Одиссея»; еще даль-
ше, — на яркомъ горизонтѣ видны четыре зданія: жилища Дан-
те, Виргилія, Шекспира, Гёте; а лѣвое — начинается
проявленіе, и изъ него выходитъ въ необыкновенномъ
блескѣ величественная тѣнь Гюго.

Извѣстный нашъ профессоръ А. П. Мещерскій окан-
чиваетъ на открывшюся въ Лондонѣ международную ху-
дожественную выставку прекрасную, большихъ размѣ-
ровъ картину, изображающую русскую «Зиму».

Въ Боннѣ (23-го) 11-го мая открытъ колоссальный
монументъ Шуману.

Въ день общаго собранія членовъ общества поощре-
нія художниковъ была открыта выставка учениковъ шко-
лы общества. Работы учениковъ заслужили общаго одоб-
ренія. Многіе изъ работъ исполнены дѣлательнотой не
только хорошо, но даже артистически. Въ числѣ клас-
совъ, выказавшихъ особое успѣхъ, нельзя было не обра-
тить вниманія на классъ живописи по фарфору и фа-
лнсу. Нѣкоторые изъ этихъ работъ на столько были
удачны, что общество поднесло ихъ Государствѣмъ Импе-
ратрицѣ и Государю Императору въ день 19-го февраля.
Особыхъ наградъ, то-есть медалей, удостоились по жи-
вописи на фарфорѣ и фалнсѣ г-жи Польцова и Нази-
мова; по рисованію съ бюстовъ большую медаль по-
лучилъ г. Биркинъ, а малыя гг. Вербовъ и Петровъ;
по рисованію съ натуръ большую медаль получилъ
г. Александровъ, а малыя — г-жи Зифетръ и Барсукова;
по классу зѣлени большой медали удостоился г. Ка-
расевъ, а малой — гг. Шуруновъ и Рѣпинъ; по gravi-
рованію на деревѣ второй медали удостоился г-жа Ма-
шукова; по классу акварели съ натуръ вторую медаль
получила г-жа Ренненкампфъ.

Въ истекшемъ учебномъ году школу общества посѣ-
щало 927 человѣкъ (607 въ мужскихъ классахъ, 320 въ
женскихъ). Изъ нихъ воспитанниковъ учебныхъ заведе-
ній было 48, студентовъ 33, кадетъ 19, крестьянъ 13,
мѣщанъ 48, купцовъ 43, военныхъ 36, чиновниковъ 51,
дворянъ 39, лицъ духовнаго званія 9, наконецъ, масте-
ровъ и ремесленниковъ 268 лицъ.

Въ истекшемъ году въ школѣ прибавлены два класса:
изученіе декоративной живописи клеевыми и масляными

красками и классъ черченія съ оттѣвкою тѣней. Къ
этимъ классамъ прибавлены также популярныя лекціи
по исторіи искусства.

Въ началѣ истекшаго года, впервые, стали обращаться
въ школу съ заказами отъ частныхъ лицъ и фабрика-
товъ. Заказы эти постепенно увеличивались, и къ концу
года ихъ было такъ много, что не хватало рукъ для
выполненія заказовъ къ сроку. Главная доля заказовъ
шла на рисунки по промышленной части для фабри-
кантовъ.

Художникъ М. О. Микѣшинъ ѣдетъ въ Парижъ съ
тѣмъ, чтобы тамъ посвятить свою дѣятельность, исклю-
чительно, иллюстраціоннымъ работамъ. Нѣтъ сомнѣній,
что по части русской иллюстраціи Микѣшинъ не оста-
нется въ Парижѣ безъ работъ; такъ какъ изъ имѣю-
щихся тамъ нашихъ художниковъ занимается этимъ дѣ-
ломъ одинъ Дмитріевъ-Оренбургскій, и тотъ, какъ намъ
передавали, заваленъ работами.

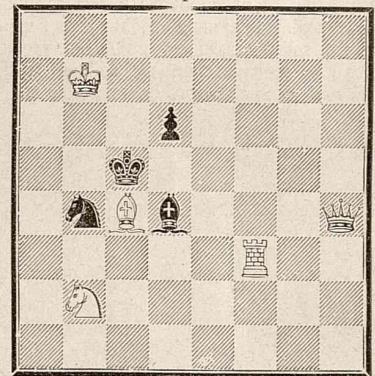
Въ Нью-Йоркѣ проектируется постройка новаго опер-
наго театра Metropolitan Opera House Company; для
этой цѣли удалось уже собрать по подпискѣ сумму
въ 600,000 долларовъ.

ЗАДАЧА № 544.

Д. В. Кларка (въ Барнаулѣ).

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и дѣлаютъ матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 463.

Пиграна въ Парижѣ въ Café de la Régence, 23 апрѣля
1880 г.

Вѣнскій дебютъ.

Бѣлые.	Черные.
А. Клеръ (Clerg). М. Безкровный.	
1. e2—e4	1. e7—e5
2. b1—c3	2. g8—f6
3. f2—f4	3. d7—d5
4. d2—d3	4. f8—b4
5. a2—a3?	5. b4—c3
6. b2—c3	6. d5—c4
7. f4—c5	7. f6—g4
8. d3—d4	8. e4—c3
	9. g1—h3
	10. d1—f3
	11. c3—d4
	12. a1—b1
	13. c1—d1
	14. f3—c3
	15. f1—e2
	16. 0—0—0
	Сдаются.

Примѣчанія М. С. Безкровнаго.

1) Это любимый дебютъ г. Кларка, которымъ онъ вы-
игралъ на большомъ парижскомъ турнирѣ 1878 г. партіи
у Мекени, Розенталя, Энгельса и др.

2) Г. Клеръ очень хорошо анализировалъ варианты,
связанные съ ходомъ 2. b8—c6; въ особенности гамбитъ
Стейница. Чтобы избѣжать эти варианты, я всегда
отвѣчаю 2. e8—f6 и изъ 4-хъ партій въ среднемъ числѣ
проигрываю только одну.

3) Лучшій ходъ здѣсь 5. f4—e5, но г. Клеръ сыгралъ
иначе, чтобы избѣжать слѣдующей сильной, но, кажется,
не совсѣмъ солидной атаки: 5. f4—e5; 6. e4!; 6. d3—c4,
d8—h4!; 7. c1—e2, c8—g4!; 8. g1—f3, b4—c3; 9. b2—c3,
d5—c4; 10. d1—d4, g4—h5; 11. 2—3 (какъ въ матчевой
партіи Стейница съ Блазурномъ), h5—f3; 12. f1—e5+
(чтобы избѣжать вѣчнаго шаха) и т. д. Или 11. e2—d2,
h5—f3; 12. g2—f3, h8—g6; 13. d4—c3 (если d4—c4,
то ферзь потерянъ), 0—0—0!; 14. d2—c2, e4—f3+
и т. д.

4) Хотя этотъ ходъ и не хорошъ, но спасти партію
уже невозможно.

Всесвѣтная Иллюстрація

№ 594.] Годъ XII.

24 мая 1880 года.

[Томъ XXIII. № 22.

Статуя на памятникъ А. С. Пушкину въ Москвѣ, выполненная академикомъ А. М. Опекушинымъ.

(Рисоваль А. Бальдигеръ).

формы и эффекта. Въ непрошенных совѣтахъ людей, не понимавшихъ дѣла, былъ даже излишекъ усердія. И совѣтники эти заврались до того, что предлагали отложить — не меньше какъ на 15 лѣтъ — выполнение модели для памятника Пушкину, чтобы призвать къ труду новое поколѣніе скульпторовъ. Какъ будто можно впередъ предвидѣть, что черезъ 15 лѣтъ явятся у насъ лучшіе скульптурные таланты! Другая идея, высказанная печатью, была болѣе примѣнима. Предлагали занять двухъ-трехъ скульпторовъ, уже проявившихъ на предшествующихъ конкурсахъ талантливость, съ тѣмъ чтобы выставили они свои модели, выработавъ ихъ какъ можно лучше. Комитетъ остановился на этомъ рѣшеніи и не прочь былъ еще разъ дать премію за статую поэта, которая оправдала бы общія надежды, представивъ Пушкина похожимъ и давъ изящную форму некрасивому, въ сущности, современному костюму.

Съ этими побужденіями рѣшена третья выставка моделей въ помѣщеніи постоянной выставки общества поощренія художниковъ, въ мартѣ 1875 года.

Здѣсь выступили гг. Забѣлло, Шредеръ, дѣлавшіе лучшія фигуры на памятникъ Тысячелѣтія, Опекушинъ, выполнявшій фигуры сотрудниковъ Екатерины II на ея памятникъ, и Антокольскій, котораго черезъ-чуръ расхвалили и приподняли за статую сидящаго «Грознаго»; Забѣлло и Опекушинъ сосредоточили все свое вниманіе на выработкѣ портретной

Архієпископъ Гавріилъ Айвазовскій, начальникъ армяно-грегоріанской грузино-имеретинской епархіи † 8 апрѣля.

(Рисов. П. Ф. Борель).

фигуры Пушкина, задаваясь, болѣе всего, идеєю представить намъ поэта съ присущимъ ему одному, индивидуальнымъ выраженіемъ думы и мечтательности. Опекушинъ выставилъ шесть моделей; Забѣлло — двѣ. Опекушинъ далеко оставлялъ за собою соперника мастерствомъ выполненія въ лѣпкѣ, кромѣ достиженія болѣе граціи въ формахъ. Поза поэта — заложеніе руки на груди — у обоихъ была естественная и непринужденная. У Забѣлло на лицѣ выраженіе ума и энергіи тоже было, только нѣсколько грубѣе. Забѣлло № 4-й и Опекушина № 7-й были, безспорно, лучшими изъ всего выставленнаго, хотя первый и сильно уступалъ послѣднему даже въ лучшей своей модели. Такъ что здѣсь, если выборъ остановить захотѣли-бы распорядители на портретной фигурѣ поэта, то бралъ первенство Опекушинъ. Г. Шредеръ, представивъ Пушкина съ перомъ въ правой рукѣ и сверткомъ бумаги въ лѣвой, въ сюртукѣ, задрапировавъ его ниже пояса плащомъ, — и если онъ бралъ въ силуэтѣ, то терялъ все въ изящности выполненія, не обѣщая и будущей обработкою устранить отсутствіе непринужденности позы. Группы у него, посаженные на выступахъ базы, и барельефы на пьедесталѣ, кромѣ увеличенія расходовъ, не сулили особенной красоты, хотя были пріятны и не портили общаго эффекта своимъ ансамблемъ, представляя нарядное цѣлое, сильно бьющее на декоративность, — не болѣе. Но по части декоративности бралъ верхъ самое зада-

Самарская ученая экспедиція въ Среднюю Азію. — Развалины крѣпости Джигитъ-кала.

(Рисовалъ гашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Карзинъ).

чею своею проектъ Антокольскаго, теперь только и выступившаго конкурентомъ уже извѣдавшихъ силы своихъ соперниковъ.

М. М. Антокольскій представилъ Пушкина сидящимъ на отвѣсномъ монолитѣ, съ боку котораго размѣстилъ отдѣльно фигуры по уступамъ, напоминавшимъ витую лѣстницу — для полного сходства съ нею и представленія поручня, обведеннаго по краю вѣшняго обрыва преградою отъ паденія, проволокою. По уступамъ съ боку монолита Антокольскій поставилъ постепенно, возвышая однихъ надъ другими, девять фигуръ: Мазепу, Пугачева, Сальери, Моцарта, императора Пимена, царя Бориса, Татьяну, Скулаго Рыцаря и Рыбака. Почему эти типы выбралъ композиторъ, мы не имѣемъ права спрашивать, а можемъ только удивляться, почему, напримѣръ, оказана въ «Капитанской Дочкѣ» честь помѣщенія Пугачеву, даже не составляющему главнаго персонажа, не говоря уже о Пугачевскомъ бунтѣ, гдѣ авторъ не снабдилъ самозванца исключительными чертами характера и человечности. Памятникъ между тѣмъ долженъ служить цѣли нравственнаго воспитанія и возвышенія духа образами творчества высоко-человѣчнаго. И, не касаясь ошибочности вы-

М. С. Мазуринъ, коммерціи совѣтникъ † 13 февраля.

(Рисов. П. Ф. Борель).

бора типовъ, что на самомъ дѣлѣ — крошечной новостіи идеи, представляющей выгоднаго въ художественномъ отношеніи проектная модель Антокольскаго? Фигуры боковыя у него совершенно не связаны между собою и не составляютъ группы. По своему положенію, стоя ниже и выше, онѣ не даютъ возможности выгодно разсматривать ихъ съ одного или нѣсколькихъ пунктовъ. Размѣръ ихъ относительно верхней фигуры поэта сравнительно малъ, а онѣ между тѣмъ ближе къ зрителю, и изъ-за нихъ видѣе выдвигается невыгодно не производящая эффекта масса скалы. Скажемъ болѣе: на этой массѣ онѣ могутъ выдѣляться въ бронзѣ, пока она не потускнѣла, а потомъ выдѣленіе будетъ недостаточнымъ, и, представляясь пятнами, онѣ должны утратить самую большую часть эффекта, на который больше всего упирали цѣнители державшіе сторону Антокольскаго. Между тѣмъ, исчезновеніе рельефа бронзовыхъ статуй на фонѣ камня основанія — самое существенное въ вопросѣ объ эффектѣ, и явленіе ничѣмъ не отвратимое. Развѣ позолотить фигуры; но тогда получится обратный эффектъ, и полная дисгармонія тоновъ, при которой трудно разсмотрѣть достоинство переднихъ фигуръ,

Самарская ученая экспедиція въ Среднюю Азію. — Барханистые сыпучіе пески близъ развалинъ Кызъ-кала.

(Рисовалъ нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Карзинъ).

ламильямъ, — надписи: «Севастополь», «Карей», «Кавказъ», «Дунай», «Варшава», «Одесса» и др. Затѣмъ на ящикѣ — надпись: «12-го марта, Павлу Евграфовичу Коцебу, 1820 — 1880». Вообще объ исполненіи можно сказать, что работы скульптурная, чеканная, репье и изъ цвѣтной эмали, а также чистота отдѣлки, выдержанность рисунка и строгая, точная передача моделей Лансере и Жуковского дѣлаютъ ларецъ высоко-художественной вѣщью, вполне достойной поднесения маститому юбиляру, стяжавшему не только лавры на многочисленныхъ поляхъ битвъ, но и получившему извѣстность замѣчательнаго административнаго дѣятеля.

п. и.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарыя.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Рѣски эти сдѣлали уже значительные успѣхи въ своихъ набѣгахъ на трудъ человѣка. Чистый, мелкій, словно сквозь сито просѣянный, песокъ образовалъ среди зеленъ прибрежныхъ полей и садовъ длинныя, волнообразныя барханы. Такіе-же барханы видны и у самыхъ стѣнъ города, засыпая бѣдныя сады городскихъ предмѣстій.

Келифы азиатно повинуется волѣ Аллаха и не принимаютъ никакихъ мѣръ противъ песчаныхъ набѣговъ; они только жалуются на сильныя, рѣзко мѣняющіе свое направленіе вѣтры, налетающіе на городъ съ силою урагана.

Численность всего населенія города и окрестныхъ кышлаковъ не превышаетъ трехъ тысячъ кибитокъ (здесь счетъ населенія ведется какъ у кочевниковъ — кибитками). Въ базарные дни, по пятницамъ, городъ нѣсколько оживляется, но въ прочіе дни онъ глѣдитъ безмолвною могилою. Цитадель съ дворцомъ бека имѣетъ видъ безобразной, почти безформенной груды мазанокъ; надо очень пристально всматриваться, чтобы отдѣлать архитектуру отъ грунта кургана, все сіе — одна и та-же лесовая глина; отсутствие оконъ снаружи еще болѣе усиливаетъ это сходство.

У самого вѣзда въ городъ разбросаны грудообразныя груды келифскаго кладбища; кое-гдѣ торчатъ шесты съ ключами трипоки въ видѣ значковъ. Изъ могильныхъ отдушинъ и случайныхъ проваловъ тянется по вѣтру отвратительною грушею вонь, распространяя сразу въ тѣсныхъ и грязныхъ городскихъ улицахъ, отравляя воздухъ на базарѣ и въ садахъ келифцевъ. Во всемъ городѣ нѣтъ ни одного прудика, ни одной капли воды, кромѣ той, что въ сосудахъ у обитателей, ни одного деревца, ничего, что могло-бы хотя сколько-нибудь — благотворно вліять на воздухъ.

Съ приближеніемъ къ городу, зеленая полоса, производящая такое приятное впечатлѣніе издали, превращается въ два три тонкихъ таловыхъ садика и крохотныя участки джюгары, а затѣмъ сплошь дикій камышъ, единственный сильный борецъ и защитникъ рѣки отъ песчаныхъ наносовъ.

За этимъ щитомъ развѣривается широкая панорама Аму, разливающейся здѣсь на три и даже болѣе версты шириною, образующей по срединѣ тѣмъ лабиринтъ отмелей, причудливой, разнообразной формы.

Противъ келифской цитадели, внизу, между причалами бухарской и афганской переправы рѣка суживается до двухсотъ-семидесяти сажень; на той сторонѣ, у подножья гористой части берега, уступами по скату вѣняты четыре сакли и виднѣтъ загончикъ для скота. Здѣсь афганская пристань, и около нея чинно въ рядъ стоятъ три большихъ канка въ ожиданіи потребности.

На томъ берегу уныло, пусто и безлюдно; громоздятся безобразныя, голые утесы, наваленныя солцею, — тѣни никакой. На этомъ, келифскомъ берегу пристань гораздо уютнѣе. Здѣсь съ десятковъ старыхъ развѣсистыхъ таловъ образовался родъ тѣнистой аллеи, и подъ ними гостеприимно разставлены были для насъ бековскіе кибитки и сервировъ обильный досталъ ханъ.

На причалахъ келифской переправы стоятъ два канка большихъ и одинъ малый, — это всѣ перевозочныя средства келифско-мазарь-шерифскаго торговаго тракта.

Когда конный отрядъ прибылъ къ мѣсту и остановился въ тѣни таловыхъ деревьевъ, къ намъ явились аскалы города и молодой братъ бека, находившагося въ то время въ отсутствіи, по случаю проѣзда эмира изъ Карши въ Шаръ.

Первымъ дѣломъ, конечно, послѣ разнѣна официальныхъ любезностей, я сообщилъ брату бека о происшествіи съ казаками и просилъ его немедленно распорядиться посылкою людей въ Мазаръ-Шерифъ, гдѣ, въ настоящую минуту, находился афганскій губернаторъ области, и, кромѣ того, написать отъ себя тому губернатору, какъ доброму сосѣду, и просить его, отъ своего имени, о немедленномъ освобожденіи казаковъ — однимъ словомъ помочь нашему дѣлу. Братъ бека видимо былъ смущенъ моею просьбою и сталъ отъкидываться, ссылаясь на то, что самое происшествіе случилось въ предѣлахъ бекства шарабадскаго, и что онъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ распоряженіе своего сосѣда. Онъ, впрочемъ, обещалъ написать въ Шарабадъ, а оттуда, молъ, уже распорядится какъ слѣдуетъ. Видя, что дѣло, по бухарскимъ чиновничьимъ обычаямъ, идетъ на безконечныя проволочки и что просьбами толку не добьешься, я замѣтилъ временному правителю Келифа, что его государь, эмиръ-Мозафаръ, лично обещалъ намъ въ Карши всякое содѣйствіе со стороны бухарскихъ властей, и что, на основаніи этого, я былъ вправѣ ожидать со стороны келифскаго бека болѣе энергичнаго участія въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ участь трехъ русскихъ казаковъ и четырехъ подданныхъ бухарскаго эмира.

И вѣлѣлъ немедленно снарядить ответственного гонца въ Мазаръ-Шерифъ, который сейчасъ-же долженъ отправляться по назначенію, съ моимъ письмомъ къ афганскому губернатору.

Черезъ полчаса мое письмо было готово и снабжено переводомъ на персидскій языкъ, а братъ бека, внезапно воспылавъ энергіей, посылалъ гонца въ Шарабадъ и, кромѣ того, отправилъ лазутчиковъ на тотъ берегъ — вѣдѣть, что можно, объ участіи нашихъ плѣнниковъ.

Къ четвертымъ часамъ по полудни дотянулись до Келифа и нашъ сильно отставшій канкъ съ остатками уцѣлѣвшаго отъ плѣнничья экипажа. Пассажиры канка рассказали подробности дѣла.

Оказалось, что противъ Чушка-Гузара канкъ нашъ сильно нажимало противнымъ вѣтромъ на афганскій берегъ, и невозможно было двинуться иначе какъ протискиваясь судно бичевою до выдающейся впередъ косы, откуда уже можно было спускаться теченіемъ далѣе. Высаженные на берегъ люди, безоружные и въ одномъ бѣльѣ, сначала тинули канкъ безпрепятственно, хотя около нихъ и стали уже собираться афганцы въ довольно большомъ количествѣ. Объясняя это сборище простымъ любопытствомъ на канкъ не принимали никакихъ мѣръ предосторожности, но какъ разъ на конченномъ пунктѣ тѣни сильный пиквалъ вырвалъ бичеву изъ рукъ тинующихъ, и канкъ отбросило сажень на сто къ несчанымъ отмелямъ, занимавшимъ средину рѣки. Въ ту-же минуту изъ за-кучи выскочилъ конный отрядъ и моментально окружилъ конныхъ людей. Тѣмъ, конечно, пришлось покориться печальной необходимости и сдаться безъ сопротивленія, а канкъ все болѣе и болѣе относился теперь уже къ правому берегу, такъ что оказавъ помощь захваченнымъ не было уже никакой возможности, да врядъ-ли было-бы умѣстно, въ данномъ случаѣ, пускаться въ ходъ оружіе.

Теперь мы рассчитывали только на результаты письма моего къ мазаръ-шерифскому губернатору.

Ночь прошла относительно покойно, — только на томъ берегу, сквозъ туманъ, ярко свѣтили стороны жареные огни и слышались глухой гулъ барабановъ: это афганцы поднимали тревогу по поводу нашего присутствія въ такомъ близкомъ отъ нихъ разстояніи.

Рѣшивъ разъ не трогаться изъ Келифа, пока не узнаемъ точно объ участіи плѣнниковъ, — мы твердо держались этого рѣшенія.

Слѣдующій день прошелъ скудно и однообразно. Опустѣлый городъ положительно не подавалъ и признака жизни; нѣсколько десятковъ бѣдно, нищенски одѣтыхъ келифцевъ азиатно сидѣли на берегу, созерцая рѣку и нашъ маленький лагерь.

Въ теченіи дня мимо насъ, молчаливо скользя по водѣ, словно тѣни, проплыли нѣсколько плотовъ — саллы. На томъ берегу появился большой караванъ и расположился на пескѣ въ ожиданіи переправы... Братъ бека и келифскія власти заперлись въ цитадели и не показывались.

Къ вечеру солнце спустилось въ туманъ, багрово-красномъ туманѣ и поднялся сильный вѣтеръ, часамъ къ десяти превратившійся въ ураганъ, едва не сорвавшій съ мѣста нашихъ палатокъ.

Около полуночи мы были обрадованы прибытіемъ нашихъ задержанныхъ людей, которые рассказывали, что афганцы обошлись съ ними довольно прилично, кормили хорошо и намѣревались вести въ глубь страны; но начальникъ мѣстныхъ войскъ, получивъ мое письмо, рѣшилъ отпустить ихъ немедленно и даже распорядился нанять для нихъ ишаковъ.

Слѣдующій день мы простояли опять на мѣстѣ, потому что Мухметову надо было сдѣлать маленькую экскурсію верстъ за тридцать — осмотрѣть соляныя копи и ихъ разработку.

Къ девяти часамъ вечера этого дня мы ясно почувствовали довольно сильный подземный ударъ; направленіе этого удара было съ сѣвера на югъ. Въ

продолженіи минуты времени удары повторились разъ до шести, сохраняя все то-же направленіе.

Люди, лежавшіе въ минуты землетрясенія, чувствовали его сильнѣе. Интересно, что лошади отнеслись къ данному явленію совершенно равнодушно; признака безпокойства у этихъ животныхъ не было замѣчено; собаки-же бека подыали унылый, жалобный вой; лежавшіе на пескѣ верблюды нугливо повскакивали съ своихъ мѣстъ и замѣтались между выюками.

На другой день, съ разсвѣтомъ, смѣнивъ нашъ дрянной канкъ на два болѣе удобные и помѣстительные, мы тронулись далѣе, опять раздѣлившись на двѣ партіи.

(Продолженіе будетъ.)

Картинъ А. И. Кунджи, числомъ три, какъ картины, такъ и написанныя, но не вполне оконченныя, продолжаютъ возбуждать общее любопытство любителей и художниковъ. Ежедневно, не смотря на надпись: «мастерская закрыта», посѣтители являются одинъ за другимъ. Картины эти всѣ уже проданы: одна — Е. И. В. Великому Князю Константину Константиновичу; другая — Деминову кн. Санъ-Донато и третья — П. М. Третьякову. Выставка этихъ картинъ послѣдуетъ осенью въ помѣщеніи общества поощренія художниковъ.

П. Н. Крамской написалъ два замѣчательныхъ портрета: князя Щербатова и барона Гинцбурга. Портреты эти, не смотря на всѣмъ извѣстныя достоинства предшествовавшихъ работъ Крамскаго, рѣзко выдвигаются впередъ и, по общему отзыву, составляютъ въ нашемъ искусствѣ своего рода явленіе.

Императорская академія художествъ объявляетъ конкурсъ на золотую медаль по жанру, для художниковъ и постороннихъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

- 1) Право участія въ конкурсахъ предоставляется: а) окончившимъ художественное образованіе въ академіи съ 1-ю серебряною медалью, чрезъ три года послѣ выхода изъ оной; б) постороннимъ обоюдо пола.
- 2) Посторонние обоюдо пола, не воспитывавшіеся въ академіи и неизвѣстные ей по своимъ работамъ, для полученія права вступить въ конкурсъ, должны: а) написать этюдъ въ этюдномъ классѣ академіи и б) выдержать испытаніе въ композиціи. Кромѣ этого, удостоенные 1-й золотой медали, подвергаются экзамену изъ спеціальныхъ предметовъ курса академіи по живописи, если имѣютъ свидѣтельства не ниже 4-го класса гимназій.
- 3) Выборъ сюжета для конкурса предоставляется автору, съ тѣмъ, чтобы содержаніе его было объявлено совѣту въ особой запискѣ, заглаженно. При одинаковыхъ достоинствахъ, историческому жанру отдается предпочтеніе.
- 4) Въ конкурсахъ дозволяется участвовать по нѣсколькимъ разамъ.
- 5) Конкурсы будутъ происходить черезъ годъ, въ определенное совѣтомъ время, о чемъ будетъ заблаговременно сообщаться чрезъ публикацію въ газетахъ.
- 6) Удостоенный 1-й золотой медали получаетъ право на пенсионерское содержаніе въ теченіи двухъ лѣтъ. Желавшіе вѣхать за-границу получаютъ, сверхъ содержанія, путевыя въ оба конца.
- 7) Кромѣ 1-й золотой медали назначаются еще для поощренія золотыя медали: 2-го достоинства и за экспрессию. Желавшіе участвовать въ конкурсахъ текущаго года приглашаются прислать въ Императорскую академію художествъ: а) заявленія объ избраннѣмъ сюжетѣхъ къ 15-му числу августа, б) готовыя работы, предназначенныя для конкурса, къ 20 числу декабря. Посторонние, желающіе получить право на участіе въ конкурсахъ, приглашаются въ Императорскую академію художествъ 2-го іюня текущаго года, въ 11 часовъ утра, со всѣми принадлежностями для занятій въ этюдномъ классѣ.

Первый призъ въ конкурсѣ на монументъ въ честь французской республики, который будетъ воздвигнутъ на площади Châtea d'Eu въ Парижѣ, присужденъ скульптору Морису; ему-же поручено отлить бронзовую колоссальную статую Республики.

Въ Джирдженти, въ Сициліи, состоялось недавно открытіе новаго театра, который, по всей вѣроятности, будетъ названъ именемъ Верди.

Всемирная Иллюстрація

№ 596.] Годъ XII.

7 іюня 1880 года.

[Томъ XXIII. № 24.

Троицынъ день въ деревнѣ. Семигъ.

(Рисунокъ А. Баумана).

призванъ управлять. Посѣщеніе г. Сабуровымъ петербургскаго университета также произвело чрезвычайно благоприятное впечатлѣніе на профессоровъ и студентовъ университета.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Мы оставили Келифъ двадцать девятаго августа. Я продолжалъ движеніе съ коннымъ отрядомъ, выступившимъ за полчаса ранѣе кайковъ. Составъ отряда этого значительнаго сократился, такъ какъ въ кайки были приняты всѣ казаки и ихъ лошади. Отрядъ теперь состоялъ исключительно изъ меня, присоединившаго ко мнѣ ботаника Сорокина и туземныхъ джигитовъ.

Дорога наша сохраняла тотъ-же характеръ; только на серединѣ переѣзда тянулася гладкая равнина солончевато-глинистыхъ осадковъ, растрескавшаяся отъ солнечнаго жара.

Переходъ этою печальною долиною былъ томительно скученъ; знойная мгла заволакла горизонтъ, и, казалось, что конца не будетъ этой мертвой пустыни... Часа черезъ два, однако, впереди, въ туманѣ стали неясными контурами обрисовываться, покрытые кустарною растительностью, береговые суглики и блеснула желтовато-сѣрая поверхность Аму.

Мы опять вступили въ населенную береговую полосу туркменскихъ кишлаковъ, со всею уже описанною мною подробно обстановкою.

На привалъ мы стали у перепады Ходжа-Сала. Здѣсь Аму очень широка, и контуры покрытаго садами противоположнаго афганскаго берега едва очерчиваются синеватою полосой.

Кайкъ запоздалъ часа на три; однако, мы его таки дождались и, отдохнувъ всѣ вмѣстѣ, развѣившись впечатлѣніями дороги, мы тронулись далѣе, вступивъ въ чашу самой необыкновенно густой куги, поросшей на тонкой, низменной почвѣ, прорѣзанной едва замѣтными, узенькими тропинками.

По одной изъ такой тропинокъ мы и потянулись гуськомъ, другъ за другомъ, тщательно оберегая свои глаза и лица отъ размаховъ и ударовъ длинныхъ, широко-листныхъ стеблей этой береговой растительности.

Впереди, открывая шествіе, и сзади, замыкая кортежъ, ѣхали мѣстные проводники, выставленные намъ по распоряженію керкинскаго бека. Безъ помощи этихъ знающихъ проводниковъ трудно было бы намъ ориентироваться въ этой густой чащѣ. Сквозь зелень, по сторонамъ дороги, билася вода и видѣлись бездонныя топи — горе коню и всаднику, обманутому, кажущейся твердою, зеленою поверхностью такой трясины. Одна изъ нашихъ заводныхъ лошадей только скользнула задними ногами въ трясину и едва-едва спасена была съ немовѣрными усиліями джигитовъ и проводниковъ. Несчастное животное, покрытое сплошь зеленоватою вонючею грязью, будто инстинктивно сознавало только-что избѣгнутую опасность и дрожало всѣмъ тѣломъ, пугливо храни и косясь на провальное мѣсто.

Ночью здѣсь вовсе нельзя двигаться; даже мѣстные жители не рискуютъ въ темноту пускаться въ этотъ лабиринтъ зеленой куги и топей.

Пройдя около десяти верстъ этою опасною дорогою, мы выбрались-таки на твердую почву и ощутили снова въ привольныхъ, культурныхъ мѣстахъ, покрытыхъ сплошь зеленѣющими тутовыми и фруктовыми садами, исправными постройками и прекрасною обработанными плантаціями. Растительность этого участка пути чрезвычайно разнообразна. Здѣсь встрѣчаются: тутъ, таль, карагачъ, два вида тополей, дикая; а въ садахъ замѣчно было даже немного сахарнаго тростника, едва-ли, впрочемъ, достающаго здѣсь своего полнаго развитія.

Встрѣчающіеся намъ на каждомъ шагѣ представители населенія этого счастливаго уголка производили пріятное впечатлѣніе здоровымъ и красивымъ сложениемъ и порядочностью костюмовъ; эти признаки изобличали здѣсь полное довольство и спокойствіе.

Пробираясь по пыльнымъ дорожкамъ между стѣнками садовъ и плантацій, наслаждаясь почти непрерывною тѣнью деревьевъ, мы, къ сожалѣнію, замѣтили, что всему бываетъ конецъ вообще, а этому пріятному переходу въ частности.

Впереди поднимались мертвые, каменистыя громады горнаго отрога, замыкавшаго зеленый и плодотворный Хаджи-салинскій оазисъ.

Переваль, ведущій черезъ этотъ отрогъ, доходящій до самой рѣки, очень крутъ и утомителенъ; за

нимъ, справа, растилася совершенно мертвая, безконечная песчаная пустыня, а слѣва — болотистые затоны и разливы рѣки, тянуціеся верстъ на пятьдесятъ въ длину и верстъ на шесть въ ширину.

Эти болота и затоны кишели всевозможною водяною птицею. Мириады гусей, утокъ, куликотъ покрывали чуть не сплошь широкіе водные затоны. Несмѣтная стая журавлей окаймляла озера своими стройными фронтами. На болѣе просохшихъ, покрытыхъ гребенщикомъ островкахъ, за кочками бѣгали и прятались красивые фазаны, эффектно взлетая надъ кудрявою растительностію.

Солнце садилось розовымъ свѣтомъ, заливая все это пернатое царство, и къ вечеру сюда все прибывали и прибывали новыя стаи, оглашая воздухъ рѣзкими, разнохарактерными криками и хлопаньемъ крыльевъ, съ шумомъ расплескивая воды при осадкѣ съ полета.

Направо-же царствовали мертвая тишина и безжизненность... Тамъ царство сыпучихъ песковъ, неустанно и неумолимо враждующихъ съ лопатою человека земледѣльца. Какъ признаки грустныхъ побѣдъ песка надъ человѣческимъ трудомъ, не вдалекѣ отъ дороги видны полузасыпанные кишлаки съ высохшими остовами деревьевъ, уже давно брошенные своими обитателями.

Наша тропинка все отклонялась влѣво отъ этихъ песковъ, приближалась къ берегу Аму. Опять начинаются тонкія мѣста; даже на тропѣ вода считается изъ подъ коня лошадей.

Не доходя версты три до Акъ-Кумъ, мѣста предполагаемаго ночлега, насъ встрѣтилъ братъ керкинскаго бека, горбоносый брюнетъ съ живыми, бойкими глазами, съ замѣтною просѣдою въ подстриженной курчавой бородѣ. Онъ выѣхалъ верхомъ на ворономъ крошечномъ арамакѣ, покрытомъ зеленою бархатною попоною; съ нимъ выѣхали два амлекдара дѣшней мѣстности и его бача, плѣто въ рѣдъ пажо-оруженосца, красивый мальчикъ въ необыкновенно большой розовой чалмѣ.

Пока я и Сорокинъ развѣивались съ братомъ керкинскаго бека обычными приветственными любезностями, его бача ловко и быстро приготовилъ вискивъ у него за сѣдломъ кальянъ и предложилъ намъ покурить съ дороги, въ знакъ дружбы и пріязни.

Въ сопровожденіи этого сановника мы проѣхали небольшое разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ берега, и расположились на ночлегъ въ превосходной кибиткѣ, разбитой на самомъ береговомъ обрывѣ. Рядомъ съ этою кибиткою братъ бека разставилъ и свою палатку — зонтообразную, индѣйскаго покроя, подобную зорному шелковой матеріею. Для нашихъ джигитовъ выставлены были кибитки попроще. У входа въ кибитки лежали цѣлыя груды превосходныхъ дынь и арбузовъ, у коновязей — кучи свѣжаго корма для нашихъ усталыхъ лошадей, а недалекѣ, всторонѣ, гдѣ разводился огонь и видѣлись черныя котлы на треногахъ, бились въ предсмертной агоніи два молодыхъ барана, зарѣзанныхъ на потребу нашихъ проголодавшихся желудковъ.

Кайкъ еще не прибылъ. Последній лучъ заходящаго солнца озолотилъ вершины оригинальной группы горъ Деу-Кала съ своими острокопечными пикомъ слѣва и плоскою столовою горою справа, замыкающей всю группу.

Въ виду быстро наступающей темноты, я распорядился разложить на берегу сигнальные костры для плывущихъ на каякахъ и просилъ брата бека выставить нѣсколькихъ изъ своихъ людей по берегу на встрѣчу лодкамъ.

Ночь наступила холодная и поднималась весьма непріятная, невыгодная для кайковъ вѣтеръ, опять навстрѣчу теченія и наскосъ отъ нашего берега на афганскій.

Переходъ по этимъ низменнымъ, болотистымъ мѣстностямъ не обошелся вполне благополучно. Сорокинъ почувствовалъ весьма подозрительные признаки мѣстной лихорадки.

На другой день, около семи часовъ утра, кайковъ еще не было видно. Должно быть они остановились ночевать, не доходя до мѣста, не рискуя идти въ темноту и туманъ, да еще при такомъ невыгодномъ направленіи вѣтра.

Утро было холодное и на землѣ — сырость отъ почной росы; даже наши бурки и одѣяло все промокло, и мы вынуждены были разожечь огни для просушки нашего платья. Лихорадка Сорокина не унялась, не смотря на большой пріемъ хины. Впрочемъ, онъ еще можетъ ѣхать верхомъ, а опытный братъ бека увѣряетъ, что когда солнце поднимется выше и прогреетъ воздухъ, то верховая ѣзда, вызвавъ потъ, будетъ даже въ пользу больному и сразу уймется лихорадка.

Мы выѣхали часовъ въ десять утра, не дождавшись кайковъ; братъ бека сообщилъ намъ, что его посланные видѣли лодки не далеко, что лодки идутъ благополучно и что имъ останавливаться здѣсь не для чего, такъ какъ провізію и все пужное имъ перенесли съ берега.

Мы-же должны торопиться въ Керки, гдѣ насъ ожидаютъ сегодня засвѣто. Дорога отсюда до привала у деревни Мокуръ, протяженіемъ два сѣ по-

ловиною таша, то-есть, около двадцати верстъ, не представляетъ собою ничего особенно интереснаго.

Разсвѣтъ нашъ прибыть сегодня-же къ ночи, да еще засвѣто въ Керки не удался. Мы слѣшкомъ поздно выступили съ ночлега и медленно шли, такъ какъ кони наши стали подбиваться, а нѣкоторые обезсилены на столько, что пришлось снять съ нихъ грузъ и разложить его на болѣе здоровыхъ. Кроме того, и разстояніе, отмѣченное на картѣ, оказалось на дѣлѣ на три таша болѣе. Принимая въ расчетъ всѣ эти обстоятельства, порѣшили слѣзть еще одинъ ночлегъ въ урочищѣ Хатабъ, въ разстояніи двухъ ташей не доходя Керки.

Кайкъ догналъ насъ на привалѣ въ селеніи Мокуръ, въ два часа по-полудни. Выступили изъ деревни Мокуръ часъ спустя по прибытіи кайка и снова ощутили въ непродѣланой чащѣ куги и камыша.

На полудорогѣ надъ низменною мѣстностью тутая, возвышался отвѣдѣнный песчанниковъ курганъ, поросшій старыми колосальными саксаулами и турагьями. Ботаникъ нашъ по словамъ и прочимъ признакамъ насчиталъ три вѣка жизни этихъ гигантовъ растительнаго царства. Въ тѣни этихъ деревьевъ видѣются сооруженіе, по типу похожее на мазорки кочевыхъ народовъ; это могла какого-то очень древняго, неизвѣстнаго даже туземцамъ, святаго. Мѣсто носитъ названіе „Вади Аулы“, что значитъ вообще „святое мѣсто“.

Въ урочище Хатабъ мы прибыли около полоничи шестаго вечера. Кайка еще не было видно.

Мѣсто ночлега было такъ-же хорошо организовано, какъ и вчерашнее, благодаря заботливости сопровождавшаго насъ сановника.

Кайки показались въ виду передъ закатомъ солнца; ихъ тянуло по берегу бечевою; парусинная лодка уже пришла, и къ восьми часамъ весь отрядъ былъ въ сборѣ.

(Продолженіе будетъ.)

Разлука.

Жизнь съплывъ надъ собою,
Хотьбы разстаться я съ тобою,
Хотьбы сказать: «навѣкъ прости!...»
Напрасно: жизнь ужъ такъ сложилась,
Что ты съ душой моей сроднилась —
И намъ разлуки не снести!...
Страдали вмѣстѣ мы такъ много,
Что намъ одна теперь дорога,
А не разлучныхъ два пути!

В. Мюръ.

Похороны русскихъ государынь до нынѣ.

(Окончаніе).

Положеніемъ тѣла въ могилу не оканчивались церемоніи чина преставленія царственныхъ особъ въ православной Москвѣ. Еще надъ гробомъ въ церкви было днѣваніе сорокъ дней. Надъ погребенными особами женскаго пола назначали днѣвать и ночевать женъ бояръ, окольных и думныхъ дворянъ по-двое; и по пяти лицъ мужскаго пола, начная со стольниковъ и ниже, изъ коматныхъ.

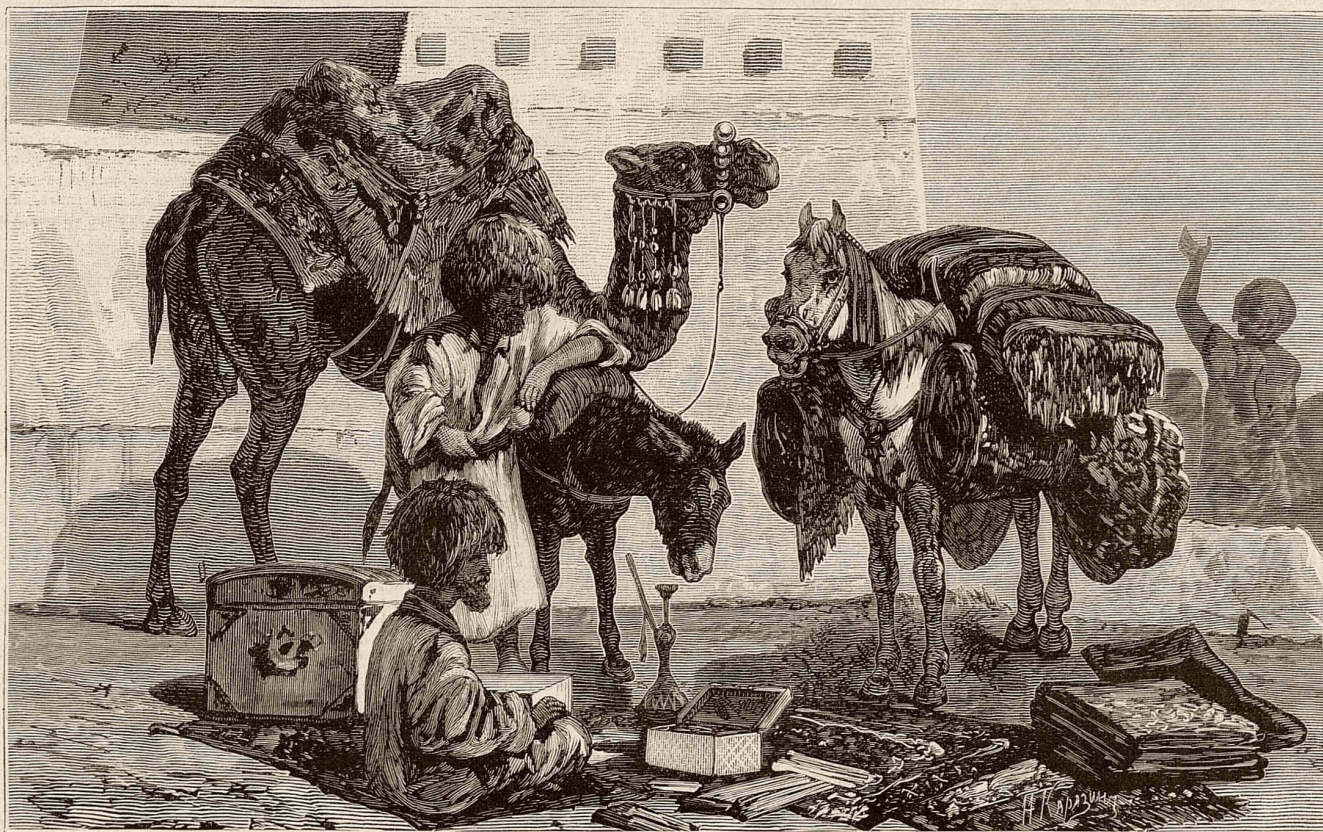
Переходы кремлевскихъ теремовъ съ узкими дѣстницами были неудобны совсѣмъ для процессій. При замкнутости женщинъ въ термахъ, царевны едва-ли кѣмъ либо хорошо были знаемы въ лицо. При Петрѣ I сестры его принуждены были жить открыто даже въ Москвѣ, и погребенія особъ женскаго пола въ началѣ XVIII вѣка, получивъ большую публичность, потребовали большой церемоніи, даже при выносѣ въ Вознесенскій монастырь.

Самарская ученая експедиція въ Среднюю Азію. — Бѣглець каракѣи.
(Рисов. нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ експедиціи, Н. Н. Каразинъ).

Международная рыбная выставка въ Берлинѣ. — Русскій отдѣлъ. Осетровыя рыбы (рыбы, изъ которыхъ добываютъ икру).

Самарская учная экспедиція въ Среднюю Азію. — Продавецъ ковровъ и адрасовъ въ Бешъ-ирѣ.

(Рисов. нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Карзинъ).

мѣннымъ доказательствомъ, что онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ особому акту творенія.

По странной случайности, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ книги Дарвина и въ самый разгаръ спора о его ученіи, т. е. въ 1861 г., въ Соленгофенскихъ сланцевыхъ слояхъ найденъ былъ скелетъ страннаго существа, которое, будучи съ виду похоже на пресмыкающееся, было, однакоже, покрыто птичьими перьями. Эта интересная находка, конечно, обратила на себя общее вниманіе. Къ сожалѣнію, скелетъ не остался въ Германіи: британскій музей, въ Лондонѣ, купилъ его за 700 ф. ст. Известный англійскій анатомъ, Ричардъ Оуенъ, издалъ подробное описаніе этого экземпляра, съ рисункомъ, и далъ животному названіе: *Archaeopteryx lithographica*. Долгое время спустя не отыскивалось даже обломковъ другого скелета археоптера. Наконецъ, по счастью, удалось открыть въ Соленгофенѣ другой экземпляръ, не только сохранившійся лучше перваго, но и представлявшій въ сланцѣ отпечатокъ шеи и головы, чего въ первомъ не было. Эта рѣдкость была приобретена по ходатайству германскаго ученаго, доктора Сиенса, прусскимъ правительствомъ для германскаго музея за 18,000 марокъ. Представляемъ рисунокъ этого втораго экземпляра, сдѣланный художникомъ Моцелемъ, известнымъ своимъ ис-

Окаменѣлая *Archaeopteryx lithographica*, (птица-пресмыкающаяся), найденная въ Соленгофенѣ, въ Германіи.

кусствомъ изображать животныхъ.

Археоптериксъ былъ величиною съ взрослого чернаго дрозда. Разстояніе между концами распущенныхъ крыльевъ у берлинскаго экземпляра 16 сант., длина отъ конца клюва до конца хвоста около 22 сант. Голова соединяетъ отличительные признаки птичьяго черепа и пресмыкающагося; съ помощью лупы можно явственно различить въ попугаобразномъ клювѣ, еще не совсѣмъ отдѣленномъ отъ камня, по два зуба на каждой сторонѣ. Хотя присутствіе зубовъ въ птичьемъ клювѣ можетъ съ перваго взгляда показаться страннымъ, но должно замѣтить, что уже славный французскій естествоиспытатель Жоффруа Сентъ-Илеръ убѣдился въ существованіи зачатковъ зубовъ въ клювѣ зародышей попугаевъ, хотя зачатки эти, конечно, впоследствии исчезаютъ. Шея, похожая на вопросительный знакъ, лежитъ надъ грудною кѣткою. Особеннаго вниманія заслуживаетъ устройство оконечностей. Заднія не только устроены совершенно какъ птичьи лапы, но и обладаютъ всѣми характерными признаками лазающихъ птицъ, тогда какъ переднія отличаются отъ птичьихъ крыльевъ весьма существенно. У птичьяго крыла оконечность соответствуетъ, какъ известно, тремъ пальцамъ человѣческой руки: большому, указательному и среднему, между тѣмъ

Самарская ученая экспедиция в Среднюю Азию. — Старший бекь керкинский и его баба.

(Рисов. нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедициѣ, Н. Н. Карзининъ).

обходимый для дыхания воздухъ будетъ освѣщаться добавленіемъ чистаго кислорода, получаемаго чрезъ разложение воды гальваническимъ токомъ и сгущенія выдыхаемою углекислоты посредствомъ ѣдкаго поташа. Известно, что Флессъ (Fless) прибѣгалъ къ послѣднему способу, употребляя только, вмѣсто поташа, ѣдкую соду, какъ средство для удаленія углекислоты изъ воздуха, содержащагося въ водолазномъ снарядѣ, что давало возможность оставаться подъ водою неопредѣленное время безъ сообщенія съ вѣшнимъ воздухомъ; и хотя, вмѣсто того, чтобы добывать кислородъ, онъ сжатымъ запасомъ послѣдняго наполняетъ слѣзь водолазнаго снаряда, тѣмъ не менѣе онъ показалъ, съ какою легкостью этотъ газъ, въ требуемомъ количествѣ, можетъ быть воспроизводимъ въ испорченномъ воздухѣ. По мысли Пальмерца, судно будетъ приводиться въ движеніе электро-магнитнымъ аппаратомъ; въ брошюрѣ, недавно имъ изданной въ Брюсселѣ, онъ изложилъ свой проектъ достаточно подробно. Въ случаѣ серьезнаго примѣненія на практикѣ его проекта, если только когда-нибудь будутъ произведены опыты въ этомъ смыслѣ, самая страшная трудность представится тогда, когда на самомъ полюсѣ окажется ледяная поверхность, вслѣдствіе чего исследователи не въ состояніи будутъ, по причинѣ льда, подняться наверхъ, для того чтобы освоѣрить мѣстность, и необходимость заставить ихъ, не достигнувши результатовъ, возвратиться назадъ тѣмъ-же путемъ, какой былъ проѣздъ ими.

(Кр. Вѣстн.)

Медицина и гигиена.

— Электротерапія при мимическихъ судорогахъ лица до сихъ поръ могла похвалиться лишь весьма скромными результатами. Въ настоящее время, д-ръ Бергеръ сообщаетъ, что онъ достигъ весьма хорошихъ результатовъ въ большомъ числѣ случаевъ, замѣнивъ обычные методы приложенія тока in loco symptomatis приложеніемъ in loco morbi, т. е. къ кортикальному центру. Раздѣливъ и увлажнивъ волоса, онъ помѣщаетъ положительный полюсъ надъ мѣстомъ кортикальнаго центра, отрицательный полюсъ помѣщаетъ въ противоположную руку пациента или приставляетъ къ позвоночнику и гальванизуетъ въ теченіе 5 — 10 минутъ. При обѣстороннихъ судорогахъ и приложеніе тока должно быть обѣстороннимъ. Подобные-же успѣхи авторъ наблюдалъ въ случаяхъ chorea minoris. Кроме того, онъ видѣлъ временное облегченіе въ одномъ случаѣ частной эпилепсій, зависѣвшей, вѣроятно, отъ заблѣванія мозговой коры.

— Докторъ Уиллисъ Кингъ, въ Сидеѣ, рекомендуетъ приложеніе раствора гуттаперчи въ нефти, помощью кисточки, къ изъязвленнымъ и треснувшимъ соскамъ. Нефть испаряется, и тогда остается гуттаперчевая пленка, плотно пристающая къ частямъ. Для чрезъ три она отпадаетъ, и тогда оказывается, что раненія совершенно зажили.

— Въ тѣхъ случаяхъ, когда геморроидальныя шишки значительны и выпали, д-ръ Ч. Стиллманъ помѣщаетъ

пациента въ кобляногрудное положеніе, смазываетъ части жиромъ и производитъ осторожное вправленіе каждой шишки отдѣльно. Для того, чтобы удерживать ихъ in situ, авторъ вводитъ особый, грушевидный, гуттаперчевый пессарій, который удерживается въ rectumъ помощью наложенія Т-образной повязки и компресса. Пациентъ долженъ носить пессарій постоянно, и вынимать только на ночь и при каждой дефекаціи. Пациентъ легко привыкаетъ вводить его собственноручно. Въ результатъ появляется быстрое всасываніе шишекъ и излѣченіе безъ всякой боли. Одновременно авторъ назначаетъ колоцинтвовыя пилюли или, въ случаѣ сильнаго запора, пилюли слѣдующаго состава: Rr. Ext. nuc. vomicae gr. vj; pulv. rhei, Sod. bicarb. aa gr. XXX. M. f. p. № XXX. По пилюль передъ каждымъ принятіемъ пищи и на ночь.

(Врач. Вѣд.)

Метеорологія.

Только недавно получились подробныя свѣдѣнія о громадномъ аэролитѣ упавшемъ въ штатѣ Ново, которымъ и сѣншимъ подѣлился съ читателями. Аэролитъ появился въ 5 ч. вечера, при ясномъ небѣ, въ видѣ блестящаго огненнаго шара, который, вскорѣ, лопнулъ въ воздухѣ на тысячъ кусковъ, которые и упали на землю на большомъ пространствѣ другъ отъ друга, близъ мѣстечка Этервилля, на 43°30' сѣв. ш. и 94°50' зап. долг. (отъ Гринвича). Онъ прорѣзалъ небо по направленію съ сѣверо-востока и полетъ его былъ видимъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ. Наружный видъ его представлялъ сперва большой огненный шаръ, сопровождаемый блестящимъ облакомъ. Видѣніе его появленіе жителямъ были приведены въ ужасъ, который удесятерился, когда послѣдовалъ оглушительный взрывъ, разорвавшій шаръ на множество частей. Тѣ, которые не видѣли появленія его, услышавъ страшный гулъ и трескъ, думали, что это землетрясеніе и съ испугомъ повискали изъ домовъ. Осколки аэролита разсѣялись по землѣ на пространствѣ отъ 3-хъ до 4-хъ англ. миль. Два, самые большіе куски упали одинъ отъ другаго на разстояніи около 2-хъ миль.

Самый большой осколокъ, вѣсившій 470 фунтовъ, углубился, при паденіи, на 12 футовъ, несмотря на плотность и твердость почвы въ этомъ мѣстѣ. Второй, по величинѣ, вѣсилъ 170 фунтовъ и углубился лишь на 5 футовъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ мѣста паденія главнаго осколка, найденъ кусокъ въ 30 ф. вѣсу. Всѣ найденные куски аэролита имѣютъ неправильную форму и поверхность ихъ покрыта черной блестящей оболочкой. Въ наибольшемъ кускѣ видно ясно присутствіе никеля и желѣза.

Спортъ.

6-го іюня, на лондонскомъ ипподромѣ, въ Еулонскомъ Тѣсу, въ Парижѣ, происходили ежегодныя скачки, на которыхъ разыгрывался «большой призъ города Парижа» (Grand-Prix de Paris) въ 100,000 франковъ (50,000 фр. отъ города и 50,000 фр. отъ трехъ главныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ) для трехлѣтокъ, жеребцовъ и кобылъ всѣхъ породъ и всѣхъ странъ; дистанція три версты. Первая двѣ скачки прошли среди общаго невниманія. Въ 3¼ часа началась всѣхъ интересовавшая скачка на большой призъ города Парижа, основанный въ 1863 году и разыгрывавшійся въ 17-й разъ. Изъ 359-хъ, записанныхъ въ теченіе зимы, лошадей, бѣжали только десять. Первымъ въ призовому стобу пришло англійскій жеребецъ «Robert the Devil» (Робертъ-Дьяволъ), отъ «Вертрама» и «Каст-Оффъ», принадлежащій гг. Бруэру и Блантону, жокей Росситеръ; вторымъ — жеребецъ «Le Destrier», г. Штауба, и третьимъ — «Миланъ», графа Лагранжа, Французскіе «фавориты», «Воминъ», взявшій, двѣ недѣли назадъ призъ жокей-клуба (французскій «Дерби») на скачкахъ въ Шантильи, и кобыла «Версинья», остались за флагомъ. «Робертъ-Дьяволъ» прошелъ дистанцію въ 3 минуты 24 секунды и получилъ призъ съ подлинными 152,000 фр.; второму — 10,000 фр., третьему — 5,000 фр. За «Роберта-Дьявола» держали много пари: шесть противъ четырехъ. Побѣда его не вызвала никакихъ особенныхъ манифестацій, такъ какъ всѣ были убѣждены въ ней, и, вообще, онъ былъ первымъ фаворитомъ у державшихъ пари. Со времени основанія приза онъ достается англійской лошади въ восьмой разъ, тогда какъ французскій бралъ его девять разъ; съ 1870 года побѣды той и другой націй чередуются съ замѣчательною правильностью.

Археологія.

Въ Ливерпулѣ знаменитый этнографическій музей (20-го) 8-го іюня открываетъ галерею Уокера, въ которой хранятся предметы, относящіеся къ доисторической эпохѣ.

Всемирная Иллюстрация

№ 597.] Годъ XII.

14 іюня 1880 года.

Томъ XXIII. № 25.

Кончина Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны. — Герольды на улицахъ С.-Петербурга, возвѣщающіе о времени перенесенія тѣла Ея Величества въ Петропавловскій соборъ.

(Рисоваль Ф. Гаансг.)

диаметром отверстия в 20 футов. Партия рабочих, идущая в головѣ, прокладывает чугунными плитами верхнюю часть туннеля, потолок, а следующая партия помещается на нижней ступени и продолжает работу головной партией; таким образом, работают, одновременно, четыре или пять партий рабочих, занятых облицовкой стѣн чугунными плитами. По такой чугунной облицовке выводится стѣна из кирпича на цементъ значительной толщины, и эта работа производится уже задней партией рабочих. Вырываемая земля въ головѣ туннеля тотчасъ же нагружается въ повозки и отвозится къ первоначальной шахтѣ, откуда удаляется подъемомъ наверхъ. Работы освѣщаются электрическимъ свѣтомъ, для чего съ рабочими идетъ особый кондукторъ, на обязанности котораго лежитъ слѣдить за доставленіемъ свѣта въ мѣста работы. Изъ строенія, находящагося близъ отверстия шахты, гдѣ помещается контора и инженеръ, наблюдающій за работами, проведено еще нѣсколько проводовъ для телефоннаго сообщенія. Вентиляция производится съ помощью особой камеры, гдѣ помещены высасывающій и нагнетательный насосы, испорченный воздухъ вытягивается черезъ трубу, и вентиляторъ дѣлаетъ до 1000 оборотовъ въ минуту. Работа производится днемъ и ночью, для чего рабочіе раздѣлены на три смѣны, изъ которыхъ каждая работаетъ по восьми часовъ. Ширина рѣки Гудзонъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ведется туннель, доходитъ до 5500 футовъ, а потолокъ туннеля находится на 25 футовъ ниже дна рѣки. Движеніе по туннелю предполагается устроить съ помощью пневматическаго давления, но подробности проекта еще не рѣшены окончательно.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатскаго желѣзнодорожной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарья.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Сегодня — день тезоименитства Его Величества нашего Государя — по здѣшнему „Акъ-Надшахъ“, т. е. Бѣлаго Царя. Мы устроили церемониаль по этому поводу: шесть нашихъ казаковъ и вооруженные джигиты выстроились на берегу и получили по стану коняку. Провозглашенъ былъ тостъ, затѣмъ послѣдовало залпъ изъ ружей и троекратное „ура!“... Лагерь освѣтился колоссальными кострами... Вообще картина вышла эффектная и не лишняя грандиозности. Брату керкинскому бека и туземцамъ предварительно объяснено было значеніе этого торжества, и онъ съ своими людьми сейчасъ-же присоединился къ чествующимъ и принесъ намъ торжественныя поздравленія...

Такъ просто, сообразно съ своими средствами и обстановкою, отпраздновали мы этотъ — дорогой для каждого русскаго — день на берегу Аму-Дарья, воды которой въ скоромъ будущемъ огласятся болѣе многочисленными голосами подданныхъ Царя русскаго, обитателей береговъ этой второй средне-азиатской русской Волги.

Въ добрый часъ!

Ночь была очень холодная; къ разсвѣту ртуть упала на семь градусовъ по Реомюру. Все время дуть вѣтеръ сѣверо-восточный вѣтеръ. Солнце взошло въ туманѣ.

Мы выступили съ мѣста почлега и рѣшью прошли до перевала Фелициданъ-Тау, съ вершинами котораго развинулась величественная картина оставшейся позади насъ низменной долины. Въ воздухѣ очень холодно. Не смотря, что солнце стоитъ на полдень, здѣсь, на высотѣ перевала (семьсотъ футовъ надъ уровнемъ моря) всего 12° — по Реомюру.

Дорога идетъ песками — частью барханскими, поросшими гребенникомъ, частью движущимися, такъ называемыми сыпучими; песчаные наносы поднимаются вѣтрю, добираются до самаго берега, мѣстами пересѣкая нашъ путь высокими грядами. Туманъ и мгла настолько густы, что за полверсты вы не можете различить даже очень крупныхъ предметовъ. Не смотря на вѣтеръ, туманъ этотъ не разогнался. Впереди чуть-чуть очерчивается какая-то неясная желтовато-сѣрая громада — это насыпной курганъ на самомъ берегу Аму, вершина котораго увѣнчана полуразвалившейся цитаделью. У подножія кургана гніются нѣсколько глиняныхъ сакель и зеленѣетъ съ десятокъ карагаевъ и тутовыхъ деревьевъ — это мѣсто называется „Кичене-Керки“, т. е. Малое Керки. Самый городъ и его цитадель находятся на томъ берегу — здѣсь-же переправная пристань и военный караулъ.

Мы обогнули курганъ и вышли на плоскій песчаный берегъ рѣки. Здѣсь стояла красивая зеленая палатка бухарскаго типа; въ ней поставлены были, покрыты коврами и ватными стегаными одеялами, деревянные кровати грубой столярной работы. Въ палаткѣ дождался насъ третій братъ бека и былъ приготовленъ завтракъ. Намъ объявили, что мѣсто

для ночлега отведено для насъ на томъ берегу, въ самомъ бековскомъ помѣщеніи, а здѣсь только временный отдыхъ, въ ожиданіи прибытія калковъ съ остальными путешественниками.

Сплошной туманъ покрывалъ рѣку... Солнце едва очерчивалось въ этомъ туманѣ желтоватымъ шаромъ безъ лучей. У берега на причалахъ мѣрно колысались два или три довольно порядочныхъ кайка; одинъ изъ нихъ назначался для нашей переправы, почему тоже былъ убранъ цвѣтными коврами.

Было довольно холодно; мы, конные, прозябли порядочно и съ наслажденіемъ пили горячій зеленый чай, когда съ берега выше прискакали конные джигиты съ вѣстью, что кайки идутъ.

Черезъ полчаса мы, уже соединившись, заняли переправный кайкъ, нагнали еще два кайка лошадыми и багажемъ и тронулись на тотъ берегъ.

Сначала кайки тянули бечевую вверхъ по теченію довольно долго. Полуголые кайки, съ лямками на плечахъ, цѣплялись по обрывамъ осыпающагося песчаного берега, хватаясь руками за сучья и вѣтви кустарниковъ. Надо было много силы, ловкости и опыта, чтобы не свалиться въ воду, особенно когда безпрестанно и неожиданно дергается бечевка, прикрѣпленная къ носовой части лодки.

Наконецъ, мы поднялись, насколько — по расчету кайчекъ — было нужно, приняли бечевники на бортъ и пошлы на всахъ.

Брать бека просилъ насъ сдѣлать нѣсколько сигнальных выстрѣловъ, чтобы предупредить о нашемъ прибытіи на тотъ берегъ, что наши казаки охотно исполнили. Пройдя на всахъ съ полверсты, опять потянулись бечевую — кайки теперь брели по отмелямъ по кѣлью въ водѣ, и только за нѣсколько сажень до противоположнаго берега вода оказалась настолько глубока, что кайки снова должны были влѣзть на бортъ и влѣзть за весла.

Сквозъ туманъ стали теперь уже ясно обрисовываться оригинальныя линии насыпнаго кургана и на немъ красивой цитадели съ темною аркою воротъ между двухъ полукруглыхъ башенъ съ нависшими зонтообразными бойницами. У пристани зеленѣла группа старыхъ таловъ и карагачей и толпилося много народу, сбѣжавшагося смотрѣть чужестранцевъ. Правѣ цитадели, внизу, тянулася крытая базарная улочка, замыкающаяся куполомъ городской мечети, а еще правѣ видѣлась довольно опрятная и не лишняя стила постройка здѣшняго „мехрессе“, городской школы, на порогѣ которой красовались почтенные муллы, старики въ громадныхъ бѣлыхъ чалмахъ.

Вооруженные люди изъ бековского караула отступили толпою отъ пристани, а часовой съ ружьемъ сдѣлалъ намъ по-русски: „на караулъ“.

Пока разгружали кайки, мы вѣбъ направились къ воротамъ цитадели, окруженные, на всякій случай, мѣстнымъ конвоемъ.

Насъ просили не принимать этой предосторожности въ обидомъ для насъ отношеній, такъ какъ, по увѣренію брата бека, въ городѣ прѣзжаютъ часто „дурные люди изъ непокорныхъ туркменскихъ племенъ“, и можетъ найтись всегда фанатикъ, не устанавлиющій передъ собою законъ выстрѣлитъ или пнуть ножомъ „гаура“.

У воротъ стояли, подъ навѣсомъ, двѣ пушки, старинные единороги англійской конструкціи. Лафеты и колеса орудій были выкрашены красною краскою, и около нихъ важно шагала обормотанная часовой съ саблемъ на-голо. Въ самой тунели воротъ вытянулася цѣлая шеренга такихъ-же обормотанныхъ съ фидильными и кремневыми ружьями и по общей командѣ салютовали гостямъ.

Стѣны туннеля были, сплошь, увѣшаны крѣпостными фальконетами, мундштуками и разными холодными оружіемъ; кромѣ того, висѣли щиты и козлочки и оригинальные бердыши и болты, — судя по рисунку, весьма древніе. Вообще, здѣсь можно было отыскать много интересныхъ предметовъ по археологіи, и мы, не безъ зависти, поглядывали на вѣбъ эти доспѣхи, свѣдѣтели и участники подвиговъ древнихъ героевъ аму-дарьинскаго прибрежья.

За воротами мы очутились въ маленькомъ квадратномъ дворикѣ, гдѣ стоялъ котель съ какимъ-то веревкомъ: это кордарида и столовая караула; за нею опять узкій и длинный корридоръ, стѣны котораго опять покрыты оружіемъ; изъ корридора другой дворъ побольше; отсюда, черезъ маленькую дверь, въ другой дворъ; и, наконецъ, мы очутились на площадкѣ бековского помѣщенія, замкнутой съ трехъ сторонъ красивыми саклями, предназначенными для нашего пребыванія.

Насъ ожидалъ въ саклѣ роскошный „достарханъ“ и комфортабельныя постели. Самъ бекъ прислалъ намъ извѣщеніе, что, по случаю поста и молитвы, онъ не могъ самъ лично насъ встрѣтить, но будетъ черезъ часъ непременно.

Стѣны сакли были выштукатурены алебастромъ, украшены рѣзьбою и орнаментальною живописью; потолокъ тоже росписанъ и золоченъ по дереву. Изъ сакли прорѣзаны три большихъ окна, заставленныхъ рѣшными ставнями изъ цѣльнаго темно-сѣраго орѣха; видъ изъ этихъ оконъ на городъ и безконечно широкую Аму былъ восхитителенъ.

Бекъ пожаловалъ къ намъ часъ спустя. Это былъ очень красивый старикъ, оказавшійся даже нашимъ старымъ знакомымъ: это тотъ самый бекъ, который, по порученію эмира, встрѣчалъ насъ еще въ Карши. Его полный титулъ — Пиръ-Назаръ-бекъ-датха (последнее значить — полководецъ). Онъ приобрѣлъ себѣ громкую, вполне заслуженную, популярность и уваженіе на мирное и справедливое управленіе страною и военные подвиги въ постоянной борьбѣ съ разбойничьими племенами туркменъ, территории которыхъ соприкасается съ границами Керкинскаго бекства.

(Продолженіе будетъ.)

ИЗЪ МОСКВЫ.

(Корреспонденція «Всем. Иллюстраціи».)

Свершилось!... Пелена, скрывавшая дорогія черты незабвеннаго поэта, слетѣла, и Москва, отъ лица Россіи восторженно привѣтствовала изображеніе гениальнаго пѣна. День 6-го іюня вѣчно будетъ памятнымъ, дорогимъ днемъ русскаго народа, когда впервые все здоровое, живое сплотилось для чествованія народнаго гения; исчезла обычная рознь, въ сторону отошли неоконченные споры, ступенчатые на время нетерпимости, горячая задрозность нашихъ нарождающихся партий, и Катковъ, Цитовичъ въ общемъ высокосторжественномъ концертѣ праздника мысли пѣли въ унисонъ. Рано, едва проглянуло солнце сквозь окутавшій горизонтъ темныя дождевыя облака, закинула работа на Страстной площадѣ, разставлялись хоругви, обозначающія мѣста депутаций, явившихся со всѣхъ концовъ Россійской Имперіи, загорались улицы, бузвары, прилегающія къ площадѣ, переполненные массами народа. Въ девятую часу начался съѣздъ лицъ, получившихъ приглашенія въ половинѣ десятого; колокола Страстнаго монастыря возвестили о началѣ заукойной литургіи по боларину Александру. Обѣдню совершалъ высокопреосвященный митрополитъ Макарій, въ сослуженіи епископовъ Дмитровскаго и землинскаго. За богослуженіемъ присутствовалъ Его Императорское Высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, просвѣщенной инициативѣ котораго Россія обязана нынѣшнимъ торжествомъ, всѣ высокостоящія лица столицы, во главѣ съ своимъ почтеннымъ хозяиномъ кн. В. А. Долгоруковымъ, представитель Франціи Луи Леже, прибывшій депутатъ и представители отъ всѣхъ сословій столицы. Во время панихиды, высокопреосвященный Макарій произнесъ краткую рѣчь, вызвавшую общее сочувствіе. Въ это время, площадъ, въ буквальный смыслъ слова, представляла море головъ, — все съ нетерпѣніемъ ждало момента открытія памятника.

Наконецъ, въ оставленному узкомъ проходѣ отъ воротъ обители къ памятнику появились выходящіе; скоро показался и представитель Царственной семьи на народномъ торжествѣ, принцъ Ольденбургскій. Затѣмъ говоръ, обнявшись головы, раздался гимнъ — „Коль славы“, исполняемый нѣсколькими военными оркестрами и хорами пѣвчихъ. Его Высочество помѣстился, съ сопровождающимъ его генералитетомъ, на устроенной платформѣ; около него заняли мѣста дочери и сыновья поэта.

Академикъ Гротъ прочелъ актъ передачи памятника строительной комиссіей городу и вручилъ его городскому головѣ. Отвѣтивъ краткой рѣчью, С. М. Третьяковъ подалъ знакъ, и полотно, скрывавшее изображение виновника торжества, падо къ подножію пьедестала. Раздалось ура, полное какихъ-то знакомыхъ нотъ. Это было не привѣтствіе побѣдителя, не восторженные клики, какими народъ встрѣчаетъ своего обожимаго Монарха; до въ нихъ слышались тѣ-же звуки, тѣ-же ноты ласки, любви, слово семьи привѣтствовала своего роднаго, прославившагося члена. Минута истинно высокосторжественная. На глазахъ молодежи, явившейся представительницей отъ всѣхъ училищъ столицы, блеснули слезы; тихо, совершенно незамѣтно, скатились онѣ по щекамъ къ подножію поэта....

Началось поднесеніе вѣнковъ — еще одна трогательная, незабываемая минута: по сколькоимъ ступенямъ подножія пьедестала, поддерживаемый друзьями поднялся Тургеневъ, дрожащей рукой заботливо утвердилъ онъ свой вѣнокъ на одномъ изъ орнаментовъ; глаза его поднялись къ изображенію вѣнчаемаго поэта: онъ, будто, привѣтствовалъ его, скорбя о безвременной кончинѣ; дрогнуло что-то въ его маститомъ, красивомъ лицѣ, и, опустивъ голову, словно въ забытіи, пробывъ онъ нѣсколько мгновеній передъ статуей горячо-любимаго имъ поэта.

Всѣхъ вѣнковъ было поднесено 183, не считая поднесенныхъ частными лицами; когда-же была допущена къ памятнику публика, то все подножіе пьедестала покрывалось вѣнками, букетами и полевыми цвѣтами. Не смотря на поднявшійся вѣтеръ и дождь, продолженіи дня и до глубокой ночи, вся площадь была покрыта народомъ и экипажами.

Всѣмірная Иллюстрація

№ 598.] Годъ XII.

21 іюня 1880 года.

[Томъ XXIII. № 26.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Настоящимъ № 598 заканчивается первое полугодіе (т. е. Томъ XXIII), журнала «Всѣмірная Иллюстрація» за 1880 годъ. Главная Контора Редакціи покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, выславшихъ только часть денегъ, или только за первое полугодіе, поспѣшить досылкою остальныхъ денегъ за второе полугодіе, во избѣжаніе пріостановки высылки журнала.

➡ Новые подписчики могутъ получить журналъ еще съ 1-го января 1880 года, со всѣми приложеніями. ➡

Годовая цѣна „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“.

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки 13 руб.; съ доставкою 14 руб. 50 коп.; съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 16 руб.

— Подписка на второе полугодіе (т. е. съ 1-го іюля), открыта.

Предсѣдатель комитета министровъ, дѣйстви. тайн. совѣтн., статсъ-секретарь, графъ П. А. Валуевъ.

сдѣлать расчетъ выгодности предпріятія. Двѣ сто-
сильныя паровыя машины на каждой станціи, т. е.
на разстояніи около 20-ти верстъ одна отъ другой,
обойдутся почти то-же самое, что стоятъ паровозы;
но содержаніе первыхъ несравненно дешевле, такъ
какъ онѣ сжигаютъ въ часъ всего 2 или 2½ фунта
угля на силу, а паровозы — отъ 5-ти до 8-ми фунтовъ.
Паровозы, движущіеся по рельсамъ, требуютъ го-
раздо болѣе расхода на ремонтъ, чѣмъ постоянныя
машины, такъ какъ изнашиваются быстрее. При-
слуга должна быть только на мѣстѣ, у постоянной
машины, а не отдѣльно у каждого паровоза. Цѣна
проводника не должна превысить 3,000 рублей на
версту, вмѣстѣ съ столбиками и изоляторами, а это,
сравнительно, не дорого.

Противъ самой идеи электрическихъ желѣзныхъ
дорогъ приводятся различныя возраженія, и нѣкото-
рыя изъ нихъ довольно серьезны. Самое вѣское воз-
раженіе направлено противъ экономической стороны
проекта и состоитъ въ томъ, что при передачѣ дви-
жущей силы путемъ электричества утилизируется
только 70% ея, остальные же 30% пропадаютъ даромъ;
поэтому для эксплоатации одного и того-же
количества силы необходимо употребить на электри-
ческой дорогѣ двойное количество топлива противъ
того, которое употребляется на паровозной. Второе
возраженіе касается дорогъ съ болѣе широкимъ дви-
женіемъ, на которыхъ черезъ каждые четверть часа отпра-
вляются поѣзды не въ одинъ вагончикъ, а въ нѣ-
сколько десятковъ вагоновъ. Далѣе, замѣчаютъ, что
содержаніе въ надлежащей чистотѣ проводниковъ
чрезвычайно затруднительно, а въ нашемъ климатѣ,
гдѣ приходится имѣть дѣло съ снѣжными заносами,
просто невозможно. Первое изъ этихъ возраженій
теряетъ значеніе, если вспомнить, что и паровозы не
употребляютъ въ пользу всю силу, развиваемую па-
ромъ, но требуютъ за собою большого ухода, а нѣ-
которое усовершенствованіе динамо-электрическихъ
машинъ можетъ значительно уменьшить количество
бесполезно утрачиваемой силы. Два послѣднія воз-
раженія болѣе основательны, но развѣ въ началѣ
паровая дорога не встрѣчала такихъ препятствій,
которыя надо было устранять?

Новый плавательный аппаратъ г. Гамонне.

Въ ряду аппаратовъ, изобрѣтенныхъ для облегче-
нія человѣку возможности держаться на водѣ
долгое время въ свободномъ положеніи и плавать,
обращаетъ на себя вниманіе новозобрѣтенный пла-
вательный аппаратъ г. Гамонне. Существенную часть
этого аппарата составляетъ кольцо изъ каучуковыхъ
трубокъ, съ помощью котораго пловецъ можетъ при-
нимать самыя разнообразныя положенія въ водѣ,
легко управляя аппаратомъ. Аппаратъ Гамонне до-
пускаетъ пловца читать книгу, курить и т. п., не
отвѣщая его не естественнымъ положеніемъ туловища,
что составляетъ главный недостатокъ болѣе части
другихъ аппаратовъ для плавания. Движеніе на водѣ
съ этимъ аппаратомъ также значительно облегчается,
и съ нимъ можно плыть долго, не чувствуя утомле-
нія. Самое устройство аппарата чрезвычайно просто
и несложно и достаточно ясно видно изъ прилагае-
маго рисунка.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдо- ванія направленія средне-азиатской желѣз- ной дороги и изученія бассейна рѣки Аму- Дары.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ Н. Н. КАРАЗИНА.

III.

(Продолженіе).

Бекъ Пиръ-Назаръ явился къ намъ запросто, безъ
всякихъ претензій на этикетъ, много разспра-
шивалъ насъ о путешествіи, о прочихъ членахъ экс-
педиціи, оставшихся въ Термезѣ, и просилъ распо-
ложиться у него какъ у себя дома, и если можно,
то погостить подольше — до окончанія поста, жѣ-
лающаго ему устроить для насъ почетную томашу и
другія удовольствія.

Мы поблагодарили его за любезность и заявили,
что должны продолжать путь завтра-же, что, конеч-
но, бека нисколько не огорчило, ибо онъ съ такою-
же любезностью обѣщалъ позаботиться, чтобы ни-
что не помѣшало намъ завтра-же тронуться въ
путь далѣе.

Вѣтеръ все усиливался и усиливался и уныло за-
ывалъ въ щеляхъ дверей и оконъ; къ вечеру онъ
превратился въ совершенный ураганъ. Аму вздулся
и покрылся тѣною; канки у пристани раскатыла
такъ, что они начали скрипеть весьма подозритель-
но. Если эта буря къ завтра не стихнетъ, то
плыть будетъ невозможно.

Нѣкоторые изъ насъ заявили желаніе пройтись по
берегу, но это желаніе вѣжливо было отклонено бе-

комъ, подъ тѣмъ-же предлогомъ — небезопасности
для русскихъ такой прогулки.

Къ закату солнца, къ завываніямъ вѣтра присоеди-
нились не менѣе унылыя завыванія муллъ, сзываю-
щихъ правоверныхъ на молитву. Когда уже оконча-
тельно стемнѣло, то въ городѣ раздались удары въ
сторожевыя бубны и почти непрерывный грохотъ ба-
рабановъ, мѣшавшій намъ до разсвѣта спать, не
смотря на сильную усталость.

Къ нашему удовольствію, ночная буря прекрати-
лась къ утру, а въ девять часовъ настала полнѣй-
шій штиль, и ничто нашему пути не препятствовало.

Бекъ Пиръ-Назаръ просилъ насъ оставить ему
двѣ записки, удостоверяющія въ томъ, что мы впол-
нѣ довольны его примѣмомъ, одну — для немедленной
отсылки съ нарочнымъ въ Бухару, къ эмиру, а дру-
гую — на память самому Беку.

Просьбу бека мы исполнили охотно и, сочинивъ
нѣчто въ родѣ аттестата, снабдили его даже перево-
домъ на персидскій языкъ.

Безобразные и старые канки, на которыхъ мы
плыли изъ Келифа, были отобраны и взамѣну ихъ
намъ дано два прекрасныхъ, новыхъ, исправно со-
держанныхъ канка, которые мы и приспособили для
дальнѣйшаго плаванія, обмѣнявъ канки эти возвра-
тить изъ Чарджуя. Казаки съ лошадьми заняли
большое судно, мы взяли для себя поменьше. Дви-
женіе должны были опять тянуться верхомъ по бере-
гу, и съ ними теперь вызвался идти одинъ Сорокинъ,
а я съѣлъ на лодку.

Бекъ и его братья провожали насъ на берегъ и
присутствовали лично, пока мы расположились на
лодкахъ; затѣмъ, пожелавъ намъ счастливаго пути,
бекъ Пиръ-Назаръ-Датха удалился къ себѣ въ цита-
дель, а его братъ поѣхалъ провожать конный отрядъ
до границъ Керкинскаго бекства.

Лодочники у насъ оказались очень опытные и дис-
циплинированные, да еще связанные семейными уза-
ми — два брата съ сыновьями. Ихъ умѣство управ-
лять суаномъ обнаружилось съ первыхъ же примѣ-
мовъ.

Мы скоро очутились на среднѣхъ рѣкахъ, и Керки съ
своими курганами скоро скрылось въ сплошномъ туманѣ.
Сърое небо — такая-же вода — производили
эффектъ безпредѣльности. Изрѣдка только показыва-
ются черныя отдели отъ справа, то слѣва канка.
Вода бурлитъ и пѣнится по окраинамъ такихъ от-
делей, покрытыхъ стадами куликовъ и цапекъ.

Раза два намъ попались туркмены, переправляю-
щіеся на турунахъ впаивъ черезъ рѣку. Эти фигу-
ры, въ своихъ косматыхъ шапкахъ и непрѣмнѣно
съ оружіемъ, казались весьма подозрительными на
видъ.

Къ половинѣ перехода мы вошли въ болѣе узкое
теченіе и приблизились къ правому берегу. Опять
показалась зеленѣющая тугайная полоса и туркмен-
скіе кишлаки. У самаго берега виднѣлись рыбацкія
ставки и ихъ незатѣйливыя снасти... Въ кустахъ
гребенчатка пестрѣютъ стада козъ и барановъ, и
тамы слышны громкіе, тревожные оканки мальчи-
ковъ-пастуховъ. За культурною полосою желтѣютъ
мертвые пески. Характеръ мѣстности почти остае-
тся неизмѣннымъ.

Рѣка здѣсь очень неудобна для судоходства по
причинѣ частыхъ, а главное, мѣняющихся свое мѣ-
сто мелей. Эти такъ называемыя «блуждающія от-
дели» можно опредѣлять только по характеру те-
ченія и по слабому прибою на окраинахъ. Не смотря
на ловкость и знаніе канчей, мы нѣсколько разъ
садились на мель и должны были стягиваться рукамы.

Не смотря на эти задержки, канки шли очень бы-
стро, около восьми верстъ въ часъ, что очень боль-
шой ходъ; плоты, которые обгоняли насъ на пути,
движутся еще быстрее.

Привалъ для канковъ не полагался, такъ какъ
трудно было опредѣлить мѣсто причала, для кон-
ныхъ-же привалъ былъ назначенъ въ одномъ изъ
береговыхъ кишлаковъ, и мы соединились только на
ночлегъ.

Вывавъ видны спускающіеся къ бассейну Аму
предгорія. На ближайшей вершинѣ ясно очерчива-
ются могилы Хаджи-Акиры. Вблизи подножья этихъ
горъ тянутся кишлаки туркменскаго рода Баширъ,
славящагося изготовленіемъ лучшихъ ковровъ во
всей средней Азій. Въ Баширѣ мы и остановились
на ночлегъ, и воспользовались этою остановкою,
чтобы нѣсколько ознакомиться съ производствомъ и
торговлею ковровыхъ издѣлій, этой необходимой
утвари азиатскаго быта.

Баширцы занимаются краскою шерсти, для чего
разводятъ растенія, дающія красящія вещества;
главнѣйшіе красильные продукты — это руянь (ма-
рена) и гранатная корка (индиго) — получаютъ чрезъ
Афганистанъ. Костяной уголь даетъ превосходную
черную краску. Въ Баширѣ искусство ткать ковры
передается наследственно. Всѣ члены семьи владѣ-
ютъ этимъ искусствомъ. Работа эта, почти безъ вся-
кихъ машинныхъ приспособленій, очень медленная:
коверъ до шести аршинъ въ длину и трехъ въ шири-
ну; семья, въ четыре человѣка, работаетъ не ме-
нѣе года. Узоры и подборъ красокъ также переда-
ются наследственно. Знатки по одному узору точ-

но опредѣляютъ, гдѣ и кѣмъ сработанъ коверъ. Цѣ-
ны на эти издѣлія держатся прочно и не мѣняются
лѣтами. Коверъ вышесказанныхъ размѣровъ про-
дается — и находитъ себѣ покупателей — за дѣвяти
пятьдесятъ—триста бухарскихъ тенгѣхъ, т. е., около
ста рублей на наши кредитныя бумажки.

Баширцы, кромѣ того, занимаются и шелковод-
ствомъ. Они разводятъ тутовыхъ и выкармливаютъ
шелковичныхъ червей, продавая въ годъ отъ одного
до восьми батмановъ на домъ. Батманъ нѣсколько
болѣе нашей четверти. Для своего личнаго употреб-
ленія они сѣютъ пшеницу и джогарру, а также раз-
водятъ виноградъ. Вообще, этотъ родъ туркменъ
считается самымъ трудолюбивымъ и зажиточнымъ;
баширцы исправнѣе всѣхъ платятъ эмиру свои по-
дачи и считаются по праву выгоднѣйшими поддан-
ными его вѣнечества, эмира Мизафары.

Слѣдующій переходъ до Бурдакы прошелъ безъ
всякихъ приключеній. Канки шли одинаково быстро.
Конный отрядъ ни догналъ насъ ни на привалѣ, ни
на мѣстѣ ночлега. Его дорога сильно уклонилась
отъ берега рѣки, такъ какъ береговая полоса здѣсь
очень низменна и топка. Мѣсто ночлега было очень
неудобное — у подмытого илестаго берега... Частые
обвалы не давали почти спать, и канки должны бы-
ли стеречь канки, раза четыре за-ночь перемѣнивши
свое мѣсто причаловъ.

Третьяго сентября мы вошли въ предѣлы Наразым-
скаго бекства.

Береговая полоса также густо населена. Типъ жи-
телей необыкновенно красивъ. Мужчины и женщины
отличаются своимъ высокимъ ростомъ, стройностью
и граціей. Обстановка также дышетъ зажиточностью
и довольствомъ. Климатъ превосходный, несмотря
на низменность и обиліе болотъ. Грунтъ берега —
иловатоглинистый, легко размываемый водою. Здѣсь
ясно опредѣляется извѣстное явленіе отступанія
ложи рѣки вправо. Вода дѣлаетъ громадные успѣхи,
отмывая обработанную руками человѣка почву. Въ
послѣднія тридцать лѣтъ отмытой культурной полосы
болѣе восьми верстъ; изъ двадцати шести арыковъ,
орошающихъ почву, осталось только восемь. Мы
проходили мимо кишлаковъ съ самыми поразитель-
ными признаками свѣжихъ отмывовъ; намъ попада-
лись плантаціи нынѣшняго года, частью уже отмы-
тая водою; сакли и отдѣльные дворы, построенные
первоначально далеко отъ воды, теперь уже до по-
ловины разрушенные. Положеніе обитателей этой
береговой полосы нельзя не назвать отчаяннымъ:
съ одной стороны тѣснитъ вода, съ другой — мерт-
вая песчаная пустыня.

На мѣстѣ ночлега насъ встрѣтилъ самъ старый
бекъ наразымскій, должно быть большой ханжа, по-
тому что, обмѣнявшись стереотипными привѣтствен-
ными фразами, онъ, тотчасъ-же, отошелъ къ своей
палаткѣ, поставленной въ тѣни стараго, развѣстаго
тутоваго дерева и погрузился въ молчаливое созер-
цаніе, закрывъ глаза и машинально перебирая —
трясущимися отъ старости пальцами — янтарныя четки.

Конный отрядъ не попалъ на ночлегъ, а съ этого
дня мы уже болѣе съ нимъ не встрѣчались до са-
маго Чарджуя.

Мѣстность сильно измѣнилась; культурная полоса
разомъ исчезаетъ въ Наразымѣ. На лѣвомъ бере-
гу еще виднѣются жалкіе сады, на правомъ-же
начинается песчаная степь и тянется до самыхъ
устій Аму, до границъ дельты, вошедшей въ составъ
нашего государства.

Четвертаго сентября мы пришли въ Чарджуйскій
округъ и остановились на лѣвомъ берегу, у пере-
правы Байробообъ.

(Продолженіе будетъ).

Въ Лондонѣ англійская королевская академія худо-
жествъ открываетъ международный конкурсъ на сконча-
ніе первой золотой медали и сопряженнаго съ нею при-
за за лучшій проектъ памятника своему покойному пре-
зиденту сэру Роланду Гиллоу. Статуя должна быть мрамор-
ная, 8 фут. вышиною, пьедесталъ не болѣе 12 фут.
вышиною. Время представленія проектовъ назначено съ
1-го (13-го) іюля текущаго года по 1-е (13-е) мая 1881 г.

Проектъ сооруженія колоссальнаго аллегорическаго
монумента, подъ названіемъ «Осада Парижа 1870—1871
гг.», утвержденъ. Монументъ будетъ воздвигнутъ въ

Всемирная Иллюстрация

№ 601.] Годъ XII.

12 июля 1880 года.

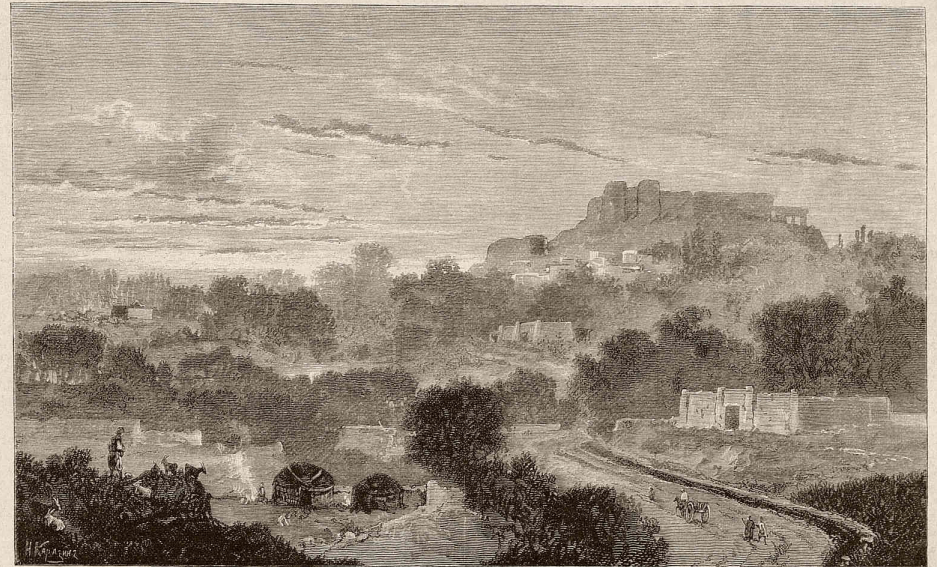
[Томъ XXIV. № 3.

Его Величество Георгъ I, король эллиновъ.
(Съ последней фотографіи, рисоваль К. Брожи).

Самарская ученая експедиція въ Среднюю Азію. — Горы Дзу-Ката на берегу Аму-Дарьи.
(Рисовалъ нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, П. П. Карзининъ).

Самарская ученая експедиція въ Среднюю Азію. — Видъ Чарджуя на Аму-Дарьи.
(Рисовалъ нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, П. П. Карзининъ).

Самарская ученая експедиція въ Среднюю Азію. — Кызыль-Куль. Движеніе перваго эшелона экспедиціи черезъ пески.
(Рисовалъ нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, П. П. Карзининъ).

ДЖОНЪ ФОСТЕРЪ,

новый посланникъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, въ С.-Петербургѣ.

Новый посланникъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, въ Петербургѣ, Джонъ Фостеръ родился въ городѣ Эвансвиллѣ, въ штатѣ Индианѣ, въ 1834 году. Фостеръ началъ свое образование въ близмингдальской и горвадской коллегіяхъ, а затѣмъ занялся юридическими науками и посвятилъ свою дѣятельность адвокатуры. Когда загорѣлась война сѣверныхъ штатовъ съ южными, Фостеръ посѣдѣшилъ встать въ ряды сражавшейся за уничтоженіе невольничества арміи сѣверинъ и путемъ многихъ военныхъ отличій дослужился до чина бригаднаго генерала, командира полкомъ волонтеровъ штата Индианы. Послѣ окончанія войны, Фостеръ вернулся въ свой родной городъ Эвансвиллѣ и сталъ издавать журналъ подъ названіемъ: «The Evansville Journal», которымъ занимался до 1872 года, когда для его дѣятельности открылось поприще болѣе завлекательное: онъ былъ выбранъ въ конгрессъ представителемъ штата Индианы. Въ 1873 году Фостеръ получилъ назначеніе на постъ посланника въ Мексику и на этомъ постѣ находился до послѣдняго времени. Въ концѣ прошлаго года понадобилось замѣнить къмъ-нибудь постъ посланника Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ, и тѣ лица, которымъ предлагали взять на себя эту должность, отказались отъ нея потому, что содержаніе 17,500 долларовъ недостаточно для прожитія представителя Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ. Тогда президентъ Гейсъ предложилъ должность Фостеру, получилъ его согласіе и представилъ конгрессу, который и утвердилъ это назначеніе.

Новый врагъ полей (Army Worm).

Въ началѣ іюня этого года въ Соединенныхъ Штатахъ на посѣвахъ появилось въ множествѣ насѣкомое, известное подъ именемъ *Leucania chiripeta*; обыкновенно это насѣкомое встрѣчалось только въ одиночку или небольшими группами; но, до сихъ поръ, *Leucania chiripeta* никогда еще не нападала массою на поле, хотя сама по себѣ не рѣдка и въ той мѣстности очень известна всѣмъ собирателямъ. Насѣкомое это ржавого, сѣровато-ржавого цвѣта, съ черными крапинками и бѣлыми точками на крыльяхъ. *Leucania* обильно кладетъ свои куколки въ траву или сѣно. Пожирать растение *Leucania* начинаетъ съ верхушки и уничтожаетъ его съ изумительной быстротой; на каждомъ стеблѣ помѣщается множество этихъ насѣкомыхъ, и, въ самое короткое время, растение погибаетъ совершенно. Куколки *Leucania* бѣлые, съ черными крапинками и продолговатой формы, но черезъ нѣсколько времени желтѣютъ и принимаютъ форму въ болѣе круглую. *Leucania* появляется въ маѣ мѣсяцѣ и затѣмъ начинаетъ быстро размножаться. Отъ близкаго ей рода камышевыхъ ночницъ (*Nonagria*) *Leucania* отличается тѣмъ, что не имѣетъ лобной роговой пластинки и зубовъ на сижкахъ самоцовъ. Гусеницы пробуравливаютъ трубчатые стебли растений и окукливаются тамъ, заложивши, предварительно, отверстіе сорокъ.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

(Продолженіе).

Отъ Чарджуя до Петрово-Александровска. IV.

Чарджуй — главный городъ чарджуйскаго бекства и крѣпость — южный оплот бухарскаго ханства, со стороны туркменъ «Теке и Мерв», резиденція бека, сына самого эмира, Тюра-Джака, расположенъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, верстѣ шесть отъ воды. Вокругъ города разстлана широкая береговая полоса, низменная долина, довольно дѣлая на видъ, заселенная земледѣльцами и са-

довами. Главная торговля этого города ведется съ кочевыми туркменами и съ Хивью — воднымъ путемъ. Чарджуицы отпускаютъ кочевникамъ продукты своихъ полей и садовъ, взаменъ чего получаютъ скотъ и выючныхъ животныхъ; кромѣ того, на здѣшнихъ фабрикахъ изготовляются превосходнѣйшіе ковры, а главное — войлоки, считающіеся по праву лучшими во всей Средней Азии.

Чарджуй служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и очень важнымъ транзитнымъ пунктомъ между Бухарою, а, значитъ, и городами, находящимися къ сѣверу, вошедшими въ составъ нашихъ владѣній и большимъ торговымъ центромъ туркменъ Мервомъ и всею плодородною долиною Атрека. Стратегическое значеніе этого города неоспоримо. Операционная база, опирающаяся правымъ флангомъ на наши укрѣпленія въ дельтѣ Аму, а лѣвымъ — на Чарджуй, можетъ парализовать всякую возможность враждебныхъ намъ дѣйствій со стороны Атрека — этой болѣе безпкойной артеріи независимыхъ туркменскихъ родовъ.

При положительномъ отсутствіи какихъ-либо статистическихъ примѣровъ въ Бухарскомъ ханствѣ, при этомъ чрезуръ уже приблизительномъ счетѣ народонаселенія кибитками трудно опредѣлить число жителей Чарджуя; приблизительно-же городъ насчитываетъ въ своихъ стѣнахъ тысячъ до тридцати, да ближайшія окрестности — предместья города — столько-же. Типъ жителей городскихъ — арийскій по преимуществу; узбекские роды здѣсь почти отсутствуютъ и составляютъ завоевательную аристократію.

Не смотря на мирный договоръ съ Россіею, заключенный въ 1868 году, послѣ разгрома ханства и занятія Самарканды, — договоръ, однимъ изъ условій котораго стояло освобожденіе рабовъ въ ханствѣ и прекращеніе работорговли, чарджуицы, хотя и неофициально, но весьма безцеремонно практикуютъ еще этотъ гнусный промыселъ, особенно юго-западная окраина бекства, граничащая съ кабалками, этимъ смышленымъ пунктомъ бухарскаго ханства.

Мы причалили свои канки у переправы Байробоудъ, какъ я уже говорилъ, и здѣсь на небольшомъ искусственномъ возвышеніи въ тѣни развѣсистыхъ таловъ поставлены были для насъ роскошныя палатки съ коврами и постелями. Лагерь нашъ расположился въ кругу — частью въ особыхъ кибиткахъ, частью на открытомъ воздухѣ.

Окрестности нашей стоянки были очень живописны: прямо передъ нами разстилалась широкая рѣка съ болотистыми низинами и затоками, густо заросшими кустовъ и уже пожелтѣвшимъ камышомъ, оживленные стаями голенастыхъ птицъ: цапель, журавлей и пр. На берегу было широкое мѣсто, совершенно свободное отъ всякаго зарослей и построекъ — это мѣстный гиподромъ, гдѣ въ праздничные дни устраиваются частныя и официальные скачки и прочія ристалища. Возвышеніе, занимаемое въ настоящую минуту нашей палаткою, служитъ, обыкновенно, наблюдательнымъ пунктомъ бека и его приближенныхъ во время скачекъ. Далѣе тянулись группами отдѣльные, очень живописно разбросанные и зажиточные на видъ хутора земледѣльцевъ, обнесенные группами карагачей, тутовника и фруктовыхъ деревьевъ. Зелѣющія поля джугары и привольныя грядки табачныхъ плантацій нестрѣли рабочими, болѣею частью полутодлыми... Вездѣ слышались оживленные голоса, мычаніе скота, скрипъ арычныхъ колесъ и надъ дорогами, лабиринтомъ идущими между глинистыхъ станковъ, садовъ и сакель, облаками стояла густая дѣсовая пыль, свидѣтельствующая объ оживленности движенія.

Здѣсь мы узнали, что транспорты съ нашими экипажами, вышедшія прямо изъ Самарканды на Чарджуй черезъ Бухару, ушли уже выйдя на канкахъ отсюда въ Петрово-Александровскъ, не дождавшись всего двое сутокъ нашего прѣзда; это была несомнѣнно пріятная новость — во-первыхъ уже потому, что съ экипажами были запасы продовольствія, для насъ необходимые, а главное, что путь, предстоящій нашему транспорту экипажей и прислугѣ, былъ далеко не безопасенъ, и конной изъ пяти казаковъ при транспорѣ былъ едва-ли достаточно. Но дѣлать было нечего, успѣвшихъ догнать и остановить не было возможности.

Здѣсь-же ждали насъ два джигита изъ Петрово-Александровска, высланные намъ навстрѣчу начальникомъ аму-дарьинскаго отдѣла, съ именами; это было очень кстати, такъ какъ изъ Чарджуя мы должны были разсчитать и отпустить съ Богомъ какъ нашего переводчика, такъ и всѣхъ туземныхъ джигитовъ — и остались вовсе безъ прислуги.

Едва мы высадились на берегъ, какъ насъ встрѣтили старшины Чарджуя и съ ними посланецъ отъ бека, его церемоніе-мстеръ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и взаимныхъ пожеланій, насъ спросили, когда мы намѣрены сдѣлать визитъ сыну эмира, беку Тюра-Джаку и вообще условиться на счетъ этой аудіенціи.

Мы условились на завтра, а пока занялись устроеніемъ нашего лагеря и отдыхомъ отъ долгаго и утомительнаго плаванія.

Между тѣмъ, конный отрядъ нашъ еще не пришелъ,

и посланные на его развѣдку сообщили, что еще ничего не слышали о движеніи этого отряда, значитъ онъ отсталъ отъ насъ значительно, покрайней мѣрѣ, сутокъ на двое. Это обстоятельство насъ сильно безпокоило, да вдобавокъ еще задерживало на пути, такъ какъ мы не могли-же тронуться далѣе, не дождавшись конныхъ. Отсюда уже слѣдовало сухопутнымъ по берегу не предостоя никакой возможности, въ виду пустыннаго характера береговыхъ песковъ и серьезной опасности отъ туркменскихъ разбойничьихъ шаекъ; отсюда предполагалось уже всѣмъ безраздѣльно плыть на канкахъ, что затрудняло чарджуйскаго бека не мало, такъ какъ годныхъ для дальняго плаванія канковъ почти не оказалось.

Намъ, впрочемъ, обещали возможность найти на пути и нанять хивинскіе канки, гораздо болѣе и лучше бухарскихъ, — въ урочищѣ «Ильчикъ».

На другой день къ намъ опять выѣхалъ изъ города посланецъ, чтобы проводить насъ въ крѣпость на аудіенцію къ Тюра-Джаку.

Мы съѣли на коней и, окруженные блестящею свитою всадниковъ въ парадныхъ, пытныхъ золотомъ, ярко-дѣтскихъ халатахъ, тронулись по пыльной дорогѣ, ведущей въ городъ.

Съ полчаса ѣхали мы тѣсною уллицею, между садовъ и сакель; намъ попадались на встрѣчу тяжело нагруженныя арбы съ товарами, отправляемыми на пристань, выючные верблюды караваны и множество коннаго и пѣшаго люда... Все это было болѣею частью вооружено саблями и ружьями и носило весьма воинственный характеръ.

Наконецъ, мы прошли темными прохладными воротами городской стѣны и очутились на базарныхъ крытыхъ уллицахъ.

Чарджуйскій базаръ по своему виду мало отличается отъ прочихъ базаровъ средне-азиатскихъ городовъ, не разъ уже мною подробно описанныхъ, — только при болѣе пристальномъ наблюденіи мы не замѣчаемъ здѣсь той открытости и безпечности, а наоборотъ все здѣсь носитъ печать тревоги и опасеній. Замки и запоры лавокъ поражаютъ своею солидностью; купцы и покупатели всѣ вооружены; у лавокъ толпятся или праздно слоняются по базару оборванные личности самаго подозрительнаго вида, преимущественно прѣзжіе туркмены, злобно косящиеся на насъ, русскихъ, своихъ заклятыхъ враговъ искони, да вдобавокъ еще находящихся съ нами въ официальном разрывѣ.

Проѣхавъ базаромъ, мы очутились передъ воротами цитадели и сѣзли съ лошадей. Обстановка входа въ цитадель, въ помѣщеніе Тюра-Джака, очень походила на обстановку керманскую, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Тѣ-же орудія въ чахлахъ подъ навѣсомъ, тѣ-же сѣрые артиллеріисты съ саблями наголо и дымящимися фитилями, — только, вмѣсто народной милиціи, здѣсь вытянулся и отдалъ намъ честь фронтъ регулярныхъ горбозовъ въ красныхъ кафтанѣхъ и черныхъ бараньихъ шапкахъ.

Насъ провели въ пріемную саклю, гдѣ уже былъ накрытъ парадный столъ и дожидался насъ самъ владетель Чарджуйскаго бекства.

Это — молодой человекъ лѣтъ двадцати не болѣе, сильно ожирѣвшій уже, не смотря на свою молодость, и подкрашивающій себѣ глаза и брови. На немъ былъ надѣтъ свѣтло-лиловый шелковый халатъ и туго свернутая тонкая бѣлая чалма. Его подведенные, какъ у козочки, глаза, отъ природы довольно красивые, сморщили тупо и апатично; всѣ его движенія были вялы и лѣнны; около него помѣстился его первый министръ — опекунъ — и въ дѣйствительности главное ответственное лицо передъ эмиромъ за управленіе бекствомъ. Это былъ бойкій, пронзливый старикъ, не спускавшій глазъ съ своего питомца и, видимо, подсаживающій ему какъ вопроса, такъ и отвѣты.

Такъ какъ серьезный разговоръ былъ только относительно канковъ для насъ и заготовки таковыхъ-же для остальнаго эшелона экспедиціи, оставленнаго нами еще въ Термезѣ, то официальныхъ матеріалъ для переговоровъ скоро истощился и мы занялись уже частною бесѣдою.

— Что новаго слышно изъ Мерва — театра настоящихъ военныхъ дѣйствій?

— Благодаря Аллаху — ничего. Мы живемъ въ сторонѣ, мы ничего не знаемъ... У насъ все тихо.

— Однако-же, вы такъ близко къ театру войны, что должны-же были что-нибудь слышать.

— О, нѣтъ... Ходятъ разные слухи на базарѣ, но базарнымъ слухамъ вѣрить нельзя...

— Можно-ли проѣхать сухопутнымъ внутрь страны, осматривать начало песковъ?

— Аллахъ допуститъ — отчего-же? Можно съ его благословенія — но очень опасно.

— Отчего опасно?

— Туркмены бродятъ шаиками, а туркмены люди нехорошіе, злые...

— Но можно взять конной.

— Можно, но конной разбѣгнется при-первыхъ выстрѣлахъ, и мы должны будемъ передъ эмиромъ отвѣчать за нашу безпачетность. Эмиръ — пошелъ ему Аллахъ благодѣтель! строго приказалъ беречь дорогихъ гостей...

И все въ этомъ родѣ...

Впрочем, когда мы поднялись, чтобы проститься, Тюр-Джань замгил нам:

Отчего это русские всегда так мало сидят въ гостях?... И все какъ-будто спышатъ, будто времени имъ мало, не хватаетъ? А вотъ самъ онъ, гостивши у насъ въ прошломъ году, въ Самаркандѣ, жилъ почти мѣсяца и не торопился.

На это ему отвѣчали, что онъ сынъ эмира и могъ поступать, какъ ему угодно, по своей волѣ, а мы люди подначальные и должны дѣлать, что намъ предписано и что работы у насъ такъ много, что времени дѣйствительно терять нечего.

— Что вы работаете?

— А вотъ знакомимся съ ихъ страной, измѣряемъ Аму-Дарью, наносимъ ея на карту; поправляемъ ошибки прежнихъ путешественниковъ.

— О, да! — отвѣчалъ совершенно неожиданно Тюр-Джань. Пока еще эта рѣка не вся ваша, но скоро вся рѣка и мы все будемъ ваши, если Аллахъ этого захочетъ, и тогда хозяину надо знать, чѣмъ онъ владѣетъ.

Одинъ изъ насъ на это отвѣчалъ, что мы вовсе не хотимъ и не торопимся занимать этотъ край, потому что это, благодаря Аллаху, пока бесполезно, ибо и Россія, и Бухара связаны такою тѣсною друбою между собою, что мы чувствуемъ себя въ бухарскихъ владѣніяхъ все равно какъ дома, равно какъ и бухарские люди у насъ, въ Россіи. Впрочемъ, жаль, все и вся дѣлается въ свѣтъ не иначе, какъ по волѣ Аллаха, а никакъ не по человеческому желанію.

— Хорошо-ли васъ устроили на берегу, у Бойроба, и всего-ли довольно?

— Благодаримъ бека и его сановниковъ; все устроено гораздо лучше, чѣмъ мы-бы даже желали и непременно сообщимъ о любезности владѣтеля Чарджуя въ Бухару и Ташкентъ...

— Письменно сообщите или на словахъ?

— Конечно, письменно.

— Это хорошо. Это очень даже хорошо. Въ Бухару напишите, что все въ Чарджуѣ въ порядкѣ и народъ очень доволенъ правительствомъ, — добавилъ тутъ пастырь Тюр-Джана.

— Напишемъ.

Поговоривъ еще съ полчаса въ такомъ родѣ мы расклялись съ гостеприимнымъ Чарджуйскимъ бекомъ и, пройдя снова въ дворъ и заоулки цитадели, сѣли на ожидавшихъ насъ коней.

Когда мы вернулись на берегъ, то одновременно съ нами прибылъ, наконецъ, и нашъ сильно отставшій конный отрядъ, совершенно измучившій своихъ коней по береговымъ тугайнымъ зарослямъ и мертвенесчанымъ перегонамъ.

Теперь насъ уже ничего не задерживало въ Чарджуѣ, и на другой день мы занялись сборами къ дальнѣйшему плаванію и расчетомъ вѣрно служившихъ намъ во все время путешествія самаркандскихъ джигитовъ.

Мы установили на два канка казаковъ съ ихъ лошадыми, расположились довольно комфортабельно сами и тронулись въ путь седьмого сентября съ солнечнымъ восходомъ.

(Продолженіе будетъ).

Генеалогія и Геральдика.

Гербъ князей Путятинныхъ.

Князья Путятины принадлежатъ къ числу Рюриковичей; самая-же фамилія Путята, а отсюда Путятины и, наконецъ, Путятинъ явилась при великомъ князѣ Василѣ Дмитріевичѣ. Съ фамиліями князей Вяземскихъ и Смоленскихъ родъ этотъ расходится при сыновьяхъ великаго князя Мстислава Владиміровича Великаго: Вяземскіе и Смоленскіе пошли отъ князя Ростислава—Михаила Мстиславовича, а вѣты, отъ которой произшли Путятинъ, пошла отъ старшаго брата его, *Изяслава* Мстиславовича, князя Галицкаго и Волынскаго, скончавшагося въ 1151 г. У *Изяслава* Мстиславовича было три сына: князь *Мстиславъ* Изяславовичъ Галицкій, сконч. въ 1170 г., князь *Ярополкъ* Изяславовичъ Волынский, сконч. въ 1167 году, и *Ярославъ* Изяславовичъ Луцкій, скончавшійся въ 1175 году, отъ котораго пошелъ родъ князей Луцкихъ, нынѣ уже не существующій. Мстиславъ Изяславовичъ имѣлъ также трехъ сыновей: князя *Романа* Мстиславовича, великаго князя Галицкаго и Русскаго, сконч. въ 1205 г., князя *Святослава* Мстиславовича Галицкаго, сконч. въ 1173 году, и князя *Всеволода* Гавриила Мстиславовича Галицкаго, сконч. въ 1195 г. Старшій сынъ послѣдняго, князь *Александръ* Всеволодовичъ звался Бѣльскимъ и Владиміръ — Волынскимъ, и имѣли брата *Всеволода* Всеволодовича и сестру, князю Елену Всеволодовну, бывшую замужемъ за польскимъ королемъ Казиміромъ. Князь Александръ Всеволодовичъ оставилъ сына *Романа* Александровича Владиміръ-Волынскаго и князю Анастасію Всеволодовну, вышедшую за князя Болеслава Конрадовича Мстовецкаго. Младшій сынъ *Романа* Александровича, *Михаилъ* Романовичъ, былъ княземъ Дру-

чичьимъ, а четыре старшихъ сына: Мстиславъ, Даниилъ, Василько и Владиміръ Романовичи писались Владиміръ-Волынскими. Мстиславъ, Даниилъ и Владиміръ не имѣли потомства; внуки Василько, князь Владиміръ Ивановичъ, былъ убитъ въ сраженіи подъ стѣнами Владиміра, при завоеваніи этого княжества литовскимъ великимъ княземъ Гедиміномъ и съ нимъ прекратился родъ князей Владиміръ-Волынскихъ. Дѣтей имѣлъ только князь Михаилъ Романовичъ Дручичъ и отъ двухъ его сыновей, *Василія* и *Симеона*, пошли фамиліи князей Дручичъ-Подбержичъ, Дручичъ-Соколинскихъ, Дручичъ-Любечичъ, Дручичъ-Горескихъ и Дручичъ-Вакриновскихъ. Симеонъ Михайловичъ Дручичъ имѣлъ сына *Дмитрія* Симеоновича и отъ него внуковъ: *Семёна*, *Иоанна* и *Михаила* Дручичъ.

Дѣти Семёна Дмитріевича были: *Иванъ* Семеоновичъ Дручичъ-Баба, отъ котораго пошли князья Бабицы; *Иванъ* Семеоновичъ Дручичъ-Путята, родоначальникъ князей Путятичей или Путятинныхъ; князь *Михаило* Дручичъ-Лобанъ; князь *Дмитрій* Семеоновичъ Дручичъ-Сквѣра.

Князь *Иванъ* Семеоновичъ Путята и братъ его, *Иванъ* Семеоновичъ Баба, были посланы съ литовскимъ вспомогательнымъ войскомъ къ великому князю *Василію* Дмитріевичу для войны противъ татарскаго князя *Кундака*. У этого *Ивана* Семеоновича были три сына: князья *Василій*, *Иванъ* и *Дмитрій* Ивановичи; дѣти старшаго, князя *Василія*, Юрій и *Дмитрій* Васильевичи, были литовскими воеводами и взяты въ плѣнъ 14-го іюля 1500 году въ битвѣ Вердошской. Князь Юрій былъ отпущенъ домой, въ Литву, а князь *Дмитрій* остался въ плѣнъ и умеръ въ Москвѣ, въ тюрьмѣ. Князь Юрій былъ женатъ на сестрѣ князя *Василія* Ивановича *Шемьякина* и имѣлъ сына, князя *Дмитрія* Юрьевича. Одинъ изъ Путятинныхъ, князь *Григорій* Васильевичъ, былъ воеводою въ Юрьевѣ-Ливскомъ въ 1561 году, въ Ругде въ въ 1567 году, потомъ послѣдовательно намѣстникомъ въ Порховѣ, Орлѣ и въ Оршнѣ. Князь *Григорій* Давыдовичъ былъ воеводою въ Нарвѣ въ 1566 году, въ Ругде въ въ 1571 году и намѣстникомъ въ Оршнѣ въ 1574 году. Князь *Михаило* Михайловичъ Путятинъ, по прозванію *Быкъ*, былъ осаднымъ воеводою въ Палудѣ въ 1579 году, въ Перновѣ въ 1582 году, а потомъ воеводою въ Ивангородѣ, въ Черинговѣ и въ Ливнахъ. Князь *Андрей* Тимофеевичъ былъ воеводою въ зимнемъ походѣ 1577 года подъ Копляемъ; князь *Матвій* Михайловичъ — воеводою въ Ракорбѣ въ 1580 г. Князь *Иванъ* Михайловичъ — воеводою въ Рижскѣ въ 1597 г. Въ 1699 году шестью князьями Путятинныхъ владѣли населенными имѣніями.

Гербъ князей Путятинныхъ: щитъ раздѣленъ горизонтально на двое; въ верхней части, въ голубомъ полѣ, золотой крестъ; въ нижней части, въ красномъ полѣ, серебряная литера W; щитъ покрытъ княжескою мантиею и княжескою шапкою.

Американское общество заключило договоръ съ художникомъ Мейссоне, по которому послѣдній обязуется въ непродолжительный срокъ доставить, за несъзанную сумму въ 3,000,000 франковъ, двѣ большихъ картины для панорамы: «Парижъ во время войны» и «Парижъ во время выставки». Общество намѣревается объѣздить съ этими картинами всю Америку.

Въ честь *Адальберта* Шамиссо былъ поставленъ 25-го іюня, въ Берлинѣ, у того дома, гдѣ поэтъ прожилъ нѣсколько лѣтъ передъ своею смертію, послѣдовавшее 21-го августа 1838 года, бронзовый рельефный медальонъ съ его портретомъ.

Инженерамъ *Монтъ-Сенискаго* тоннеля воздвигнуть недавно въ Туринѣ памятникъ. Онъ имѣетъ видъ пирамиды въ 22 метра вышины, на вершинѣ которой представленъ гений техническихъ наукъ. Въ верхней части пирамиды написаны имена инженеровъ: *Соммелле*, *Граттон* и *Гранди*, по сторонамъ изображено нѣсколько мужскихъ фигуръ, изъ которыхъ одна представлена восходящею на скалу, другая — склонившеюся на камень, третья — пробирающеюся сквозь каменные глыбы и т. п. Въ онъ обозначаютъ аллегорическую борьбу съ горною почвою. Между скалъ бѣгутъ ручейки, которые соединяются въ большомъ бассейнѣ, сдѣланномъ у подошвы пирамиды.

Въ юртенбергскомъ городѣ Биберахѣ намѣреваются воздвигнуть памятникъ Виланду. Фигура его будетъ изваяна изъ каррарскаго мрамора и поставлена на пьедесталъ изъ желтаго песчаника.

Въ Лондонѣ (13-го) 1-го іюля открылась давно ожидаемая выставка живописи на деревѣ; изъ массы выставленныхъ англійскими художниками работъ первое мѣсто занимаетъ прекрасный рисунокъ Герцога, подъ названіемъ: «Бабушкинъ любитель». Затѣмъ, обращая на себя вниманіе: картина бельгійскаго художника *Ватергауза*, подъ названіемъ: «Греческіе картежники»; картина ученика дюссельдорфской школы *Бриттена*: «Аудіенція» и «Танецъ», и произведенія испанскаго художника *дона Хосе Хименеса* и *Аранды*.

Въ Каснѣ, мѣстѣ рожденія *Обера*, будетъ воздвигнута въ память знаменитаго композитора статуя. Делаваншъ, въ Парижѣ, взялъ на себя трудъ сдѣлать эту статую.

Фортепіанный фабрикантъ, мануфактуръ совѣтникъ, *К. М. Шредеръ* Всемироистыѣше пожалованъ званіемъ поставщика двора Его Императорскаго Величества. Фортепіанная фабрика *К. М. Шредера* существуетъ съ 1818 года и справедливо пользуется давнишней и вполне заслуженной славой.

Въ новомъ театрѣ въ «Озеркахъ» съ 7-го іюля начались спектакли, съ участіемъ артистовъ императорскихъ московскихъ театровъ, *Г. Н. Одетовой*, а въ Павловскомъ театрѣ гастроль *Г. Н. Одетовой* началась 8-го іюля.

Привдворныя извѣстія.

Е. В. Королева эллиновъ *Ольга Константиновна* изволила выѣхать изъ С.-Петербурга на пароходѣ за-границу 6-го іюля.

Правительственныя распоряженія.

Оберъ-прокуроръ перваго департамента правительствующаго сената, тайный совѣтникъ *Марковъ* — назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Члену государственнаго совѣта, генералъ-адъютанту, генералъ-отъ-инфантеріи графу *Игнатьеву*, Всемироистыѣше повелѣно быть временнымъ, на время ярмарки, нижегородскимъ генералъ-губернаторомъ, съ подчиненіемъ ему, на это время, города *Нижняго-Новгорода* и всей Нижегородской губерніи съ тѣми правами, которыя предоставлены временнымъ генералъ-губернаторамъ, указомъ отъ 5-го апрѣля 1879 года.

Выставки и юбилеи.

Во Франкфуртѣ на Майнѣ въ нынѣшнемъ году пять большихъ выставокъ: 1) общаѣ нѣмецкаѣ выставка патентовъ и моделей; 2) нѣмецкаѣ выставка садоводства; 3) международная выставка предметовъ по части минеральныхъ водъ; 4) ремесленная выставка Франкфурта и окрестностей и 5) международная выставка сырыхъ кожъ и кожаныхъ издѣлій.

Комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, предполагая устроить въ его пользу въ октябрѣ сего года, въ помѣщеніи общества поощренія художниковъ (Спб., Большая Морская, № 40), «Пушкинскую выставку», приглашаетъ всѣхъ желающихъ въ ней участвовать, доставлять по этому адресу: 1) портреты и другія изображенія Пушкина; 2) его рукописи; 3) изданіе его произведеній; 4) переводы ихъ на иностранные языки; 5) рисунки къ его сочиненіямъ; 6) музыкальныя сочиненія на его слова; 7) предметы, принадлежавшіе Пушкину; 8) портреты его родныхъ и друзей и вообще все, что относится къ памяти великаго поэта. Доставленные предметы записываются, по жрѣбъ ихъ поступленія, въ заведенную для сего книгу, въ полученіи онахъ выдается росписка и по минованіи надобности будутъ возвращаемы по предъявленіи росписокъ, или согласно письменнымъ требованіямъ экспонентовъ. Срокомъ доставленія предметовъ на выставку назначается 20-е сентября, послѣ котораго будетъ приступлено къ печатанію каталога выставки.

Медицина и гигиѣна.

Проф. *Hardy* съ неизмѣннымъ успѣхомъ лечитъ зудъ втираніемъ мази, состоящей изъ 1 ч. сала, 1/6 части

№ 602.] Годъ XII.

19 іюля 1880 года.

[Томъ XXIV. № 4.

Подписная цѣна на 1880 годъ въ Россіи:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки 13 р. — к.
съ доставкою 14 р. 50 к.

Въ Москвѣ (въ отдѣленіи конторы), Никольск.
ул., д. «Славянск. Базара», (при Централь-
номъ книжномъ магазинѣ), безъ доставки. 14 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ города Россійской
Имперіи 16 р. — к.

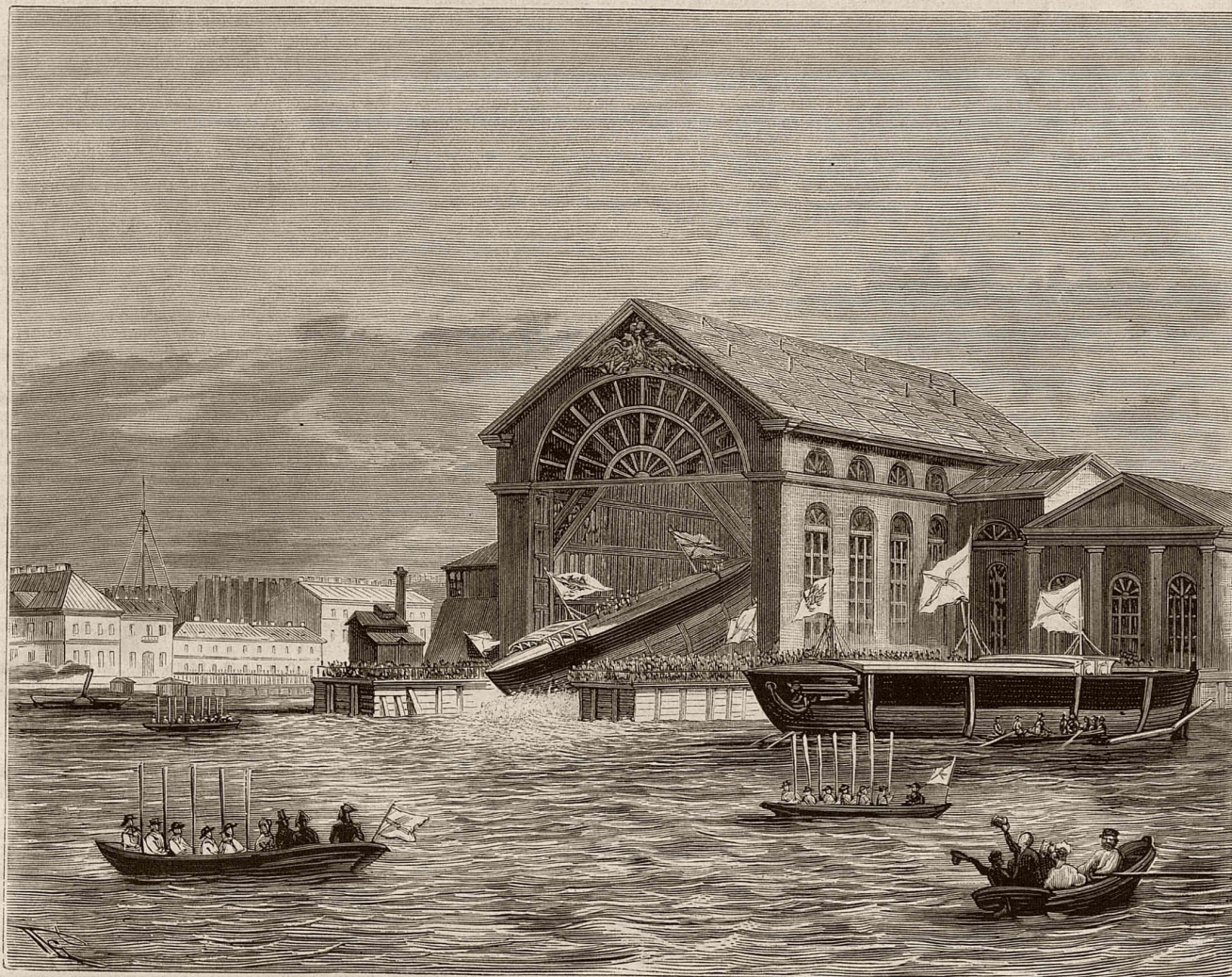
Журналь **ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ** выходитъ
ЕЖЕНЕДѢЛЬНО, въ размѣрѣ отъ 16 до 24 страницъ.

Объявленія въ журналь «Всемирная Иллюстрація»
принимаются въ Конторѣ Редакціи и взимается плата за
таковыя по 15 коп. за строчку непарелли, или за ся мѣ-
сто; для Франціи объявленія принимаются въ конторѣ
Agence Havas, 8, Place de la Bourse, Paris; для Гер-
маніи, Англіи, Италіи, Австріи и проч.—въ конторѣ Ф.
Петрика, Вас. Островъ, Загребенный пер., д. № 12,
С.-Петербургъ

Подписная цѣна на 1880 годъ за границую:

Въ государства всемірнаго почтового союза всѣхъ
странъ свѣта, съ доставкою 18 р.

Въ государства вѣи всемірнаго почтового союза:
Китай, чрезъ Бриндзи, Мысъ Доброй Надежды,
остр. Вознесенія, чрезъ Англію, средне-амери-
канскія республики и британскія владѣнія въ
Америкѣ и Австраліи, съ доставкою 23 р.

С.-Петербургъ. — Спускъ канонерскихъ лодокъ «Гроза» и «Буря», 5-го іюля въ Новомъ Адмиралтействѣ.

(Рисоваль П. Ф. Борель).

недѣля. Общественное мнѣніе было раздражено и требовало, чтобы къ выборамъ было приступлено немедленно; делегаты покорились, и 7-го іюня произошла первая баллотировка: Грантъ получилъ 304 голоса, Блэнъ 284, Шерманъ (статсъ-секретарь финансовъ) 96, Уашборнъ 32 и Эдмундъ 40; тогда приступили ко второму голосованію: оно дало почти такіе-же результаты, причѣмъ за генерала Гарфильда былъ поданъ одинъ голосъ. Въ теченіе этихъ сутокъ было произведено двадцать баллотировокъ и на двадцатой изъ нихъ Грантъ получилъ 308 голосовъ. На слѣдующій день борьба возобновилась; на тридцать четвертомъ голосованіи шансы Гарфильда нѣсколько увеличились: число его сторонниковъ возросло до 17-ти, но это было уже важнымъ признакомъ, потому что показывало, что делегаты, видя невозможность провести кого-либо изъ главныхъ кандидатовъ, рѣшились выбрать другаго замѣтнаго дѣятеля своей партіи. Такимъ оказался генералъ Гарфильдъ, который и получилъ при слѣдующей баллотировкѣ 399 голосовъ, тогда какъ за Гранта было подано 306, за Блэна 42, за Шермана 3 и за Уашборна 5.

Генералъ Джеймсъ Гарфильдъ, уроженецъ штата Огайо, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ, хотя и не первоклассныхъ государственныхъ людей Соединенныхъ Штатовъ. Сынъ бѣднаго фермера, оставшійся сиротой, онъ занимался сперва вмѣстѣ съ братьями земледѣліемъ, потомъ тягою судовъ на каналѣ Эри и, наконецъ, сдѣлался лодочникомъ, причѣмъ научился плотничному мастерству, которое доставляло ему средства учиться въ коллегіи, а затѣмъ въ «электрическомъ институтѣ», гдѣ онъ получилъ серьезное образованіе, такъ что въ 1854 году, 23-хъ лѣтъ отъ роду, онъ сдѣлался учителемъ греческаго и латинскаго языковъ въ пирамской коллегіи и женился на одной дѣвушкѣ, которая вмѣстѣ съ нимъ посѣщала школу.

Между тѣмъ приближалось время междоусобной войны. Гарфильдъ произнесъ нѣсколько блестящихъ рѣчей противъ рабства, которыя произвели такое впечатлѣніе, что онъ былъ избранъ въ 1859 году членомъ сената штата Огайо. При началѣ кампаніи онъ сформировалъ отрядъ милиціи, а потомъ былъ избранъ полковникомъ 42-го полка. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе своею храбростію, соединенной, однако, съ осмотрительностію, и потому былъ назначенъ начальникомъ штаба въ армію генерала Розенкранца, съ производствомъ въ генералъ-майора, черезъ нѣсколько-же мѣсяцевъ сограждане послали его представителемъ штата въ конгрессъ. Этотъ постъ онъ занималъ до 1872 года, усердно занимаясь изученіемъ архивовъ конгресса, а въ 1879 году былъ избранъ сенаторомъ. Въ настоящее время онъ состоитъ президентомъ бюджетной комиссіи.

Таковъ человѣкъ, побѣдившій Гранта, Блэна, Шермана и Вашборна, — людей, пользующихся болѣе громкою извѣстностію и обширными связями. Что-же доставило ему перевѣсъ? Какими соображеніями руководствовались партизаны Блэна и Шермана, чтобы составить коалицію въ пользу человѣка, о выборѣ котораго наканунѣ никто не думалъ? Причины этого дѣла: первая заключается въ томъ, что оба главные соперника Гранта, потерявъ надежду на свое избраніе и видя строгую дисциплину грантистовъ, надѣявшихся утомить противниковъ упорствомъ, приказали своимъ приверженцамъ подать голоса за Гарфильда, что тѣ и исполнили; вторая причина состоитъ въ отношеніи президента къ чиновничеству и въ атрибутахъ его власти: дѣло въ томъ, что при каждомъ новомъ президентѣ въ персоналѣ служащихъ въ казенныхъ мѣстахъ происходятъ огромныя перемѣны, причѣмъ ряды ихъ наполняются преимущественно лицами, принадлежащими къ партіи, доставившей президенту власть; поэтому, подавая голоса въ пользу кандидата, не связаннаго прежними обязательствами и не расчитывавшаго на президентство, чиновники имѣютъ болѣе шансовъ сохранить мѣста свои, чѣмъ присоединяясь къ партіи, поддерживающей лицо почти съ вѣрными шансами на успѣхъ. Кромѣ того, государственный механизмъ въ Соединенныхъ Штатахъ устроенъ такъ, что правительственная власть, въ сущности, сосредоточена въ конгрес-

сѣ и находится подъ бдительнымъ надзоромъ общественнаго мнѣнія, слѣдовательно, избраніе посредственнаго президента не можетъ отозваться вредно на ходѣ дѣла, а, съ другой стороны, гарантируетъ страну отъ потрясеній, неизбежныхъ при столкновеніи честолюбивыхъ и способныхъ личностей съ представителями націи. Для успѣха управленія достаточно, чтобы президентъ былъ честнымъ человѣкомъ и обладалъ твердымъ характеромъ.

Гарфильдъ выразилъ уже свое согласіе выступить кандидатомъ республиканской партіи и обнародовалъ свою программу: онъ не признаетъ преобладающаго государственнаго принципа, стоитъ за обезпеченіе и расширеніе избирательныхъ правъ, за отдѣленіе церкви отъ государства и за распространеніе народнаго образованія, но съ условіемъ, чтобы общественные доходы не шли на поддержаніе секторскихъ школъ; по финансовымъ вопросамъ онъ высказывается въ пользу возстановленія металлической валюты и употребленія остатковъ дохода на уплату долга, рекомендуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, держаться такого тарифа, который позволилъ-бы Соединеннымъ Штатамъ успѣшно конкурировать съ другими государствами, и советуетъ оказывать широкое гостеприимство всякой эмиграціи, кромѣ китайской, которая даетъ контингентъ рабски воспитанныхъ людей. Въ заключеніе, Гарфильдъ указываетъ на необходимость административныхъ реформъ.

Въ виду такого неожиданнаго результата выборовъ въ Чикаго, демократы поспѣшили выставить кандидата, который могъ-бы съ успѣхомъ бороться съ Гарфильдомъ; Тильде, бывшій соперникъ Гейса, имѣлъ мало шансовъ на побѣду и, сознавая это, отказался отъ кандидатуры; тогда вожаки партіи выдвинули на первый планъ на конвентѣ въ Цинциннати генерала Гэнкока, который и получилъ на послѣдней баллотировкѣ 705 голосовъ. Выборъ этотъ былъ весьма удаченъ, потому что генералъ пользовался расположеніемъ республиканцевъ, какъ человѣкъ, прославившійся сперва въ мексиканской кампаніи въ 1846 году, въ которой онъ принялъ участіе вскорѣ послѣ выпуска изъ вестъ-пойнтской военной школы, а потомъ — въ войнѣ за освобожденіе негровъ. Получивъ въ 1861 году начальство надъ 4-мъ корпусомъ потомакской арміи, онъ отличился въ битвахъ при Вильямсбургѣ, Фредериксбургѣ и Геттисбургѣ, гдѣ былъ тяжело раненъ; а въ 1864 году, командуя 2-мъ корпусомъ, онъ обнаружилъ свои военные таланты въ сраженіяхъ при Вильдернессѣ, Спотсильвалѣ, Колбѣ-Гарборѣ и при операціяхъ около Петербурга. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обращалъ на себя вниманіе умѣренностію послѣ побѣды: онъ относился гуманно къ побѣжденнымъ и всегда отстаивалъ принципъ подчиненія военнаго элемента въ мирное время гражданской власти.

Программа демократической партіи во многомъ сходна съ республиканскою: она тоже требуетъ расширенія народнаго образованія, отдѣленія церкви отъ государства и административной реформы, но она высказывается за отбѣну покровительственнаго тарифа и отстаиваетъ самостоятельность отдѣльныхъ штатовъ. Демократы смотрятъ на каждый штатъ, какъ на самостоятельное государство, имѣющее неограниченное право законодательства и могущее по своему усмотрѣнію организовать исполнительную власть, финансы и избирательную систему; по мнѣнію-же республиканцевъ, конгрессъ можетъ отбѣять постановленія штатовъ, потому что послѣдніе представляютъ не самостоятельныя государства, но части союза, пользующіяся широкою автономіею; неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этихъ воззрѣній является ограниченіе индивидуальныхъ правъ гражданъ и стѣсненіе личной свободы.

Такимъ образомъ, предстоящіе выборы будутъ имѣть тѣмъ болѣе интересъ, что дѣло идетъ о борьбѣ федераціи съ централизмомъ; если первая форма благоприятна для внутренняго развитія страны, за то вторая представляетъ болѣе преимуществъ въ случаѣ войны или столкновеній между штатами. Благодаря этимъ условіямъ, республиканская партія захватила власть въ свои руки въ 1860 году и съ тѣхъ поръ удерживаетъ ее. Увидимъ, сохранится-ли она ее при измѣнившихся обстоятельствахъ и

при общемъ неудовольствіи населенія противъ злоупотребленій, допущенныхъ Грантомъ и неискоренныхъ Гейзомъ.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ Н. Н. КАРАЗИНА.

IV.

Отъ Чарджу до Петрова-Александровска.

(Продолженіе).

На лѣвомъ берегу еще тянутся зеленѣющія населенныя полосы; правый-же берегъ сплошь представляетъ собою царство мертвыхъ песковъ; береговья обнаженія носятъ оригинальныя формы песчаныхъ напаставаній съ прокладками рухляковъ; интересное явленіе каскадирующаго уступами мелкаго песка попадаются на каждомъ шагу. При высадкахъ на правый берегъ мы наблюдали типичные борханы подковообразной формы.

Урочище Ильчакъ, мѣсто переправы туркменскихъ каравановъ, къ которому мы прибыли около половины втораго часа по-полудни, мало чѣмъ отличается отъ мертвой пустыни. Здѣсь нѣсколько сторожевыхъ землянокъ, дѣ-три кибитки и группа временныхъ камышевыхъ шалашей на самомъ берегу.

Здѣсь, какъ намъ было обѣщано, мы дѣйствительно нашли десятка два большихъ превосходныхъ хивинскихъ калкочъ и до сотни ожидающихъ переправы верблюдовъ, принадлежащихъ купцамъ-туркменамъ.

Туркменскій верблюдъ, однопорбый наръ, рѣзко отличается отъ своего киргизскаго товарища; это — колоссальное животное, очень красивое, съ небольшою сухою головою и большими, черными какъ уголь, великолѣпными глазами. Туркмены гораздо лучше скотоводы, чѣмъ киргизы; они развили и усовершенствовали свои породы скота и этимъ подняли ихъ цѣнность. Туркменскій наръ стоитъ отъ пятидесяти рублей и до ста и даже болѣе на мѣстѣ; киргизскій двупорбый верблюдъ ровно вдвое дешевле. Туркмены человѣчны и разумны, уважаютъ за животными, и животныя вознаграждаютъ своихъ хозяевъ кротостію и превосходною дрессировкою. Здѣсь вы не увидите рваныхъ кроюкомъ, окровавленныхъ ноздрей, какъ у киргизскаго верблюда; здѣсь на головахъ нара красуется легкая уздечка, украшенная шерстяными кистями, амулетами и раковинками, и, не смотря на это, десятилѣтній ребенокъ легко можетъ управиться съ двумя колоссами, кроткими, понативными и послушными до нелзя.

Съ помощію сопровождавшихъ насъ людей горджуйскаго бека, мы скоро стоговались и наняли два прекрасныхъ большихъ калка со всѣмъ экипажемъ, обязавшихъ насъ за весьма скромную плату, по сту кокановъ за калка, доставить до самаго Петрова-Александровска въ семь сутокъ.

Мы перегрузились, отдохнули и отправились далѣе уже передъ вечеромъ, расчитывая завтра хотя къ полудню подойти къ Кабакламъ, крайнему пункту бухарскій территоріи на лѣвомъ берегу.

Ночевали мы, не доходя до Кабакловъ верстъ двадцати, на густо-заросшемъ берегу. Во время полета изъ Кабаклы прибыли бухарскій конвой, состоящій изъ полусотни пѣшихъ оборванцевъ, вооруженныхъ фатильными ружьями. Не особенно доверяя этому конвою, мы сами позаботились поставить часовыхъ и вообще приняли военныя мѣры предосторожности. Ночь прошла благополучно, и съ разсвѣтомъ мы отчалили далѣе.

Калки хивинскіе, управляемые опытными и умѣлыми калкчами, шли чрезвычайно ходко, и еще задолго до полудня мы прибыли въ Кабаклы, гдѣ насъ встрѣтилъ бекъ со своими сановниками и коннымъ эскортомъ.

Воспользовавшись присутствіемъ бека, мы настойчиво потребовали отъ него, чтобы дана была возможность осматрѣть старые руса рѣкъ, засыпанные пескомъ, отстоящіе верстъ на семь отъ нынѣшняго берега.

Бекъ смѣлся на невозможность этой экскурсіи по случаю того, что большія шапки враждебныхъ намъ туркменъ бродятъ по близости и вообще слѣдѣтъ за движеніемъ нашего эшалона, а что онъ отвѣчаетъ передъ эмпоромъ своею старою головою за наши головы, и потому конвой не дастъ. Когда-же ему сказали, что обойдется и безъ его конвой, и подкрѣпили эту готовность, сѣвши на верховыхъ коней, то бекъ, дѣлать нечего, распорядился командировать въ прикрытіе около сотни конныхъ джигитовъ, имѣвшихъ такой жалкій, растерянный видъ, что не трудно было догадаться о готовности ихъ при первомъ выстрѣлѣ бѣжать безъ оглядки.

Экскурсія продолжалась часа два съ половиною и обошлась совершенно благополучно. Часа въ четыре по-полудни мы уже продолжали путь и къ вечеру миновали развалины *Имъ-Кала* на правомъ песчаномъ

берегу и Джинг-Кала — на пустынной песчаной отмели-острове.

По лѣвому берегу и отчасти по правому насъ сопровождали все время чрезвычайно подозрительныя личности, полуголы, съ фидильными музиками въ рукахъ; канкии уфрыли насъ, что это люди, посланные кабаклискимъ бекомъ для конвоирования на всякій случай; но къ ночи эти спутники исчезли, и мы, въ мѣрахъ предосторожности, причалили на ночлегъ уже не къ матерому берегу, а къ одному изъ густо-заросшихъ островковъ, гдѣ опять провели ночь на сторожѣ, зная, что теперь уже мы соприкасаемся бокомъ о бокомъ съ территоріей враждебныхъ намъ племенъ текинскихъ туркменовъ.

На другой день около полудня, проходя урочище „текинская переправа“, близъ Кетменчи, мы имѣли дѣйствительно перестрѣлку съ пайкою текинцевъ, атаковавшихъ насъ на ходу и пытавшихся взять на абордажъ наши канкии.

Эпизодъ этотъ подробно описанъ мною въ одномъ изъ прежнихъ номеровъ „Всем. Иллюстр.“ и даже снабженъ рисункомъ, и потому я пропускаю это описаніе вновь, во избѣжаніе повторенія.

Тревожную ночь провели мы послѣ перестрѣлки, окончившейся для насъ весьма счастливо, но далеко не также счастливо для туркменъ, и далѣе шли уже безостановочно до самыхъ предѣловъ дружественнаго намъ хивинскаго ханства на лѣвомъ берегу и до урочища Учъ-чучанъ — на правомъ, — исходной пограничной рѣчки уже нашихъ аму-дарьинскихъ владѣній.

Мы прибыли въ Петро-Александровскъ на седьмой день нашего плаванія изъ Чарджуи; мы окончили наше водное путешествіе, но впереди намъ предстояло другое, гораздо труднѣйшее и сопряженное съ величайшими лишениями путешествіе черезъ Кызылъ-Куми, эту песчаную пустыню, лежащую между бассейнами Аму и Сыра.

(Продолженіе будетъ).

Дюссельдорфская ремесленная и художественная выставка.

За послѣднія пять лѣтъ всемирныхъ выставокъ было вездѣ такъ много, что общій интересъ къ нимъ началъ нѣсколько охлаждать; тѣмъ болѣе интереса пріобрѣтаютъ мѣстные выставки, поощряющія туземную промышленность въ каждой странѣ и даже въ каждой провинціи. Особенно можно сказать это о Германіи. Выставки въ Ганноверѣ, въ Берлинѣ и въ Оффенбахѣ имѣли положительный успѣхъ. Открытая 9-го мая въ Дюссельдорфѣ промышленная выставка ремесленныхъ произведеній пріерейскихъ областей, Вестфалии и сосѣднихъ съ нею округовъ, въ соединеніи съ всеобщимъ германскою художественною выставкою, имѣла особенно важное значеніе во многихъ отношеніяхъ. Программа выставки охватываетъ почти всѣ наиболѣе значительныя отрасли германской промышленности. Соединеніе германскаго художества съ пріерейскою промышленностью необходимо должно было вызвать участіе къ этой выставкѣ въ Германіи и даже за ея предѣлами, а благоприятное географическое положеніе и удобство сообщенія, какъ желѣзнодорожнаго, такъ и сухопутнаго, равно какъ и живописное мѣстоположеніе пріерейскихъ областей, — доставитъ ей многочисленныхъ посѣтителей даже между иностранцами.

Идея дюссельдорфской промышленной выставки возникла прежде всего въ тамошнихъ инженерныхъ кружкахъ, а оттуда проникла въ болѣе пространныя сферы и вскорѣ образовалась для ея выполненія обширная организація, во главѣ которой сталъ дюссельдорфскій инженеръ, г. Луегъ. О размѣрахъ выставки можеть лучше всего дать понятія тотъ фактъ, что одна сумма страховки выставленныхъ на ней предметовъ простирается слишкомъ на 8,500,000 марокъ. Капиталь, съ которымъ затѣяно предпріятіе, доходитъ до 800,000 марокъ; всѣхъ экзпонентовъ въ ремесленномъ отдѣленіи доходитъ до 2,500.

Художественная выставка, устроенная подъ руководствомъ ландшафнаго живописца Августа Беккера, заключаетъ въ себѣ около 1,150 произведеній; это уже четвертая общая выставка германскихъ художествъ въ Германіи и въ Австріи. Въ числѣ экзпонентовъ есть имена весьма громкія. Весьма важную часть всего предпріятія составляетъ выставка художественно-промышленныхъ древностей, открытая въ началѣ іюня. Пріерейскія области и Вестфалія богаты художественно-промышленными памятниками, относящимися къ различнымъ эпохамъ среднихъ вѣковъ, и соединеніе ихъ является тѣмъ важнѣе, что именно въ послѣднія времена возникло стремленіе облагородить повѣвшую художественную промышленность съ помощью классическихъ образцовъ. Президентомъ этого отдѣла состоитъ профессоръ Веертъ, изъ Бонна. Изъ числа различныхъ промышленныхъ отдѣловъ особенно богаты: горный, инженерный, металлургическій и кожевенный.

Зданіе выставки, изображаемое на нашемъ рисун-

кѣ, сооружено по проекту дюссельдорфскихъ инженеровъ Болъда и Фрингса. Это — величественное зданіе съ обширными галлереями; длина его 360 метровъ, ширина 105. Оно занимаетъ пространство въ 32,000 квадратныхъ метровъ; изъ этого числа 3,000 квадратныхъ метровъ приходится на художественную выставку. По срединѣ его возвышается куполь, съ четырьмя башнями по сторонамъ. Очертанія зданія весьма просты; вдоль его идутъ три галлерей, пересякаемыя четырьмя поперечными. Выпуклая крыша устроена очень практично. Главный матеріалъ стѣнъ зданія — дерево, крыши — папка; освѣщается оно очень хорошо боковыми свѣтомъ, а въ художественномъ отдѣлѣ — сверху, что весьма благоприятно для выставленныхъ произведеній. Кромѣ главнаго зданія, выведено еще нѣсколько боковыхъ пристроекъ; нѣкоторыя изъ нихъ изображены на нашемъ рисункѣ. Идея соединить зданіе выставки съ дюссельдорфскимъ зоологическимъ садомъ весьма удачна. Общее впечатлѣніе, производимое зданіями выставки, очень благоприятно; они кажутся роскошнымъ городомъ, ярко выдѣляющимся на темномъ фонѣ, который представляютъ Грабенбергъ съ его мрачными сосновыми лѣсами. Словомъ, дюссельдорфская выставка представляетъ соединеніе древняго романтизма, господствовавшего нѣкогда въ пріерейскихъ областяхъ, со всею кипучею практическою дѣятельностію, одушевляющею современную промышленность.

На открывшуюся въ Амстердамѣ (17-го) 5-го іюля выставку церковныхъ предметовъ и религіозныхъ произведеній искусства кенсингтонскій музеумъ прислалъ церковную утварь, кресты, чаши и священныя изображенія, относящіяся къ началу христіанства; а берлинскій музеумъ — знаменитую біблію съ замѣтками Лютера, писанную на пергаментѣ. Перенести, т. е. покришка съ изображеніями библейскихъ сценъ, сдѣлать изъ драгоценныхъ камней на подобіе мозаики.

(20-го) 8-го іюля въ лондонской королевской галлерей появилась новая замѣчательная картина Густава Дорѣ, надъ которою онъ трудился четыре года: «Избавленіе первенцевъ въ Египтѣ». Картина производитъ глубокое, потрясающее впечатлѣніе, и публика цѣлые дни массами стоитъ передъ нею.

Профессоръ Г. Купертъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ, окончилъ три колоссальныхъ статуи для новаго собора въ Трирѣ: Христа и двухъ евангелистовъ св. Матвея и св. Марка. Онъ изваянъ изъ бѣлаго мрамора, имѣють каждая отъ 10 до 12 футовъ вышины и принадлежать, безспорно, къ числу образцовыхъ произведеній въ этомъ родѣ.

Въ итальянскомъ парламентѣ предложенъ законопроектъ насчетъ сооруженія почетной арки въ память Виктора Эммануила II. Арка эта будетъ поставлена въ Римѣ, на площади діоклетіанскихъ термъ. По этому поводу будетъ объявленъ конкурсъ для всей Европы. За три лучшихъ проекта будутъ выданы преміи въ 30,000, въ 20,000 и въ 10,000 лиръ.

Королевская академія художествъ, въ Берлинѣ, намѣрена издать для предстоящей выставки 1880 г., по примѣру лондонской академіи, рядомъ съ обыкновеннымъ каталогомъ, иллюстрированный каталогъ. Съ этою цѣлю сенатъ академіи обращается ко всѣмъ художникамъ, которые примутъ участіе въ выставкѣ, съ просьбою прислать въ академію рисунки съ своихъ произведеній, начертанные перомъ на бѣлой, гладкой бумагѣ, величиною съ 1/3 часть листа.

Извѣстному историческому художнику Теодору Шпеку, въ Мюнхенѣ, удалось сдѣлать чрезвычайно интересное изобретеніе. Онъ придумалъ соединить фотографію съ ручной живописью масляными красками. Снимки, произведенные такимъ способомъ, трудно отличить отъ оригиналовъ. Посредствомъ этого способа можно передавать на снимкѣ всѣ оттѣнки красокъ оригинала и дѣлать ихъ въ любую величину и въ какомъ угодно числѣ экземпляровъ за сравнительно небольшую цѣну.

21-го (9-го) іюля поставлена въ Лекенѣ статуя Леопольда I, короля Бельгіи.

25-го августа театръ парижской «Comédie Française» будетъ праздновать двухсотлѣтіе своего существованія.

Правительственные распоряженія.

Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ на имя Великой Княгини Маріи Павловны, вѣдѣнію Ея Высочества подчинены женскія гимназіи иprogимназіи министерства народнаго просвѣщенія, женское, графа Дмитрія Николаевича Бутова, училище въ Острогѣ (Волынской губерніи), и виленское и холмское маріинскія женскія училища.

Выставки и юбилеи.

— Въ Туринѣ съ 6-го по 12-е сентября (нов. стиля) предстоящаго года долженъ состояться третій международный гигиеническій конгрессъ; медицинскій департаментъ, сообщая объ этомъ, приглашаетъ русскихъ врачей принять участіе въ этомъ конгрессѣ.

Печать, книжное дѣло и библиографія.

Union littéraire, въ Парижѣ, объявляетъ призъ за лучшую обработку біографіи Виктора Гюго и его литературной дѣятельности. Призы состоятъ изъ медалей; кромѣ того, въ роскошномъ альбомѣ будутъ помѣщены имена всѣхъ конкурентовъ.

— «Дамская верховая ѣзда», сост. А. В. Полозовъ.

Не полагаемъ, чтобы кому-либо удалось выучиться ѣздить верхомъ или фехтовать съ помощью книги, а потому большой пользы отъ руководства г. Полозова не ожидаемъ, тѣмъ болѣе, что онъ поставилъ себѣ слишкомъ широкую программу; а именно: во-первыхъ, онъ желаетъ помочь дамамъ понимать требованія берейторовъ; во-вторыхъ, дать возможность ѣздящимъ братьямъ, мужьямъ и т. д. обучать верховой ѣздѣ своихъ дамъ, и въ-третьихъ, въ крайнемъ случаѣ, при отсутствіи свѣдущихъ учителей, замѣнить ихъ хоть въ теоретическомъ отношеніи. Разумѣется, всѣмъ этимъ требованіямъ книга удовлетворить не можетъ, въ особенности если брать или мужъ ѣздитъ плохо, не знаетъ толкъ въ лошадахъ и не умѣетъ принимать въ соображеніе привычки коня и ѣздящаго. Безспорно, въ книгѣ заключается много полезнаго свѣдѣній, хотя и изложенныхъ тяжелымъ языкомъ; но учиться по ней ѣздить верхомъ не софтуемъ, безъ помощи берейтора или опытнаго ѣздящаго.

«Въ гостяхъ». В. И. Немировича-Данченко, изд. Э. Гартге. Спб., 1880 г.

«Даль». В. И. Немировича-Данченко, изд. Э. Гартге. Спб., 1880 г.

Названныя сочиненія г. Немировича-Данченко заключаютъ въ себѣ рядъ разсказовъ и путевыхъ впечатлѣній, относящихся болѣею частью къ Кавказу. Талантъ автора на столько уже извѣстенъ нашимъ читателямъ, что рекомендовать новыя произведенія г. Немировича-Данченко считаемъ излишнимъ.

Естественная исторія.

Новѣйшія изслѣдованія доказали, что пчелы далеко не могутъ считаться безраздными животными. Ужаленіе ихъ можетъ иногда вести за собою смерть человѣка. Патологическія явленія, вызываемыя ужаленіемъ пчелъ, раздѣляются на три категоріи.

Первая категорія. Легкіе случаи. Ощущеніе обжога, опухоль, чрезвычайно несприятный зудъ.

Вторая категорія. Серьезные случаи, оканчивающіеся выздоровленіемъ. Въ началѣ наблюдаются тѣ-же симптомы, какъ и вышеприведенные. Затѣмъ слѣдуетъ крайній упадокъ силъ, сердцебіеніе, охлажденіе оконечностей, тошнота, невыносимая головная боль. Часто къ нимъ присоединяется крапивная лихорадка и нервные припадки въ формѣ конвульсій или столбняка.

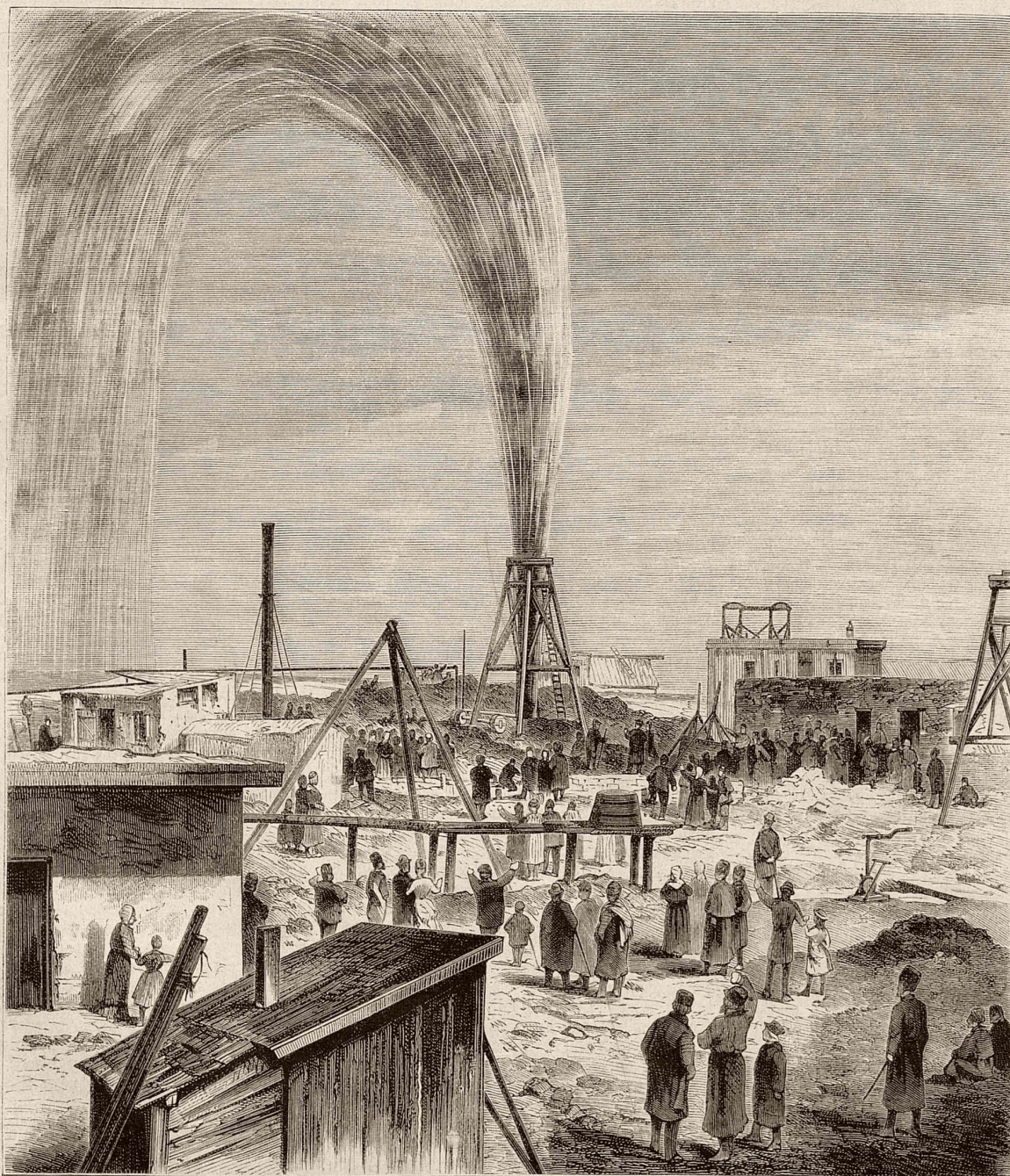
Третья категорія. Случаи, оканчивающіеся смертію. Случаи эти встрѣчаются чаще, нежели обыкновенно принято думать. Быстрая смерть слѣдуетъ за ужаленіемъ лица, головы, шеи или за многочисленными ужаленіями тѣла. Симптомы здѣсь двойнаго рода. Одни являются слѣдствіемъ мѣстнаго пораненія, представляющаго исключительную важность по мѣстонахожденію пострадавшаго органа. Такогоо задущеніе, вызываемое опухолью плоти. Въ другихъ случаяхъ ядъ пчелы, ве-

Всемирная Иллюстрация

№ 606.] Годъ XII.

16 августа 1880 года.

[Томъ XXIV. № 8.

Наша крупная промышленность. — Нефтяное производство въ Баку. Фонтанъ г. Бенксена, близь Баку.

(Съ фотографіи г. Левитеса, рисоваль А. Бальдингеръ.)

Но сще зврчнє трєзи
Тамз ронєтє в часє урочнїй,
Сє приблїжєнєм тьмь познчнїй,
Созвоєй вє крєстєх сирєцї.

Здєсь-жє вє городѣ богатомъ,
Вє пышнѣй, холенѣй стознцѣ,
Жизнѣ, что вє запертой темнцѣ,
Стая брємємъ проклятымъ!

Позєтєлє-бѣ: вє роцѣ темнѣй
Разєрєлєтєлє нє просторѣ
И нєйтї вє зєбѣчємъ морѣ
Спєлнѣй рєжї прїємъ рѣхромѣй.

Дє нєлєзє: подбїтї крєплєнїє!..
И, свершїлє по волѣ нєбѣ
Грєдє подєннѣй из-зє хлєбѣ,
Глєзкѣ стонєшє отъ безснєжї!

На заливѣ.

Помнїшє: вє лѣтѣ мѣ қаталїсѣ
Позднїмъ вєчєромъ сє тобѣ;
Вє нєбєсахъ зажєлїлє звєздѣ,
Шлєвалє мєсїцє зєлѣтѣй!..

Надвїгалєсє отовєсѣдѣ
Лѣтнѣй нѣчї позлємєлє!..
Глє грєбєлє!.. водє журчєлє
Подъ рѣдєрємъ вєсєлє.

Нақѣнєцє, тѣ рѣтомїлєсє
И, лѣблєсє нє заплєвє, нємєнє
Сталє вє далѣ глєдѣтѣ нѣмѣ,
Вєсєлє вє лѣтѣ позлємєлє.

И шєптєлє тѣ мѣрѣ стрєстнѣ
Нєзавєщєннє слѣвє,
Отъ қѣторѣхъ вє опѣнєннѣ
Зєкрѣжїлєсє глѣзѣ!..

В. Мюрѣ.

Генеалогія и Геральдика.

Гербъ Микадо.

По заказу японскаго императора, однимъ изъ лучшихъ серебряныхъ дѣлъ мастеровъ Лондона изготовляется роскошный обѣденный сервизъ изъ чистаго серебра, съ канделябрами, вазами, чашами и т. п. По условіямъ заказа, всѣ предметы, входящіе въ составъ роскошнаго европейскаго обѣденнаго сервиза, должны быть орнаментированы, по возможности, въ японскомъ вкусѣ, по лучшимъ образцамъ этого рода. На всѣхъ предметахъ долженъ быть вычеканенъ гербъ микадо, на которомъ изображены драконъ и фениксъ — два главныя животныя японской мѣологии. Тотъ и другой, по японской символикѣ, означаютъ чудесное рожденіе и существованіе, а оба, изображенные вмѣстѣ, они знаменуютъ необычайныя дѣла, священное назначеніе и источникъ мира и милосердія. Божественный избранникъ, какъ и изображаемая въ его гербъ чудесная птица, по совершеніи всѣхъ чудесныхъ дѣланій, для которыхъ онъ призванъ, долженъ взойти на небо, для того чтобы снова вернуться, когда въ немъ окажется необходимость.

Койка съ палаткой Гвинне.

Изобрѣтенная г. Гвинне первоначально для военнаго времени палатка, въ видахъ необходимости имѣть въ походѣ подвижное, удобное и непросто-

мое помѣщеніе, оказывается весьма пригодною въ мирное время, — напримеръ, въ садахъ, гдѣ нѣтъ тѣни, во дворахъ, на балконахъ, на корабляхъ и т. п. Она не только замѣняетъ обыкновенную койку, но можетъ даже служить настоящею постелью, по своей длинѣ и ширинѣ, и по стойкости своей нижней подставки, дозволяющей полную свободу движений. Скелетъ койки состоитъ изъ легкаго гибкаго кусочковъ дерева, изъ которыхъ можно въ одну минуту сложить крѣпкую, надежную, удобоносимую подставку, къ которой прикрѣпляется койка и надъ которою разбивается палатка. Койка и покрывка палатки сдѣланы изъ крѣпкой, непромокаемой парусины. Чтобы разбить эту палатку, не нужны ни шурупы, ни вѣнты, ни деревья, ни стулья: ее можно поставить вездѣ, и быстро перенести съ одного мѣста на другое. Фиг. 1-я изображаетъ койку съ наметомъ, а 2-я — съ ковромъ, откинутымъ до половины. Въ этой формѣ она представляетъ для солдата, для туриста, словомъ для всякаго, кому нужно почевать подъ открытымъ небомъ, удобный пологъ, въ которомъ ему нечего бояться непогоды. Фигура 3-я представляетъ палатку и койку свернутыми. Чтобы снѣть палатку, нужно не болѣе нѣсколькихъ минутъ времени. Жерди подставки разнимаются, складываются въ кучу, койка и палатка обвиваются около нихъ, и все вмѣстѣ образуетъ вовсе не громоздскій свертокъ, которому легко можно найти мѣсто во всякомъ углу. Такія палатки продаются у г. Уилли, въ Лондонѣ.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатскаго желѣзнодорожной и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

(Продолженіе).

У.

Петро-Александровскъ, Шураханъ и степь „Кызылъ-Кумъ“.

Семь лѣтъ тому назадъ, именно въ 1873 г., послѣ разгрома Хивинскаго ханства, въ наши предѣлы отошла вся мѣстность, лежащая по правому берегу Аму, отъ урочища Учъ-чучакъ до Аральскаго моря, считая и всю дельту Аму по Тадыкѣ, крайній лѣвый притокъ ея до бассейна. Такимъ образомъ, мы приобрѣли довольно большую область, отдѣленную отъ остальныхъ нашихъ владѣній Аральскимъ моремъ и громаднымъ пространствомъ песчаныхъ степей Кызылъ-Кумъ, занимающихъ все пространство между бассейнами Аму и Сыра.

Единственнымъ болѣе или менѣе удобнымъ путемъ сообщенія, связывающимъ новую область съ бассейномъ Сыра, было само Аральское море. Въ 1874 г., т. е. на другой годъ послѣ занятія, снаряжена была ученая экспедиція для изслѣдованія дельты Аму во всѣхъ отношеніяхъ; экспедиціи этой было поручено и найти водный путь, по которому пароходы наши могли бы чрезъ запутанный и прихотливый лабиринтъ дельты достигать настоящаго ложа Аму. Этотъ путь былъ найденъ, и въ то-же лѣто первые русскіе пароходы „Араль“ и „Самаркандъ“ явились на параллели Хивы и поднялись значительно вверхъ, на страхъ и удивленіе никогда ничего подобнаго не видавшихъ, полу-дикихъ обитателей аму-дарьинскихъ прибрежій.

Но этотъ водной путь не могъ удовлетворить потребности новаго края — путемъ этимъ нельзя было пользоваться круглый годъ; навигаціонное время опытами опредѣлено было между половиною мая и половиною августа, а въ этотъ промежутокъ пароходы могли сдѣлать не болѣе четырехъ рейсовъ, да и то въ сильныя вѣтры приходили не всегда аккуратно, запаздывая на десять дней и болѣе.

Другой-же путь сообщенія представляла собою страшная по своимъ пескамъ и безводію Кызылъ-кумская степь. О ней — въ свое время.

Какъ охрана новозанятаго края, оставленъ былъ въ дельтѣ гарнизонъ, состоящій изъ двухъ батальоновъ пѣхоты, нѣсколькихъ сотенъ казаковъ и соответствующаго числа легкихъ орудій; кромѣ того, учреждена была администрація, состоящая изъ начальника отдѣла и увѣднхъ начальниковъ, и край наименованъ Аму-дарьинскимъ отдѣломъ. Начальникомъ края назначенъ былъ опытный и хорошо знакомый съ нравами азіатцевъ полковникъ Ивановъ, которому и вѣдѣны были всѣ нужды и попеченія о край, командованіе мѣстными войсками и дипломатическое отношеніе съ сосѣдствъ, хивинскимъ ханомъ, Сеидъ-Рахимъ-Багадуромъ.

Между тѣмъ положеніе новаго края въ военномъ отношеніи осталось довольно критическимъ. Всѣ войнѣлюбивыя и полунезависимыя туркменскія племена лѣваго берега Аму были крайне недовольны соседствомъ русскихъ; знали хорошо наши силы, знали нашу изолированность отъ источниковъ поддержки и особенной покорности не выказывали.

Предводители этихъ племенъ питриговали съ ханомъ хивинскимъ, подбивали его на разрывъ съ Россією и высылали конныя партіи на нашъ берегъ беспокоить русскихъ и грабить присоединенныя къ намъ мирныя племена каракалпакъ. Иванову предстояла прежде всего крайняя необходимость унять туркменъ, показать имъ свою силу и надолго отбить охоту беспокоить русскихъ. Для этого надо было или предпринять серьезный боевой походъ на тотъ берегъ, или-же принять какія-либо другія военныя мѣры. Для перваго въ распоряженіи начальника области не было достаточно силъ и онъ счѣмѣлъ доказать безпокойныхъ ихъ-же собственнымъ оружіемъ.

Ивановъ построилъ въ двухъ пунктахъ, въ Нукусѣ — у развѣтвленія Аму на рукава и въ Шураханѣ — на сто пятьдесятъ верстъ выше по теченію, два сильныхъ укрѣпленія и сформировалъ легкіе отряды, независимые отъ обороны этихъ укрѣпленій. Съ этими независимыми отрядами онъ выжидалъ враждебныхъ выходовъ со стороны туркменъ. Превосходно устроенная и хорошо оплачиваемая система лазутчиковъ давала ему возможность вовремя знать о всякой туркменской предѣлкѣ.

Едва только получалось извѣстіе, что партія туркменъ перешла на нашу сторону и грабитъ каракалпакъ, какъ Ивановъ, не гонясь напрасно „за вѣтромъ въ полѣ“, т. е., не сѣмѣя на мѣсто грабежей, „переврасивалъ“ — какъ принято здѣсь выражаться — легкіе отряды на лѣвый берегъ, быстро шель на тѣ аулы, которые выслали разбойниковъ, и раззорялъ ихъ до тла, такъ что мушья и сыновья, возвращаясь съ набыта на русскихъ, находили дома разгромъ и печельце.

Удари, наносимые Ивановымъ, настолько были своевременны и рѣшительны, что являлись чѣмъ-то въ родѣ роковаго неизбежнаго наказанія, безъ всякихъ послабленій, безъ всякой возможности его избѣгнуть, ослабить силу кары.

Туркмены поняли, свѣда итоги борьбы своей съ „Сары-келаномъ“ (желтымъ львомъ), — какъ называли здѣсь Иванова, за его колоссальный ростъ и роскошную золотистую бороду, — что они затѣяли игру слишкомъ для нихъ невыгодную, и надолго затихли.

Въ 1874 году я былъ въ Шураханѣ (укрѣпленіи Петро-Александровскѣ). Здѣсь находился прежде ханскій садъ довольно порядочный, съ старыми то-полями и карагачами, тутовыми и фруктовыми деревьями, виноградниками и хаузами, т. е. прудами съ проведенною арчыною водою. Садъ этотъ отстоялъ отъ берега Аму верстѣ на семь, почему климатъ его былъ болѣе здоровъ, чѣмъ климатъ береговой полосы, кишѣвшей лихорадочными мѣстами. При садѣ были просторныя и красивыя постройки, которыя и послужили основаніемъ русской осѣдлости.

И садъ, и эти постройки вошли въ районъ укрѣпленія, разбитаго въ видѣ удлиненаго четырехугольника, на двухъ противуположныхъ углахъ котораго были построены фланкирующія полукруглыя батареи, свободно обстрѣливающія всѣ подступы къ стѣнамъ укрѣпленія. Бруствера приспособлены были исключительно для ружейной обороны. Такое укрѣпленіе, обороняемое всего тремя ротами пѣхоты, способно было выдержать какой угодно штурмъ и продолжительную осаду, принимая въ расчетъ отсутствіе артиллеріи у непріятеля.

По серединѣ внутренняго пространства укрѣпленія шла широкая, тѣнистая аллея, вправо и лѣво отъ нея расположены были переулки баракъ гарнизона; центръ укрѣпленія занималъ дворецъ начальника отдѣла и помѣщеніе администраціи; другой конецъ отведенъ былъ подъ лавки маршантовъ и для ежедневнаго базара, на который скоро очень охотно стали собираться туземцы, привоза на продажу русскими произведенія своихъ полей и огородовъ.

Въ такомъ видѣ я оставилъ Петро-Александровскъ шесть лѣтъ тому назадъ и теперь вновь посѣтилъ этотъ отдаленный уголокъ, найдя въ немъ громадныя перемены и усовершенствованія.

Вообще русскіе города въ Средней Азїи растутъ — какъ сказочные богатыри — не по днямъ, а по часамъ, то-же случилось и съ Петро-Александровскомъ.

Предѣлы укрѣпленія скоро стали тѣсны для его обитателей. За стѣнами крѣпости быстро застроились порядочныя пространства и очень хорошо застроились кирпичными домами, базаромъ, рядами лавокъ и факториями. Постоянныя казармы для войскъ тоже расположились за чертою крѣпости, обросли садами и обложивши дорожками и даже кое-гдѣ цѣпнѣнками, построенъ полевой лазаретъ и школа; когда-то угрюмый и скупой военный бивуакъ оживился голосами дѣтей и женскими фигурами. Вся мѣстность оживилась, приняла мирную фیزیономію и получила видъ очень приличнаго городка, далеко лучшаго, чѣмъ множество увѣднхъ городовъ средней полосы Россіи.

То-же самое, но, конечно, въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ, стало и со вторымъ русскимъ укрѣпленіемъ Нукусомъ.

Мы провели въ Петро-Александровскѣ около трехъ сутокъ и снарядились въ тяжелый походъ черезъ Кызылкумскія пустыни.

Изъ Шуроханъ добраться до Казалинска сухимъ путемъ можно двумя дорогами: одна дорога ведетъ напрямикъ черезъ всю степь на колоды „Таджи-Казганъ.“ Предѣлы собственно песчаной степи начинаются почти отъ самаго Петрово-Александровска, отъ Сода-Мать-Ніаза, всего въ двѣнадцать верстахъ отъ города. Другая дорога гораздо кружше, на Дау-Кара. По этой дорогѣ значительно меньше песковъ, да и сокращается счетъ переходовъ пустынею, такъ какъ большую часть дороги можно ѣхать въ лодкахъ по теченію Аму, а отъ Ку-Кусу — по Кувакъ-Джіармъ и далѣе до Доукаринскихъ озеръ.

Мы предпочли первую дорогу, ради лучшаго ознакомленія съ характеромъ песковъ, ихъ геологическимъ типомъ, флорою и фауною пустыни.

Прежде всего надо было нанять верблюдовъ и провожатыхъ. Съ помощью мѣстнаго начальства устроено было то и другое. Для того, чтобы протащить одинъ тарантасъ, даже совершенно пустой, черезъ сыпучіе пески, надо не менѣе четырехъ верблюдовъ, да, кромѣ того, взять столько-же запасныхъ подъ кладъ и на случай смерти какого-нибудь изъ „кораблей пустыни“ — смерти, составляющей такое частое, почти неизбежное явленіе, что весь степной путь черезъ пески обозначенъ верблюжьими остовами. Затѣмъ, надо было застѣсь провизіей и питьемъ на десять дней, по крайней мѣрѣ.

Я нанялъ еще джигита верхового, для наблюденія за лаучами (провожатыми верблюдовъ) и для дорожныхъ услугъ. Случайно попался мнѣ очень расторопный и бойкій малый лѣтъ двадцати, услуги и энергія котораго во время были, какъ оказалось послѣ, незамѣтны.

Генералъ-адъютантъ Н. А. Крыжановскій, оренбургскій генералъ-губернаторъ.
(Рисоваль П. Ф. Борель).

Этотъ киргизъ-джигитъ „Аманбай“ былъ положительно душою движенія.

Кортежъ нашъ состоялъ изъ двухъ тарантасовъ, запряженныхъ каждый четырьмя верблюдами, и семи верблюдавъ подъ вьюкомъ. Изъ четырехъ лаучей только одинъ Достъ-Магометъ сколько-нибудь годился къ дѣлу; остальные трое были: совершенный идиотъ-старикъ, одинъ до крайности лѣнливый и неспособный увалень и третій шестнадцатилѣтній мальчишка, слабосильный и неопытный. Всѣ эти качества обнаружили, конечно, уже во время пути, когда перемѣнить людей не было уже никакой возможности.

Мы запаслись дня на три жаренымъ мясомъ, кромѣ того, крупною, масломъ, кореньями, кое-какими консервами и сухарями; запасъ провизіи дополнили нѣсколькими бутылками вина и водки; чай и сахаръ — это, уже само собою разумѣется, необходимы принадлежности всякаго путешествія по Азій.

Верблюды оказались съ мѣста совершенно непріученные къ запряжкѣ и возкѣ экипажей, и первый переходъ (двѣнадцать верстъ до Сода-Мать-Ніаза) былъ посвященъ исключительно дрессировкѣ верблюдовъ, на страхъ экипажей, замѣчательныхъ, впрочемъ, по своей солидности и прочности.

Экипажи съ верблюдами отправлены были раньше на мѣсто перваго покая, а мы, пообедавши у начальника отдѣла, воспользовались обязательно предложенными намъ лошадьми и быстро докатили до Сода-Мать-Ніаза, перебравшись на этомъ короткомъ пути черезъ нѣсколько, пока еще незначительныхъ, песчаныхъ перекатовъ, предвѣстниковъ болѣе грозныхъ песчаныхъ напосовъ, предстоявшихъ намъ впереди, на протяженіи почти шестисотъ

Японскіе виды, сцены и типы. — Японское кладбище въ Еддо.

верстного разстоянія стеной дороги.

Содь-Мать-Ниаза — это порогъ, за которымъ кончаются уже всѣ признаки культуры и начинается мертвая пустыня. Это послѣдній предѣлъ прѣсной арычной воды, и далѣе намъ приходилось пользоваться, исключительно, солено-горькою колодезною водою, съ отвратительнымъ сернисто-водороднымъ запахомъ, да и то колодцы этой непривлекательной жидкости находятся на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга.

Первый опытъ запряжки нашихъ верблюдовъ не обошелся безъ приключеній: мой экипажъ у самого Сода, на переѣздѣ черезъ горбатый арычный мостъ, свалился вѣдетъ съ верблюдами въ тощую грязь, и я засталъ его въ самомъ плачевномъ положеніи. Верблюды, къ счастью, оказались цѣлы; за то вещи, а главное дорожные припасы значительно пострадали. Кое-какъ уладивъ дѣло и съ большимъ трудомъ вытащивъ экипажъ со дна арыка, мы расположились на ночлегъ въ Содѣ, гдѣ наскоро съготовили дорожный ужинъ. Ночь была очень холодная и, по временамъ, палетали порывы сѣверо-восточнаго вѣтра, заклятаго врага всѣхъ путешественниковъ въ пустынѣ.

Этотъ вѣтеръ обыкновенно начинается дуть съ половины августа и продолжаетъ свирѣпствовать до самаго февраля, постепенно усиливаясь и усиливаясь. Онъ сильно понижаетъ температуру, наноситъ высокія гряды сыпучихъ песковъ на дороги, зимою поднимаетъ снѣжные бураны, въ которыхъ гибнутъ и одинокія путники, и даже цѣлые караваны, не принявшіе во-время мѣръ осторожности.

Благодаря этому вѣтру, ночь была настолько холодна, что, лежа въ закрытыхъ экипажахъ,

Генералъ-адъютантъ Н. Г. Казнаковъ, генералъ-губернаторъ западной Сибири.
(Рисоваль П. Ф. Борель).

закутавшись въ теплыя бурки, мы всѣ настолько прозябли, что еле-еле отогрѣлись утромъ, на разсвѣтъ, горячимъ чаемъ и пышнымъ привѣтливымъ тепломъ костровъ.

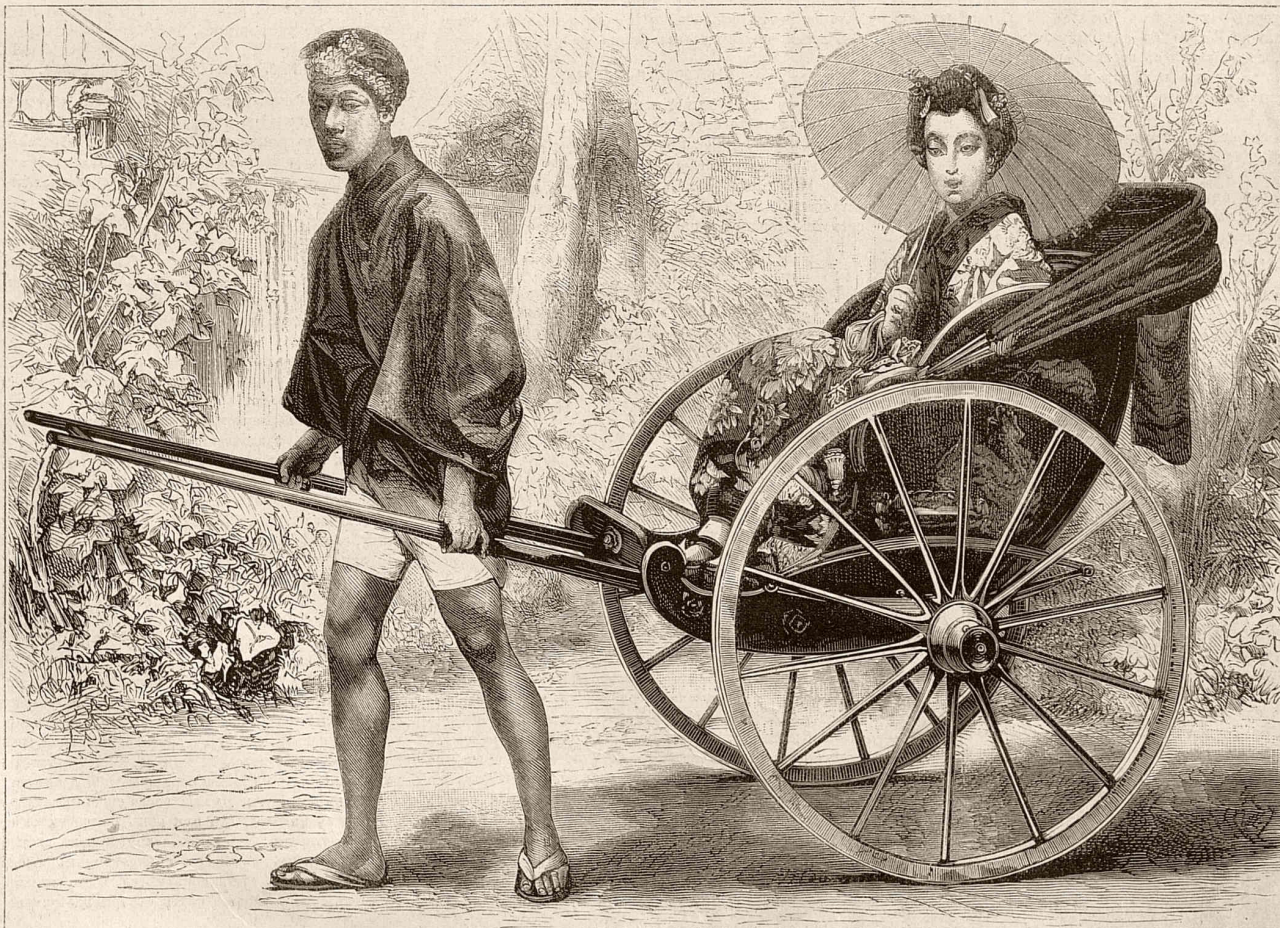
Рано утромъ, еще до солнечнаго восхода мы тронулись въ путь, а, мало-по-малу, оставались за нами, чуть синѣя на горизонтѣ, всѣ признаки культурнаго оазиса, а вокругъ насъ разстилалась печальная панорама пустыни съ ея тонкою растительностью, съ волнообразною линіею сыпучихъ песчаныхъ бархановъ.

Въ первомъ гариантѣ ѣхали геологъ Мушкетовъ съ инженеромъ Соколовскимъ, а во второмъ — я съ ботаникомъ Сорокинымъ. Стороною, то обгоняя экипажи, то, что чаще случалось, отставая отъ нихъ, дѣлively тянулся караванъ вялыхъ верблюдовъ, меланхолически позвякивая своими бубенчиками. На переднемъ верблюдѣ сонно покачивалась уморительная фигура старика-идиота, дико кричавшаго и звавшаго себя на помощь каждый разъ, когда вѣтренный его попеченіямъ верблюдъ развьючивался и ложился на землю.

Тяжело и скучно тащиться такимъ образомъ.

Съ перваго-же перехода мы убѣдились, что въ девять дней, какъ условился съ нами Достъ-Магометъ, намъ не добраться до Казалинска, и не безъ стѣсненія въ сердцѣ сообразили, что десяти-дневнаго запаса взятой нами провизіи, пожалуй, и не хватитъ. Аманъ-бай, впрочемъ, сообщилъ, что на послѣднихъ переходахъ къ Казалинску будутъ по сторонамъ попадаться маленькіе аулы киргизовъ, гдѣ можно будетъ раздобыть барана и молока.

Переходъ до колодезевъ Кучи всѣ сорокъ-дѣь версты мы не могли сдѣлать, даже пройдя

Японскіе виды, сцены и типы. — Японскій извозчикъ.

съ развѣта до солнечнаго заката. Мы должны были остановиться на почтѣ, не дойдя версты двѣнадцати. Мы подвигались не болѣе духъ версты въ часъ. Непривычныхъ верблюдовъ приходилось все время вести въ поводу. Чуть малѣйшій скатъ подъ гору, тарантасы накатывались, были по заднимъ ногамъ верблюдовъ, тѣ ревѣли отъ страха и метались во всѣ стороны, обрывая веревки и рискуя съомать экипажи. Чуть не на каждой верстѣ приходилось останавливаться и перепрыгивать... Чуть только попадались пока еще не особенно значительный песчаный перекалъ, верблюды положительно останавливались и упрямо не хотѣли идти съ мѣста. Возвизавшись съ этими упрямыми животными весь день, мы до того измучились къ вечеру, что не безъ ужаса подумывали о томъ, что это еще сего двадцатая часть пути и что впереди предстоитъ неизмѣримо большія затрудненія. Мы искренно сожалѣли, что соблазнились комфортомъ ѣзды въ экипажѣ и возможностью вести съ собою багажъ и собранія во время пути коллекцій, а не поѣхали верхомъ на коняхъ, налегѣ, хотя и впроголодь, да за то гораздо скорѣе и уже безо всякихъ непредвидѣнныхъ задержекъ.

„Утро вечера мудренѣе“ — мы испытали на себѣ всю мудрую справедливость этой поговорки. Отдохнувши и вставъ на другой день рано утромъ, вчерашняя невзгода значительно потеряла свой мрачный характеръ, и мы продолжали грудный путь съ новымъ бодрымъ духомъ и съ самыми розовыми надеждами на будущее.

(Продолженіе будетъ).

Макартъ пишетъ въ настоящее время цѣлый рядъ аллегорическихъ картинъ, которыя предназначены для украшенія галлерей новаго зданія вѣнскаго парламента. Этого знаменитый художникъ окончилъ также недавно большую картину, изображающую купальщищъ.

Венгерскій художникъ Михаилъ Зичи, намѣренъ прѣѣхать въ Россію съ спеціальною цѣлью осмотрѣть мѣста, соединенныя съ воспоминаніями о Пушкинѣ, и сдѣлать на нихъ эскизы для иллюстрированія роскошнаго изданія сочиненій нашего народнаго поэта.

1-го августа въ Брюсселѣ состоялось торжественное открытіе дворца изящныхъ искусствъ.

Недавно окончена постройка величайшей въ мірѣ оранжерей короля бельгійскаго, имѣющей 60 метровъ въ поперечникъ, а стеклянный куполъ въ 30 метровъ вышины. Два камина, въ видѣ минаретовъ, придають всему зданію восточный характеръ, который будетъ отличаться и внутреннее убранство его. Для отопленія этого громаднаго помѣщенія проведены трубы на протяженіи 5,000 метровъ.

Лондонская королевская галлерей открываетъ 27-го (15) августа свои аппараты (историческое отдѣленіе) для выставки портретовъ историческихъ дѣятелей Англіи за два послѣднія столѣтія.

Въ Кенсингтонѣ окончилъ постройкою огромный англиканскій соборъ, построенный въ стилѣ XIII вѣка изъ мрамора, гранита и стекла. Соборъ соорудился по плану скульптора Клайтона и архитектора Беда въ теченіи шести лѣтъ. Стоимость его достигла 1,000,000 фунт.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ уставъ общества любителей драматическаго искусства въ гор. Нахичевани, Екатеринославской губерніи.

25-го августа парижскій театръ «Comédie Française» будетъ праздновать 200-лѣтній юбилей своего существованія. Первое представленіе на этой знаменитой сценѣ было дано 24-го августа 1680 года и состояло изъ трагедіи Расина «Phèdre» и комедіи Лапелла «Les Carrosses d'Orléans». Въ день столѣтней годовщины шла также «Федра», и 25-го августа пойдетъ она-же, точно въ такихъ-же костюмахъ и при такихъ-же декорацияхъ, съ какими шла 200 лѣтъ тому назадъ.

Открытіе русскихъ драматическихъ спектаклей въ казенныхъ театрахъ послѣдуетъ въ воскресенье, 17-го августа.

Гуно пишетъ новую ораторію, которая будетъ исполнена, въ первый разъ, на музыкальномъ праздникѣ, въ Бирмингемѣ, въ 1882 году.

Придворныя извѣстія.

Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Сергій Александровичъ и Великая Княгиня Марія Александровна Герцогиня Эдинбургская изволили выѣхать, 9-го сего августа, изъ Царскаго Села за границу.

— Ихъ Императорскія Высочества Г. В. Н. Владиміръ Александровичъ и Г. В. К. Марія Павловна съ Августѣйшими Дѣтьми 12-го августа изволили отправиться за границу.

Правительственные распоряженія.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ Маковъ назначенъ министромъ почтъ и телеграфовъ и главноначальствующимъ надъ департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря; а управляющій дѣлами комитета министровъ, статсъ-секретарь тайный совѣтникъ Кахановъ — товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря.

— Сенаторъ, тайный совѣтникъ Мартыновъ уволенъ отъ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ, съ назначеніемъ къ присутствію въ правительствующемъ сенатѣ.

— Киевскій генералъ-губернаторъ утвердилъ приговоръ военно-окружнаго суда по политическому дѣлу, состоявшемуся 26-го іюля. Вслѣдъ за тѣмъ, главный начальникъ верховной распорядительной комиссіи сообщилъ генералъ-губернатору, что, по всеподданѣйшему докладу его, Государь Императоръ всеимпериальнѣе повелѣлъ замѣнить назначенную Попову и Иванову смертную казнь ссылкой въ каторжныя работы безъ срока.

Выставки и юбилеи.

9-го августа Угрѣшскій монастырь, близъ Москвы, отпраздновалъ пятилѣтіе своего существованія.

— Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1881 году отроется международная санитарная конференція, которая соберется въ Вашингтонѣ. Конференція эта имѣетъ цѣлью установить общую систему относительно санитарнаго состоянія гаваней и приходящихъ туда судовъ.

Печать, книжное дѣло и библиографія.

Лордъ Биконсфильдъ, какъ сообщаютъ изъ Лондона, пишетъ въ настоящее время романъ изъ жизни вѣснхъ общественныхъ кружковъ Англіи и Франціи, въ которомъ не маловажную роль играетъ трагическое паденіе наполеоновской династіи.

Пути сообщенія, почты и телеграфы.

Проведеніе аренбергскаго туннеля, въ 1100 метровъ длины, окончено еще въ іюль мѣсяцѣ. Три другихъ туннеля готтардской линіи будутъ готовы въ теченіе этого мѣсяца; одинъ изъ нихъ дльбѣръ-швердерскій, второй по длинѣ послѣ готтардскаго, имѣетъ 1986 метровъ. Изъ 26 туннелей въ сѣверной части готтардскаго линіи осталось прорыть еще семь.

Метеорологія.

Въ ночь на 25-е іюля, въ Саратовѣ, по словамъ мѣстнаго «Дневника», былъ виденъ замѣчательный метеоръ. Въ началѣ 12-го часа вечера вдругъ весь городъ освѣтился какъ-бы сильнымъ блескомъ молніи и въ то-же мгновеніе, на совершенно безоблачномъ небѣ, надъ сѣвѣмъ «Большой Медвѣдицы», показалась необыкновенно блестящая, неподвижная полоса свѣта, очень похожая на хвостъ гигантской кометы. Узкій, нѣсколько закругленный конецъ этой полосы направленъ былъ на западъ, а болѣе широкій — на востокъ. Яркій блескъ метеора длился минуты двѣ; затѣмъ, не измѣняя ни своей формы, ни первоначальнаго положенія на небѣ, метеоръ сталъ постепенно меркнуть и минуты черезъ три исчезъ безъ всякаго шума. Все явленіе продолжалось около шести минутъ.

Медицина и гигиена.

Нѣмецкія газеты передаютъ объ одной дѣвчѣ, спящей болѣе полуночи; болѣе — дочь зажиточнаго крестьянина старости села Грамше, въ 3/4 часа ѣзды по желѣзнодорожѣ отъ Бремена. Съ января она спитъ безпробудно, за исключеніемъ нѣсколькихъ минутъ чрезъ каждыя 6—8 недѣль, когда бываетъ въ полномъ сознаніи и даже безъ видимаго утомленія занимается легкими домашними работами. Въ промежуткахъ такого пробужденія она сознаетъ, что долго спала, но не имѣетъ, однако, яснаго представленія о томъ, какъ долго проспала, причѣмъ говоритъ, что въ сонномъ состояніи рѣшительно не знаетъ, что вокругъ нея происходитъ. Во время усненія ей даютъ легкую, но питательную пищу, которую она проглатываетъ, не переставая спокойно дышать.

— Иодистый крахмалъ не обладаетъ непріятнымъ вкусомъ и раздражающимъ дѣйствіемъ чистаго іода, такъ что его можно давать въ большихъ дозахъ. Опытъ показываетъ, что, при нормальной температурѣ желудка и въ присутствіи желудочнаго сока, іодъ образуетъ съ многими ядами частью растворимыя, частью нерастворимыя безвредныя соединенія. Первые безвредны, если ихъ не слишкомъ много, а вторые, разумеется, не могутъ вредить, если ускорятъ выдѣленіе ихъ сильнымъ слабительнымъ. Докторъ Bellini рекомендуетъ іодистый крахмалъ, какъ особенно хорошее противоядіе, когда натура яда неизвестна; спеціально онъ дѣйствуетъ при отравленіи сѣроводородомъ, алкалоидами, ядами щелочами, амміакомъ и, особенно, тѣми алкалоидами, которые входятъ въ іодомъ въ нерастворимыя соединенія. Въ случаѣ отравы свинцовыми или ртутными солями, іодъ ускоритъ выдѣленіе этихъ соединеній изъ организма. При остромъ отравленіи рекомендуется быстрое примѣненіе еще и рвотнаго. (Вр. Вѣд.)

— Изъ статьи г. С. Л. Сливичаго, помѣщенной въ журналѣ «Врачъ», усматривается, что одна изъ причинъ глазныхъ болѣзней въ нашихъ войскахъ заключается въ стигиваніи шенъ тѣсными воротничками рубашъ и мундировъ, равно какъ и тѣсными галстуками. Г. Сливичій произвелъ у 100 больныхъ рядъ измѣреній, которыя показали несоотвѣстнѣе окружности шенъ съ шириною одежды.

Военное и морское дѣло.

Вниманіе вѣснхъ военныхъ кружковъ обратилъ на себя новый составъ для стрѣльбы, изготовленный инженеромъ Петри. Сравнительные опыты показали, что зарядъ въ 3 1/2 грама новаго состава, названнаго «динамогенномъ», даетъ тѣ-же результаты, какъ и зарядъ въ 6 1/2 грама пороха. При стрѣльбѣ динамогенномъ замѣчались слѣдующія явленія: не сильный трескъ, мало дыма, весьма быстро соединяющагося съ атмосферой, и едва чувствительная отдача. Послѣ 24 быстро сѣдовавшихъ одинъ за другимъ выстрѣловъ, стволъ ружья почти не нагрѣлся, копоть была незначительна и патронная камера нисколько не расширилась.

Техника, политехника и механика.

Извѣстный Сименсъ произвелъ, по словамъ «Русск. Инв.», недавно чрезвычайно интересные опыты надъ плавленіемъ стали въ пламени вольтовой дуги, произведенной сильнымъ гальваническимъ токомъ. Аппаратъ Сименса, аналогичный въ принципѣ съ регуляторами электрическаго свѣта, напоминаетъ своею внѣшностью обыкновенные вѣсы. Къ одному плечу коромысла прирѣшенъ толстый уголь, погруженный въ небольшой тигель, наполненный кусками стали и соединенный съ положительнымъ полюсомъ динамо-электрической машины. Къ другому плечу прирѣшенъ желѣзный цилиндръ, слегка входящій своимъ нижнимъ концомъ въ пустую проводочную спираль, по которой пропущена вѣтъ главного тока. Уголь перетягиваетъ вѣсы и потому прикасается къ стали, но при пропусканіи гальваническаго тока, спираль втягиваетъ въ себя желѣзо, уголь слегка приподнимается, образуя между собой и сталью широкую вольтовую дугу, и плавленіе начинается. Если-бы уголь обгорѣлъ или поверхность стали понизилась вслѣдствіе расплавленія, то токъ ослабѣлъ-бы, и спираль опустилась-бы, до извѣстной степени, желѣзный стержень такъ, что вольтова дуга пріобрѣла-бы сама собою нормальную длину, соотвѣтственно которой заранѣе рассчитана сила спирали.

Опыты надъ описаннымъ аппаратомъ произведены до сихъ поръ только въ маломъ видѣ, сначала въ Вуличѣ, а потомъ въ Лондонѣ. Въ тигель было помѣщено 500 граммовъ (1 1/2 фунта) стали. Угольный электродъ былъ пропущенъ внутрь, сквозь отверстіе въ крышкѣ тигля. Для полученія гальваническаго тока были взяты двѣ динамо-электрическія машины Сименса средняго размѣра, соединенныя между собою параллельно, или, иначе говоря, въ количествѣ. Для расплавленія стали, въ первый разъ, требовалось 12 минутъ, но когда тигель былъ уже накаленъ, то вторая порція въ 500 граммовъ плавилась въ 4 минуты. Выгода этого способа заключается во-первыхъ въ томъ, что при немъ не требуется особой печи; во-вторыхъ, что жаръ сосредоточенъ внутри тигля, между тѣмъ какъ при обыкновенныхъ способахъ наружныя стѣнки тигля накаляются всего сильнѣе; въ третьихъ, что окисленіе почти совершенно устраняется.

Всѣмірная Извѣстность

№ 607.] Годъ XII.

23 августа 1880 года.

[Томъ XXIV. № 9.

Событія въ Афганистанѣ. — Англійская артиллерія въ Ходжакскомъ проходѣ, на пути въ Кандагаръ.

итя и даже спущено нѣсколько судовъ, выстроенныхъ по европейскимъ чертежамъ.

Инструкторами по образованію флота японцы пригласили англичанъ; вотъ почему морскіе и артиллерійскіе уставы списаны и форма цѣлкомъ взяты ими изъ англійскаго флота; вооруженіе судовое, однако, они не захотѣли заимствовать у англичанъ и, вмѣсто армстронговъ орудій, японскія новѣйшія суда все вооружены крупновскими орудіями. Предлагаемый рисунокъ изображаетъ различныя типы вновь созданнаго флота; средняя-же гравюра представляетъ палубу, построеннаго извѣстнымъ англійскимъ строителемъ Ридомъ новаго полуброненосца «Сейки-Конъ», въ день передачи судна англійскими офицерами, приведшими его въ Японію, офицерамъ японскаго флота.

Берлинъ. Электрическая желѣзная дорога на столбахъ, проектъ Сименса и Гальске.

Говоря объ электрическихъ желѣзныхъ дорогахъ вообще, мы упоминали о проектѣ электрической желѣзной дороги въ Берлинѣ, осуществляемомъ въ настоящее время извѣстнымъ инженеромъ Сименсомъ; въ настоящемъ номерѣ читатели найдутъ рисунокъ, дающій достаточное понятіе объ этомъ новомъ сооруженіи.

Воздушная желѣзная дорога на столбахъ будетъ имѣть слѣдующій видъ: съ каждой стороны улицы, по линіи фонарей, будетъ сдѣлано по одному желѣзному пути на желѣзныхъ столбахъ, высотой около 5-ти метровъ, съ пролетами между ними въ 10 метровъ, а тамъ, гдѣ улицы перебиваются между собою, пролеты будутъ нѣсколько длиннѣе. Разстояніе между рельсами предполагается въ одинъ метръ; желѣзныя фермы, на которыхъ укрѣпляются рельсы; должны служить проводниками тока, при чемъ правая и лѣвая стороны будутъ изолированы другъ отъ друга деревянными брусками. Каждый вагонъ по 10 пассажировъ будетъ имѣть свой особый двигатель, то-есть динамо-электрическую машину, и электрическій токъ, входя по одному рельсу въ лѣвыя колеса вагона, изолированнаго отъ самаго вагона, будетъ проходить въ динамо-электрическую машину и отсюда черезъ правыя колеса и правый рельсъ обратно. Кондукторъ будетъ имѣть возможность ускорять и замедлять ходъ вагона, а также и останавливать его посредствомъ простаго коммутатора, управленіе которымъ не требуетъ ни особаго знанія, ни большаго навыка.

Борьба.

Когда, на путь вступаю новый,
Я былъ готовъ къ борьбѣ суровой
За торжество моихъ идей —
То думалъ, сила не измѣряя:
«Легка побѣда роковая
Надъ суетными старыми дѣй!»

Я обманулся: приходилось
Страдать мнѣ горько; надломилось
Не мало силъ въ моей груди;
Но следила все-таки я съ нею,
Съ тяжелой долею моею —
И путь мой светлѣе вперед!

В. Мировъ.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарья.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ Н. Н. КАРАЗИНА.

V.

(Окончаніе).

Петро-Александровскъ, Шураханъ и степь «Кызыл-Кумъ».

Дорога до Кукчи проложена по твердому грунту окрѣпшихъ песчанниковъ и мѣстами илистыхъ отложений. По сторонамъ дороги виднѣются развалины зданій и фортовъ, сложенныхъ изъ степнаго кирпича квадратной плиткообразной формы; кромѣ того, сохранились еще признаки древнихъ орошеній, свѣдѣтельствующихъ, что эта страна когда-то цвѣла жизнью и довольствомъ. Путь усеянъ такъ называемыми горчичными обломками. Песчаные заносы тянутся периодически, пересѣкая дорогу; около развалинъ эти заносы выше и образовали грядовые барханы, мѣстами уже окрѣпшіе и поросшіе джизганомъ. Подобный характеръ мѣстности тянется и далѣе, за колодцами Кукчи, почти до колодезь Таджи-Казганъ сближаясь, мало по малу, песками осадочными и илистыми, отвердѣвшими такырами, обильными морскими раковинами и соляными осадками, — свидѣтелями того, что вся эта мѣстность въ древнія времена представляла собою обширный бассейнъ морской воды, жалкимъ остаткомъ котораго является теперь Аральское море. Но предѣлы этого бассейна не заходили далеко на востокъ (т. е. вправо отъ нашего пути). Тамъ уже начинаются замѣтныя поднятія, и можно довольно точно прослѣдить предѣлы морскаго берега.

Степные колодцы устроены все одинаково. Это просто узкая, не болѣе двухъ аршинъ въ діаметрѣ, вертикальная шахта, вырытая до воды и обдѣланная кусками саксаула и прутьями; обдѣлка эта еще болѣе суживаетъ отверстіе колодца, такъ что остается возможность только спускать туда ведро кожаное на деревянной крестообразной распоркѣ. Глубина воды далеко не вездѣ одинакова, самое близкое дно мы находили около двѣнадцати аршинъ, но часто глубина эта доходила до десяти и даже пятинадцати саженей.

Соколовскій и Мухометовъ занялись тщательной провѣркой и изслѣдованіемъ глубины уровня воды во всехъ колодцахъ, попадавшихся намъ по пути. Верхнее отверстіе такого колодца ни чѣмъ не огорожено и не прикрыто и легко заносится пескомъ во время песчаныхъ урагановъ. Попеченіе объ этихъ колодцахъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, самимъ путешественникамъ, хотя на пути намъ попадались нѣсколько специалистовъ-кудукчей, т. е. колодезныхъ мастеровъ, за ничтожную плату всю свою жизнь бродячихъ по степи и живущихъ исключительно на счетъ проходящихъ каравановъ. Орудіемъ ремесла этихъ мелкихъ рабочихъ служатъ кетмень, родъ лопаткообразной мотыги, веревка и ведро, а главное собственныя руки. Эти жалкіе, одичавшіе обитатели и труженики пустыни еле-еле сохраняютъ образъ человѣческій, кругъ ихъ понятій служебъ до первобытной степени; грязные, обрванныя они, какъ тѣни, бредутъ по пескамъ или неподвижно по цѣлымъ суткамъ сидятъ по близости колодезь въ ожиданіи каравана или одинокаго путешественника; они гибнутъ въ степи и ихъ гибели никто не замѣчаетъ, развѣ зоркіе глаза киргиза — чабара отличаютъ въ сторонѣ полузасыпаннаго песками человѣческаго кости между верблюжьими остовами.

При хивинскомъ владычествѣ въ степь на колодцы усылали только преступниковъ, въ видѣ наказанія, ихъ лишали покровительства законовъ и поневоля лишали возможности появляться снова въ осѣдлыхъ мѣстностяхъ подъ страхомъ висѣлицы. Теперешніе кудукчи — это остатки прошлаго, явленіе вымирающее, но привычки уже доживающіе свой вѣкъ въ пустынѣ, если и подозреваютъ какую-нибудь политическую перемену, такъ развѣ только по тому, что на путяхъ, гдѣ только ходили хивинскіе караваны, да бродячія шайки разбойниковъ, теперь стали появляться пѣвдомыя фигуры глауговъ, въ русскомъ платьѣ, да диковинныя арбы на четырехъ колесахъ съ желѣзнымъ ходомъ.

На всемъ пути намъ попадались только двое подобныхъ существъ, и встрѣча эта ознаменовалась характернымъ эпизодомъ, описаннымъ мною отдѣльно въ разказѣ «Братья Наурусъ и Джуро — кудукчи».

За Таджи-Казганомъ, къ которому мы прибыли только на четвертый сутки пути, началось уже почти сплошное царство сыпучихъ песковъ, рѣдко смѣняемыхъ твердыми такырами пологими. Сыпучіе барханы, мѣняющіе свои контуры послѣ каждого вѣтра, затрудняли намъ путь несказанно. По нѣсколькимъ часамъ приходилось биться на нѣсколькихъ саженьяхъ пространства. Мы измучились верблюдами, измучиваясь и сами до-пелы. Большую часть пути приходилось идти ишкомъ, руками разгребать песокъ

передъ косясами, прокладывать новую дорогу тамъ, гдѣ прежняя оказывалась окончательно погребенною песками.

Сколько разъ тарантасы наши опрокидывались; Мухометовъ однажды переѣхалъ ногу косясомъ, но, къ счастью, благополучно. Мальчикъ-лауа свалился съ верблюда и попалъ подъ экипажъ, отдѣланный, впрочемъ, легкими ранами и ушибами; къ довершенію бѣдствій, у насъ на ночлегъ бѣжалъ одинъ изъ верблюдовъ, что не могло не отразиться на успѣхѣ нашего движенія.

Жаръ днемъ и страшные холода ночью, при болѣе чѣмъ умѣренномъ питаніи и чрезмѣрномъ физическомъ трудѣ, начинали уже отзываться на нашихъ привычныхъ натурахъ, а впереди еще предстояла большая половина пути, предстояли еще большія затрудненія.

Аманъ-бай заявилъ мнѣ по секрету, что, кажется, доведенные до отчаянія лауи хотя бы ночью бѣжать съ своими верблюдами, это было-бы роковымъ обстоятельствомъ для насъ, и пришлось «держать ухо остро и глаза на сторожѣ».

Намъ попадались навстрѣчу путешественники — сначала небольшой караванъ изъ трехъ верблюдовъ вьючныхъ; два шли подъ кладью, а по бокамъ у одного показывались гробообразныя ямки, въ которыхъ лежали путешественники — какъ оказалось, купеческіе прикащики, пробравшіеся въ Шураханъ съ товаромъ. Въ подобныхъ случаяхъ относительно довольно покойно, только надо хорошенько привыкнуть къ этой разнородной, равномерной качкѣ, возбуждающей у неопытныхъ припадку, тожественные съ припадками морской болѣзни.

Попались изрѣдка и киргизскіе караваны, медленно бредущіе по пескамъ. Лица у киргизъ были тщательно окутаны тряпками; только одинъ глаза искрились изъ подъ косматыхъ шапокъ-малахаевъ, — необходимая предосторожность отъ вѣтра, несущаго мелкій песокъ, рѣжущій кожу и вызывающій болѣзненную опухоль, которая потомъ растрескивается, образуя чрезвычайно болѣзненные сѣтячки, поверхностныя раны, долго послѣ незаживающія, — особенно страдаютъ губы и носъ. Кромѣ того, вдыханіе этого холоднаго вѣтра и пыли производило воспаденіе легкихъ, удущіе и острый кашель.

Запасъ наши видимо истощались и, какъ ни уменьшали мы суточныя порціи, все-таки, нетрудно было сообразить, что до конца пути далеко не хватить.

Съ нами былъ живой запасъ куръ въ кѣлѣтѣ, привязанной за тарантасомъ. Этотъ запасъ уже истощился, хотя мы рѣзали только по одной курицѣ въ день. Осталось только пѣтухъ, весело пѣвшій по утрамъ, а иногда и днемъ, одинъ, повидимому, не терпящій бодрости и добраго расположенія духа. Пѣтуху этому дарована была жизнь, и мы пощипали не сдобняющую его мясомъ, какъ-бы плохо намъ не приходилось, и довели его до Казалинска живаго.

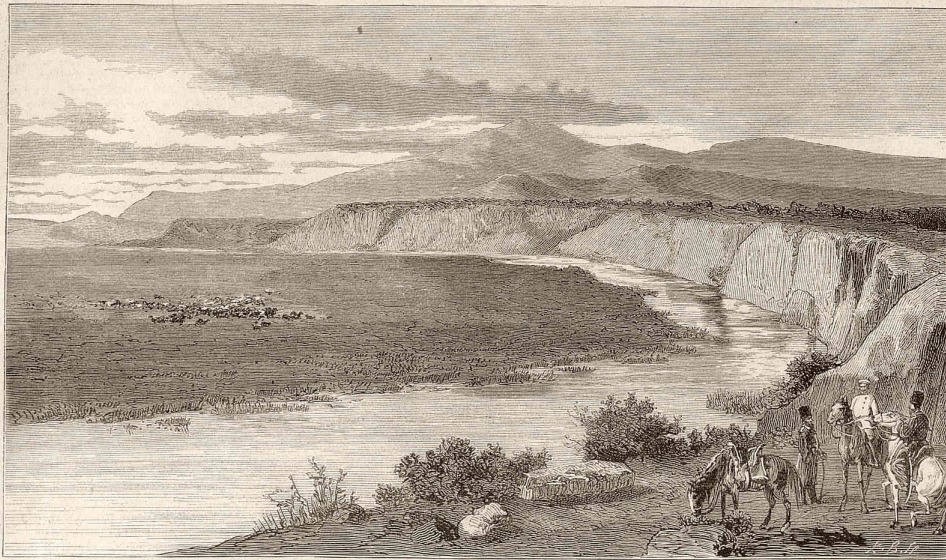
Съ половины дороги, именно съ колодезь «Бай-Муратъ», показалось новозуіе, и мы могли часть ночи тоже проводить въ пути. Въ темныя-же ночи двигаться совершенно бесполезно. На первыхъ шагахъ вы потеряете дорогу и напрасно будете биться въ пескахъ, изнурия себя и верблюдовъ. Приходитъ останавливаться тамъ, гдѣ захватила васъ быстро наступающая темнота.

На ночлегахъ мы ставили тарантасы задомъ къ вѣтру, разводили костры, благо топлива, сухаго саксаула, въ степи сколько угодно; складывали вьюки и отгоняли верблюдовъ пасти на барханѣ, гдѣ неприхотливые «корабли пустыни» довольствовались молодыми побѣгами джизгана и саксаула и изрѣдка растущей желтою колючкою, твердою какъ гвозди.

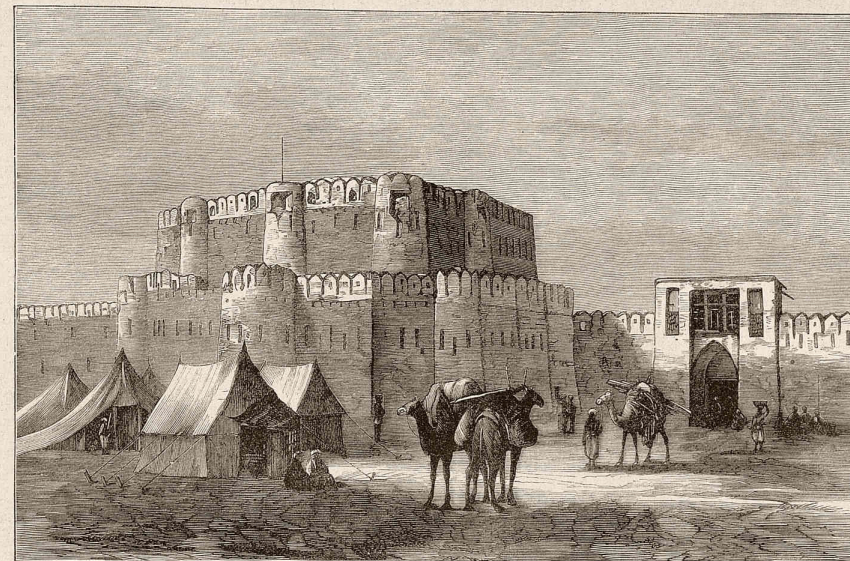
Подходя къ колодцамъ Бай-Муратъ уже передъ вечеромъ, мы замѣтили въ сторонѣ отходящій караванъ и успѣли окликнуть насъ ружейной голосѣ. Оказалось — это шла степью экспедиція нашихъ инженеровъ путемъ сообщенія, снаряженная съ цѣлью нивелировки старыхъ руселъ Аму. Положеніе ихъ было такое-же, какъ и наше, и мы могли только помочь другъ другу взаимными совѣтами. Мы прошли то, что намъ предстояло еще пройти вперед; намъ предстояло идти тамъ, гдѣ прошли они, и, понятно, что совѣты и свѣдѣнія; взаимно переданные другъ другу, не могли быть лишними и бесполезными.

Прошли еще четверо сутокъ — мясная наша провизія окончательно истощилась, желудки наши ощущали гораздо болѣе чѣмъ усиленный аппетитъ, а холодъ удваивался и по утрамъ земля покрывалась сплошнымъ покровомъ морознаго инея.

Разъ уже совсѣмъ стемнѣло, а до колодезь осталось еще часа два пути; мой киргизъ начиналъ прислушиваться и пристально вѣматься куда-то влѣво, затѣмъ, скрылся. Представьте же себѣ нашу общую радость, когда черезъ полчаса онъ явился снова и привелъ на веревкѣ отличнаго живаго барана; за бараномъ пришелъ и его владѣлецъ — прибайскій киргизъ, который рѣшился продать намъ барана за небывало дорогую плату — восемь рублей серебромъ; но тутъ же, конечно, было не до торгу. Оказалось, что Аманъ-бай разглядѣлъ, а вѣрнѣе почувалъ носомъ маленький аулъ, верстахъ въ полу-

Самарская учена́я экспеди́ція въ сре́днюю Азію. — Видъ Узбоя (старого русла Аму-дарьи), около укрѣпленія Муллакари.
(Съ наброска нашего корреспондента А. М. Алханова, рисоваль А. Баумана).

Событія въ Афганистанѣ. — Цитадель и главныя ворота въ крѣпости Кандагаръ.

Самарская учена́я экспеди́ція въ Сре́днюю Азію. — Развалины Термеза на берегу Аму, близъ устья р. Сурхана.
(Рисоваль нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Каразинъ).

тора от дороги, радостный предвѣстникъ того, что мертвая пустыня уже осталась за нами, и мы вошли уже въ районъ казанскаго уѣзда, посѣщаемый кочевыми кизилбашами.

Баранъ былъ немедленно казнѣнъ на почтѣ, мясо разсортировано и раздѣлено поровну между нами и лаучами. Мы въ первый разъ во все время пути поужинали впитною, да еще сохранили небольшой запасъ на дорогу, на всякій случай.

Отсюда пѣшки стали попадаться все рѣже и рѣже и уже не имѣли этого скупчаго вида наносныхъ бархановъ... Воздухъ впереди на горизонтѣ стоялъ липоватѣе, обнаруживая присутствіе водяныхъ паровъ, признакъ близости большаго воднаго бассейна, а на тринадцатый день пути—впереди блеснуло озеро Тузь-Куль и на горизонтѣ обрисовались контуры куполообразныхъ могильныхъ сооружений. Отъ этого озера до «Сира» всего около двадцати верстъ, и на четырнадцатый день пути мы достигли до переправы черезъ рѣку, на другомъ берегу которой привѣтливо мигали въ темнотѣ огни въ окнахъ казанскихъ домовъ.

Но не скоро мы еще попали въ городъ. Все пространство передъ спускомъ къ пристани было буквально завалено сотнями тысячъ тюковъ съ хлопкомъ и другими товарами, и тысячи верблюдовъ лежали подлѣ или бродили поблизости, въ ожиданіи очереди переправы.

Путешествіе наше было окончено.

Н. Караивъ.

НАША КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

НЕФТЯНОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

(Окончаніе).

Бакинская нефтяная промышленность сдѣлала въ послѣднее время замѣчательные успѣхи. Въ началѣ шестидесятихъ годовъ, во время существованія нефтянаго откупа, въ окрестностяхъ Баку было только нѣсколько нефтяныхъ колодезевъ: Мирзаева, Бурмейстера и др., но съ отменою откупа дѣло добычи нефти поднялось сразу. Взаимъ ручнаго копанья колодезевъ, которымъ довольствовались до того времени, стали бурить скважины въ 8—16 дюймовъ механическимъ способомъ и на глубину до 60 саженей. Въ началѣ 1876 года насчитывалось до 40 буровыхъ колодезевъ, изъ которыхъ добывалось болѣе 10 милліоновъ пудовъ нефти. Въ 1876 году былъ отмененъ акцизъ, сильно стѣснявшій промыселъ, и нефтяная промышленность поднялась еще быстрѣе: теперь въ этой мѣстности есть около 350-ти буровыхъ колодезевъ, усовершенствованы способы отправки нефти, проведены трубы и т. п. При откупѣ нефть продавалась по 40 к. за пудъ, при акцизной системѣ по 20 коп., а теперь продается на мѣстѣ по 2 копейки. Нефть перерабатывается уже на смазочныя масла, отправляемые за-границу; остатки идутъ на топливо, и вообще все дѣло окрѣпло и прочно установилось. По отзывамъ такихъ специалистовъ, какъ профессоръ Менделѣевъ, видѣвшій богатѣйшіе нефтяные источники Америки, наши окрестности Баку богаче всѣхъ въ мірѣ. То и дѣло открываются новые нефтяные фонтаны, дающіе десятки тысячъ пудовъ нефти ежедневно каждый, и еще множество озеръ остаются нетронутыми.

Въ прошломъ номерѣ «Всемирной Иллюстраціи» были даны рисунки богатой нефтяными фонтанами мѣстности Шайтанъ-Базаръ, въ мѣстечкѣ Сабунчи, въ 15-ти верстахъ отъ Баку и самаго замѣчательнаго изъ этихъ фонтановъ, принадлежащаго Бенксену и К°. Фонтанъ этотъ даетъ до 2,000 пудовъ нефти въ часъ, бьетъ вверхъ широкой струей, падающей въ особо устроенный резервуаръ, отсюда по трубамъ течетъ въ чаны и, наконецъ, накачивается въ вагоны для дальнѣйшей отправки по желѣзной дорогѣ. Нѣсколько времени назадъ у одного изъ сосѣднихъ владѣльцевъ вспыхнулъ пожаръ, и такъ какъ вѣтеръ дулъ въ сторону фонтана Бенксена и К°, то воспламенились нефтяныя брызги и пылъ, а за ними загорѣлась и вся струя, обратившаяся въ громадный огненный столбъ. Съ большими усилиями удалось заткнуть отверстие выводной трубы и такимъ образомъ прекратить притокъ нефти; вышку-же, выстроенную надъ скважиной, спасти было невозможно, и она почти моментально обратилась въ кучу

углей. Г. Левитесь, фотографъ въ Тифлисѣ, составившій большую коллекцію фотографическихъ видовъ этой мѣстности, снялъ видъ фонтана въ полномъ дѣйствіи и съ этой фотографіи сдѣланы данные нами рисунки.

ИЗЯЩНОЕ ИЗДАНИЕ.

«Germania». Zwei Jahrtausende deutschen Lebens, von J. Scherr. Verlag von W. Spemann, in Stuttgart.

(Германія, текстъ Шерра, изд. Шпеманна въ Штутгартѣ.)

Въ послѣднее время, въ Германіи въ особенности, часто стали появляться роскошныя и, въ то-же время, строго научныя изданія, которыя представляютъ въ одно и то-же время и превосходный матеріалъ, и крайне увлекательное чтеніе, и изыщѣннѣйшій киоскъ для стала интеллигентнаго человѣка. Этотъ способъ популяризаціи научныхъ свѣдѣній все болѣе и болѣе развивается съ легкой руки издателя Брокгауза и пользуется громаднымъ успѣхомъ среди читающей, образованной публики. Успѣхъ этотъ понятенъ, если мы припомнимъ, при какихъ условіяхъ издаются книги въ Германіи. Все тамъ приспособлено, все устроено такимъ образомъ, что издателю остается лишь затратить извѣстную сумму денегъ, и прислать для составленія текста лицо болѣе или менѣе компетентное, съ болѣе или менѣе извѣстными публичкѣ именемъ; превосходные рисовальщики, граверы, литографіи, печати находятся во всякомъ мало-мальски порядочномъ городѣ; частные альбомы, богатѣйшія общественныя книгохранилища всѣ къ услугамъ издателя, а потому тамъ и возможны такіе превосходнѣйшіе изданія, какъ «Египетъ» Эберса, «Индія» Шлагинтейта и лежащая въ настоящую минуту передъ нами «Германія», съ текстомъ, принадлежащимъ талантливому перу Шерра.

Вся книга, издаваемая выпусками, будетъ содержать въ себѣ 95 печатныхъ листовъ и обнимать собою всю культурную, такъ сказать, исторію Германіи, представленную въ отдѣльныхъ очеркахъ или, такъ сказать, картинахъ. Уже одно имя Шерра должно-бы было, по видимому, ручаться намъ за строгую научность текста, но, къ сожалѣнію, въ послѣднее время всѣ нѣмецкіе великіе умы зарылись какими-то совершенно не подходящимъ къ нимъ шовинистическимъ духомъ, который явился у нихъ послѣ франко-прусской войны и сдѣлалъ изъ ихъ послѣднихъ творений нѣчто такое, что напоминаетъ наши лубочныя картины временъ севастопольской войны; яко-бы патріотическое чувство заставило Фирхова доказывать, что свѣтлые глаза составляютъ признакъ чисто германской крови и что французскій черепъ самъ уже по себѣ есть признакъ недостаточности умственнаго развитія; Шпильгагенъ сталъ восхищаться «честными» германскими воинами, которые вѣшали на немъ неповинныхъ французскихъ крестьянъ, а теперь Шерръ, этотъ строго философскій умъ, выходитъ предъ публикою съ расхваливаніемъ положенія древне-германской женщины, для доказательства чего говоритъ, что ей у кимбровъ поручалось приносить человѣческія жертвы и т. п.

Книга начинается съ доисторической эпохи; и художнику, и беллетристу исторіку представляется широкое поле для игры воображенія, которое, конечно, и «играетъ» уже безъ удержу; среди превосходныхъ описаній быта жителей озерныхъ или свайныхъ построекъ, читатель съ недоумѣніемъ останавливается на хвалебныхъ гимнахъ женской сдѣливости, домовитости и т. п. у древнихъ германъ; какъ-бы случайно попадаетъ тутъ, между тѣмъ, превосходная гравюра Ферд. Келлера «Брунгильда», которая отнюдь, впрочемъ, вышеупомянутыми качествами не отличалась; а г. Вейгандъ изобразилъ даже «семейную картину» изъ быта древнихъ германцевъ, которая до крайности напоминаетъ намъ одну старинную студентскую иѣмецкую иѣсенку: «Was macht der Herr Para?» Но едва лишь Шерръ или издатель отдаляютъ отъ себя желаніе покрасоваться своимъ истинно докучливымъ «гер-

манствомъ», какъ рѣшительно нѣтъ возможности оторваться отъ текста и картинъ; «невѣста 16-го столѣтія» дышетъ жизнью и обрисовывается своимъ костюмомъ, обстановкою, всѣмъ своимъ существомъ вѣрную картину жизни того времени; каждая самая незначительная бытовая картинка дышетъ правдою, такъ какъ художники въ Германіи работаютъ не такъ, какъ наши, силеча, а сначала изучаютъ предметъ, обойдутъ цѣлый десятокъ музеевъ, высмотрятъ, выйдутъ и тогда уже скопанируютъ картинку. Въ дальнѣйшихъ выпускахъ будутъ помѣщены слѣдующіе очерки или отдѣлы: время переселенія народовъ, Карловинги, Оттоны, Генрихи, Фридрихи, владѣльческій городъ, деревня и городъ, церковь и государство, зачатки и предшественники реформациі, отъ Виттенберга до Мюнстера и Оснабрюка, правовѣріе, сельскіе рабы и боевая горячка, о художникахъ и поэтахъ, о музыкантахъ и артистахъ, о газетчикахъ и книгопродавцахъ, хижина и домъ, замокъ и дворецъ, духъ новаго времени, коса и пудра, образованіе и гениальность, классицизмъ и романтизмъ, идеализмъ и матеріализмъ, новое государство. Если откинуть чисто историческую часть этого почтеннаго и добросовѣстнаго, по видимому, труда, то останется лишь чисто культурная исторія Германіи, чрезвычайно, характеризующимъ Шерра, искусствомъ раздѣленная на отдѣльные очерки съ заманчивымъ заглавіемъ и еще съ болѣе заманчивымъ содержаниемъ.

Какъ-бы то нибыло, но, кромѣ нѣкотораго шовинизма, никакихъ другихъ недостатковъ въ этомъ превосходномъ изданіи нѣтъ. Гравюры выполнены такъ отчетливо и художественно, что намъ, русскимъ, нельзя и думать о чемъ-либо подобномъ.

Мы представляемъ на судъ публики три гравюры изъ «Германіи» Шерра и смѣемъ заверить, что мы отнюдь не выбрали лучшія. Всякій, кто захочетъ имѣть полную энциклопедію справочныхъ свѣдѣній о Германіи — странѣ и о германцахъ, какъ культурной единицѣ, всякій образованный читатель, желающій занять свое время приятнымъ и въ то-же время серьезнымъ и полезнымъ чтеніемъ, всякій любитель изящнаго, которому доставляетъ удовольствіе имѣть въ своей библіотекѣ рядъ изящныхъ и превосходно выполненныхъ картинъ, всякій, наконецъ, кто интересуется чтеніемъ вообще, найдетъ удовлетвореніе въ «Германіи» Шерра, тѣмъ болѣе, что штутгартскій издатель выпускаетъ книгу выпусками, причемъ каждый выпускъ въ два-три листа обходится всего въ 20 коп. сер.; вся книга будетъ стоить всего 8 рублей.

В. К—скій.

Въ Тегеранѣ 2-го (14-го) августа составилъ любительскій кружокъ «литературы и художествъ», который въ непродолжительное время открылъ художественную выставку. Многія картины изъ дворца шаха, въ томъ числѣ и произведенія Айвазовскаго, временно будутъ помѣщены на выставку.

Лондонская королевская галерея выставила 10-го (22-го) августа въ своихъ апартаментахъ, недавно найденный въ Гатѣ, престелый полевой портретъ Вильяма Дика, писанный имъ самимъ.

10-го (22-го) августа сообщаютъ изъ Алексинца, что на горѣ Руевникъ, въ присутствіи большаго стеченія народа, собравшагося изъ окрестностей, совершена закладка памятника русскимъ добровольцамъ, павшимъ за независимость Сербіи.
